

Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское»

МИХАЙЛОВСКАЯ
ПУШКИНИАНА

Выпуск 5

1999

*Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный
музей-заповедник А.С. Пушкина "Михайловское"*

*Михайловская
Пушкиниада*

**Сборник статей научных сотрудников
музея-заповедника А.С. Пушкина
"Михайловское"**

Выпуск 5

**Москва
1999**

Михайловская пушкиниана. Сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А.С. Пушкина "Михайловское". Выпуск 5. М.: МЦНТИ. 1999. -136 с.

В сборник вошли три достаточно объемные статьи, подготовленные сотрудниками Заповедника. В статье А.В. Буковского дана хроника событий ноября-декабря 1826 года, связанная с пребыванием Пушкина в михайловской ссылке. Публикация интересна благодаря включению хроникально-документальных материалов о литературно-общественной жизни в этот период и комментариям автора статьи.

Традиционно публикуются материалы по истории Заповедника, в частности, в статье Т.В. Степановой анализируются документы советского периода, связанные с историей Святогорского монастыря.

Статья Ю.В. Козмина, посвященная весьма локальной теме – истории флигелей Михайловского, безусловно, гораздо шире своего названия. Кроме документального и фактического аспекта, автор дает концептуальный подход к проблеме музеефикации. Следует отметить и стиль автора, гармонично сочетающий научную основательность и глубокое владение фактическим материалом с вовлечением читателя в логику авторских построений.

В сборнике есть работы и других авторов, не являющихся сотрудниками музея-заповедника. Это статья Л.В. Ивановой (председатель Общества изучения русской усадьбы), посвященная организации музеев-усадеб в России после октября 1917 года; работа Н.Г. Жиркевич-Подлесских, подготовленная ею по переписке баронессы Е.К. Остен-Сакен – бабушки автора, владелицы усадьбы Иваньково, расположенной недалеко от Михайловского; интересное исследование, построенное Н.В. Лукиной на сравнительном анализе описаний дворянско-усадебного быта в произведениях А.С. Пушкина и документальных свидетельств об усадьбе Кузнецово, об укладе жизни в ней.

*Издание осуществлено при содействии
Международного центра научной и технической информации*

© Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», 1999.

© Оригинал-макет МЦНТИ, 1999.

А.В. БУКОВСКИЙ

А.С. Пушкин. Псковская хроника (ноябрь-декабрь 1826 года)

Настоящая статья касается пребывания Пушкина на Псковской земле в ноябре-декабре 1826 года. Автор не претендует на полноту сведений о жизни и творчестве Пушкина в этот период, но надеется, что изложенное будет интересно любителям творчества великого поэта. Расшифровка источников приводится в конце статьи. Письма цитируются по тому 13 полного собранию сочинений А.С. Пушкина (изд-во Академии наук СССР, 1937 - 1949 гг.). Датировка дается по старому стилю. Биографические пояснения взяты из книги Л.А. Черейского "Пушкин и его окружение" (Л. изд-во "Наука", 1988).

В ночь с 3-го на 4-е сентября 1826 года Пушкин выезжает из Михайловского "не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдегеря". Его везут в Москву. Наступает поворотный момент в биографии поэта - аудиенция с Николаем I, которая привела к окончанию шестилетней ссылки. Москва встречает его с восторгом. "Надобно было видеть участие и внимание всех при появлении его в обществе! Когда в первый раз Пушкин был в театре, публика глядела не на сцену, а на своего любимца - поэта" [Письма, с.184]. Огромным успехом пользуется его трагедия "Борис Годунов", которую он читает на квартирах друзей и почитателей. Москва "коронует" Пушкина.

Но надо было устраивать свои личные дела, надо было привозить рукописи из Михайловского, надо было навестить тригорских друзей, роль которых в судьбе Пушкина трудно переоценить. Еще из Пскова 4 сентября 1826 года Пушкин пишет хозяйке Тригорского П.А.Осиповой: "... как только буду свободен, со всей поспешностью вернусь в Тригорское, к которому отныне сердце мое привязано навсегда" [Переписка, №27, подл. по фр.]. Спустя 12 дней ей же: "... Москва шумна и до такой степени отдалась празднествам, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, иначе говоря по Тригорскому, рассчитываю быть у вас самое позднее через две недели". [Переписка, №280, подл. по фр.]. Надо было на покое осмыслить произшедшее с ним, надо было заняться творчеством, чего он не мог делать в то время в Москве. Осень, время наиболее интенсивной работы.

"Осеню он обыкновенно удалялся на два и три месяца в деревню, чтобы писать и не быть развлекаемым. В деревне он вел всегда одинаковую жизнь, весь день проводил в постели с карандашом в руках, занимался иногда по 12 часов в день, поутру освежался холодною ванною; перед обедом, несмотря даже на непогоду, скакал несколько верст верхом, и когда уставшая под вечер голова требовала отдыха, он играл на бильярде или призывал с рассказами свою старую нянью. <...>. Ибо как скоро приезжал он в деревню и брался за перо, лихорадка переливалась в его жилы, и он писал, не зная ни дня, ни ночи, Так писал он, не покидая почти пера, каждую главу "Онегина", так написал он почти без остановки "Графа Нулина" и "Медного всадника". [Н.М.Смирнов, РА, 1822. кн.1, с.232].

Перед самым отъездом из Москвы в Михайловское Пушкин получает письмо от А.Х. Бенкендорфа, написанное 30 сентября (Бенкендорф и Николай I в это время уезжают в Петербург, куда прибывают 6 октября). Это первое письмо в сношениях его с поэтом: "Милостивый государь Александр Сергеевич! Я ожидал прихода Вашего, чтобы объявить высочайшую волю, по просьбе Вашей, но, отправляясь теперь в С.-Петербург и надеясь видеть здесь, честь имею уведомить, что государь император не только не запреcтает приезда Вам в столицу, но предоставляет совершенно на Вашу волю, с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешение через письмо. Его величество совершенно остается уверенным, что Вы употребите отличные способности Ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя Ваше. В сей уверенности его императорскому величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предметом о воспитании юношества. Вы можете употребить весь досуг, Вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить Ваши мысли и соображения; и предмет сей должен представить Вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания.

Сочинений Ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры: государь император сам будет и первым ценителем произведений Ваших и цензором.

Объявляя Вам сию монарию волю, честь имею присовокупить, что как сочинения Ваши, так и письма можете для представления его величеству доставлять ко мне; но впрочем от Вас зависит и прямо адресовать на высочайшее имя.

~~~~~

Примите при сём уверение в истинном почтении и преданности, с которыми честь имею быть Вам покорным служой А.Бенкендорф." [Переписка, №283].

1-го или 2-го ноября, получив разрешение Бенкендорфа, Пушкин выезжает из Москвы. Часть пути проходит по Петербургскому тракту (Тверь - Торжок - Новгород), затем через станции Боровичи, Порхов, Бежаницы, Новоржев. Из Новоржева до Святых Гор почтовой гоньбы не было (30 верст). Надо было нанимать вольных ямщиков либо пользоваться выехавшими навстречу своими лошадьми.

Бенкендорф Александр Христофорович (1783-1844) - шеф корпуса жандармов и начальник III отделения его императорского величества канцелярии, с 1826 года стал посредником в сношениях поэта с царем.

3 ноября 1826 года, среда

Пушкин уже в Торжке и пишет оттуда княгине В.Ф. Вяземской (подл. по фр.).

"... Спешу, княгиня, послать Вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать Вам мадrigал по поводу пояса Венеры, - но мадrigал и чувство стали одинаково смешны. Что сказать Вам о моем путешествии? Оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и невыносимых ямщиков. Толчки, удары локтями и проч., очень беспокоят двух моих спутников, я прошу у них извинения за вольность обращения, - но когда путешествуешь совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С.П.*- мой добрый ангел, но другая - мой демон; это весьма некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня, - еду похоронить себя в обществе моих соседок. Молите Бога за упокой моей души. Если Вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, - это будет с Вашей стороны вполне милое кокетство. Вы, которая, умеет написать записку лучше, чем моя покойная тетушка, - неужели Вы не проявите такой доброты? (N.B.- записка впредь синоним музыки). Итак, прощайте. Я у Ваших ног и трясу Вам руку на английский манер, так как Вы ни за что не желаете, чтобы я Вам ее целовал. - Торжок, 3 ноября. - Достаточно ли обиняков? Ради Бога,

* Это, само собой разумеется, не Сергей Пушкин.

не давайте ключа к ним Вашему супругу. Категорически восстаю против этого.

На обороте: “Ее сиятельству княгине Вере Федоровне Вяземской - в Москве. В Чернышевском переулке в собств. доме”. Запечатано печатью-талисманом на красном сургуче. [Переписка, №290].

Вяземская Вера Федоровна (1790-1886) - жена близкого друга Пушкина Петра Андреевича Вяземского, поэта, журналиста, литературного критика. Вера Федоровна принадлежала к числу ближайших друзей Пушкина, была посвящена во все подробности столкновения Пушкина с Воронцовым, сватовства и свадьбы поэта и его преддурьльной истории. Пушкин, по словам П.И. Бартенева был с ней “откровеннее”, чем с ее мужем.

С.П. - Софья Федоровна Пушкина (1806-1862), дальняя родственница поэта, предмет нового пылкого увлечения поэта.

“**Другая**” - вероятно тригорская соседка Пушкина Анна Николаевна Вульф (1799-1857), влюбленная в Пушкина, который, однако, никак не отвечал взаимностью, хотя и отзывался на ее кокетливые письма, которыми она его засыпала после своего отъезда из Тригорского в начале 1826 года, - из Малинников и Петербурга. Л.А. Краваль [М.П., с. 218] полагает, что “другая” - Евпраксия Николаевна Вульф (1809-1883), в замужестве Вревская, которую воспел Пушкин летом 1826 года в 5-й главе “Онегина”:

... Зизи, кристалл души моей
Предмет стихов моих невинных,
Любви заманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

В этот же день Н.М.Языков пишет из Дерпта брату Александру Михайловичу: “...Государь сказал Пушкину, чтобы он писал больше, зане он сам его цензор <...> Здесь носятся слухи, что Пушкин приедет скоро в Петербург. Сделай милость, познакомься с ним: этим благословенным поступком ты меня сильно удовольствуешь и , сверх того, можешь получить от него понятие о моем с ним знакомстве, которого главные черты так разительно изъяснены в моем к нему послании”. [Письма, с.202].

Языков Николай Михайлович (1803-1845) - друг Пушкина, поэт. Пушкин познакомился с ним - тогда еще студентом Дерптского университета - летом 1826 года в Тригорском. Пушкин высоко ценил творчество Языкова, постоянно стремился привлечь его к сотрудничеству.

В этот же день из Дрездена А.И.Тургенев пишет брату Николаю Ивановичу: "...Поэту Пуш *<кину>* позволено жить в Москве. Он привезен был туда, видел государя и расстался, восхищенный им, но далее Москвы еще ехать не может. Написал новую прекрасную трагедию: Годунова ... Вяз ёмский называет: "зрелое и возвышенное произведение. Ум его развернулся, душа прояснилась. Он возвесся до высоты, которой еще не достигал". Государь сам обещал быть его цензором". [П.Врем. т.1, с.200].

Тургенев Александр Иванович (1784-1845). В жизни Пушкина, которого знал с детства, играл заметную роль. Способствовал поступлению Пушкина в Царскосельский лицей, он же сопровождал тело поэта для похребения в Святогорском монастыре. В 1836 году Пушкин привлек его к сотрудничеству в своем журнале "Современник".

Тургенев Николай Иванович (1789-1871) - брат Александра Ивановича Тургенева, один из руководителей Союза благодеяния и видный член Северного общества. С 1824 года находился за границей, был осужден к смертной казни и стал политическим эмигрантом.

4 ноября 1826 г., четверг

В "Северной пчеле" №132 помещено объявление: "Новые книги. Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава вторая, Москва, в тип. Августа Семена, при Императорской медико-хирургической Академии, 1826 год, 42 стр. Продается в книжном магазине А.Ф.Смирдина по 5 рублей". (Подписано это объявление Ф.Б. - Фаддей Булгарин).

Здесь же Фаддей Булгарин дает довольно объемный критический обзор 2-й главы. Представим некоторые выдержки: "Читали ли вы Онегина? Каков вам кажется Онегин? Что вы скажете об Онегине? - Вот вопросы, повторяемые беспрестанно в кругу литераторов и русских читателей. <...> Онегин - начатая картина. Из очерков и положенных в некоторых местах красок и теней мы узнаем кисть великого Художника; узнаем ее в некоторых искусственно отделанных подробностях, снятых с натуры, но не можем судить о целой картине, о характере главного лица, потому что он только в абрисе <...> Главный характер Онегин, еще покрыт завесою. <...> Подождем конца. <...> Онегин, промотав имение самым неприличным образом, вознавидел людей без всякой причины и удалился в деревню: что будет далее - увидим. Должно ли говорить о стихосложении, о гармонии, о счастливых оборотах, об остроумии, о сатирическом, весьма приятном духе сего

отрывка? Этим преисполнена вторая глава, и она написана стихами Пушкина. Этого довольно". [П и С., вып. XXIII-XXIV, с.132-135].

Смирдин Александр Федорович (1795-1857) - петербургский книгоиздатель, изобретатель сочинений Пушкина и других русских писателей. Сохранились свидетельства современников о частом посещении Пушкиным магазина и библиотеки Смирдина, представлявших собой своеобразный литературный салон.

Семен Август Иванович (1788-1862) - содержатель (арендатор) типографии при Московском отделении Медико-хирургической академии, книгоиздатель и книгопродавец. В типографии Семена печатались многие произведения Пушкина.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789-1859) - писатель, журналист, редактор и изобретатель нескольких газет и журналов, в т.ч. "Северной пчелы". Негласный агент III отделения. Отношение Пушкина к Булгарину было резко отрицательным.

В этот же день происходит событие, не предвещающее ничего хорошего для Пушкина. Великий князь Михаил Павлович обращается к начальнику штаба конноегерского полка, расквартированного в Новгороде. Офицеры этого полка были членами Аудиториата по делу о стихах Пушкина "Андрей Шенье", ходивших в списках под названием "На 14 декабря". Отрывок из заключительной части обращения великого князя: "*При чем имею честь Вашему высокопревосходительству присовокупить, что я считаю нужным не только выслать в Новгород прикосновенного к означенному делу учителя Леопольдова, но и требовать от сочинителя стихов А.Пушкина показание, его ли действительно сочинения известные стихи; с какою целью им сочинены они и кому от него переданы, и доставить в Новгород находящихся ныне в ведении Московского коменданта под арестом шт.- кап. Алексеева и прaporщика Молчанова, и если Комиссия почетет нужным, то и самого Пушкина*".

В Новгород однако же Пушкин вызван не был, хотя дело тянулось до конца июня 1827 года. Вот суть его.

В январе 1826 года вышли в свет "Стихотворения Александра Пушкина". В этой книге была напечатана элегия "Андрей Шенье", написанная еще в январе 1825 года. Элегия была урезана в цензуре, а не пропущенные цензурой стихи разошлись по рукам в списках. В конце июля - начале августа агент по секретным поручениям генерала Скобелева, 14 класса помешник Коноплев предоставил своему начальнику отрывок из "Андрея Шенье", получившего уже назва-

ние "на 14 декабря". Коноплев добыл список стихов у кандидата (учителя - А.Б.) Леопольдова. Узнав от Леопольдова, что стихи даны ему были прапорщиком лейб-гвардии конногренадерского батальона Молчановым в июле 1826 года, Скобелев сообщает полученные им сведения Бенкендорфу. Началось дело; был найден и арестован Молчанов, который показал, что стихи получены им в феврале 1826 года от лейб-гвардии конноегерского полка штабс-капитана Алексеева. Алексеев был разыскан и арестован. В свою очередь Алексеев утверждал, что он получил их в Москве осенью 1825 года, но от кого - решительно не помнит и упорно оставался при своем отрицании.

Для Пушкина это дело обернулось утверждением Государственного совета от 28 июня 1827 года "в отношении к сочинителю означенных Пушкину дополнением, что по неприличному выражению его в ответах своих насчет происшествия 14 декабря и по духу самого сочинения, в октябре 1825 года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор". [П и С., вып. XI, с.1-51]

5 ноября 1826 года, пятница

А.Е. Измайлов, известный баснописец и журналист, издатель журнала "Благонамеренный", пишет П.Л.Яковлеву, родному брату лицейского друга Пушкина М.П.Яковлева: "Для Календаря Муз получил уже несколько весьма хороших материалов. Вчера дали мне "Роман моего отца", стих. повесть, под которой не постыдился бы и Пушкин подписать своего имени, да превосходную большую прозаическую статью "Пустынник на празднике". <...> Чуть-чуть было не попал я на место Жуковского в учители русского языка к вел. кн. Елене Павловне, да перебил Плетнев". [П. Иссл. и мат. , т.VIII, с.189].

Автор "Романа моего отца" - И.Бартинский. "Пустынник на празднике" напечатан в "Календаре Муз" на 1827 год без подписи.

6 ноября 1826 года, суббота

В Москве получено официальное разрешение на издание журнала "Московский вестник". Этот журнал был задуман и осуществлен с начала 1827 года кружком молодых москвичей. Главными сотрудниками в него вошли Д.В. Веневитинов, Н.М. Рожалин,

С.П. Шевырев, В.П. Титов, С.И. Малыцов, С.А. Соболевский, редактором был избран М.П. Погодин. Пушкин обещал свое постоянное сотрудничество с вознаграждением по 10 тысяч рублей с проданных 1200 экземпляров журнала. В число участников вошли затем А.А. Дельвиг, И.И. Козлов, Н.М. Языков и другие писатели Пушкинской плеяды, за исключением лишь князя П.А.Вяземского. [Письма, с.203].

Погодин Михаил Петрович (1800-1875) - историк, писатель, журналист, издатель журнала "Московский вестник" (1827-1830). Проявлял большой интерес к творчеству Пушкина. При ближайшем участии поэта организуется и издается "Московский вестник". Пушкин поощрял литературные и исторические труды Погодина.

Из перлюстрированного III отделением собственной его величества канцелярии письма без подписи из Москвы от 6-го ноября 1826 года к графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому в С.-Петербург выписка: "Вероятно встречусь с Пушкиным, с которым и желал бы познакомиться; но, с другой стороны, слышал так много дурного насчет его нравственности, что больно встретить подобные свойства в таком великим Гении. Он, говорят, несет большую дичь и публично. Жена Николая В. мне вчера сказала, что Вяземский и Пушкин ждут меня с нетерпением, а по какой причине - не знаю."

На "выписке" помета И.И. Дибича: "для объяснений с <состопином> А.Бенкендорфом". [П. под т.н., с.33].

Виельгорский Михаил Юрьевич (1788-1856) - государственный деятель, композитор-дилетант, меценат. Петербургский знакомый Пушкина.

Дибич Иван Иванович (1785-1831) - участник Отечественной войны, начальник Главного штаба. В годы ссылки поэта принимал участие в организации слежки за ним.

7 ноября 1826 года, воскресенье

Запись в дневнике Погодина М.П.:

"...Переписывал с восхищением Годунова! Чудо! Послав на почту ...Прочел после хлопот Годунова". [П и С., вып.XIX-XX, с.81].

Погодин, не зная цензурных правил, посыпает отрывок из "Бориса Годунова" ("Сцена в Чудовом монастыре") в Петербург Веневитинову для представления в цензуру. (см. письмо Веневитинова Погодину от 17 ноября 1826 года).

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805-1827) - четвероуродный брат Пушкина, поэт, критик, один из основных организаторов и участников "Московского вестника". Фактический глава кружка "любомудров". Рассматривал творчество Пушкина с общефилософских и общеэстетических позиций.

8 ноября 1826 года, понедельник

Министр внутренних дел В.С.Ланской передает проект нового устава для цензуры иностранных книг на высочайшее утверждение. Проект предусматривал исключительно строгие правила ввоза в Россию книг и журналов. Иностранная цензура должна была стать неким подобием Великой китайской стены, отделяющей русское просвещение от интеллектуальной жизни Западной Европы. Особо были составлены секретные инструкции. По сути дела было предусмотрено создание двух иностранных цензур: одной - для простых смертных и другой - для высокопоставленных особ. Последним разрешалось выдавать под расписку, для их личного пользования, крамольные иностранные книги и журналы.

Николая I не подписал представленный ему проект, а создал Временный комитет для его рассмотрения. [П. иссл. и мат., Т.VIII, с.203].

Работа по подготовке нового цензурного устава продолжалась вплоть до 22 апреля 1828 года, когда Николай I утверждает его. Этот устав, объединивший правила как внутренней, так и иностранной цензуры, был составлен с явно выраженным намерением упростить и облегчить цензурные условия. Однако эра цензурного либерализма не наступила.

И тем не менее на первых порах отмена цензурного устава 1826 года возбудила надежды на торжество более либеральной литературной политики. Надо думать, что и Пушкин не избежал подобных иллюзий. Возможно он полагал, что при наступлении эры "разумной" цензуры станет возможным коснуться в романе "Евгений Онегин" истории царствования Александра I и трагических событий недавних прошлого. Однако цензурный устав 1828 года и направление внутренней политики Николая I в начале 1830-х годов не оправдали надежд, которые на них возлагались. Пушкин будет вынужден "урезать" замысел "Евгения Онегина" и сжечь «декабристскую» главу романа. [П. иссл. и мат., Т. VIII, с.215-218].

Из донесений Бенкендорфу жандармского полковника И.П.Бибикова: "Я слежу за сочинителем Пушкиным, насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды Волконской, князя Вяземского, поэта, бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются, то большей части, на литературе ... Дамы кадят ему и балуют молодого человека; напр., по поводу выраженного им в одном обществе желания вступить в службу несколько дам вскричали сразу: "Зачем служить! Обогащайте нашу литературу вашими высокими произведениями, и разве, к тому же, Вы уже не служите девяти сестрам? Существовала ли когда-нибудь более прекрасная служба? <...>

8 ноября 1826 г. сочинитель Пушкин, о котором я уже имел честь говорить Вам в моем последнем письме, только что покинул Москву, чтобы отправиться в свое псковское имение. Его трагедия "Борис Годунов", которую один из моих друзей читал, - как говорят, - поэтическое совершенство. Она - чисто историческая, составлена в стиле трагедий Шиллера и писана белыми стихами. [П. под. т.н., с.33-34].

9 ноября 1826 года, вторник

В этот день Пушкин пишет несколько писем.

П.А. Вяземскому в Москву: "Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей; самый неприятный анекдот было то, что сломались у меня колесы, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г.Соболевским. Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни - ей-Богу, приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву "О умилении сердца владыки и укрощения духа его свирепости", молитвы вероятно сочиненной при царе. Иване. Теперь у ней попы дерут малебен и мешают мне заниматься делом. Получила-ли княгиня пояса и письмо мое из Торжка? Долго здесь не останусь, в Петербург не поеду; буду у вас к 1-му ...она велела! Мильй мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться. К тому же журнал ... Я ничего не говорил тебе о твоем решительном намерении соединиться с Полевым,

а ей-Богу – грустно. Итак никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! все в одиночку. Полевой, Погодин, Сушкин, Завальевский, кто бы не издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтоб перевозить, выписывать, объявлять etc, etc. Это черная работа журнала, вот зачем и издатель существует; но он должен: 1) знать грамматику русскую; 2) писать со смыслом, то есть согласовать существительные с прилагательными и связывать их с глаголом. А этого-то Полевой и не умеет. Ради Христа, прочти первый параграф его известия о смерти Румянцева и Растворчина. И согласись со мной, что ему невозможно доверить издания журнала, освященного нашими именами. Впрочем, ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я буду хозяин нового журнала. Тогда как ты хочешь, а уж Полевого ты пошлешь к матери в гузно. Прощай, князь Вертопрахин, кланяйся княгине Ветроне, которая, надеюсь, выздоровела. Что наши? Что Запретная Роза? что Тимашева? как жаль, что я не успел с нею завести благородную интригу! но и это не ушло. 9 ноября

Сейчас перечел мои листы о Карамзине - нечего печатать. Собирайся с духом и пиши. Что ты сделал для Дмит^{риева} ... (которого NB ты один еще поддерживаешь), то мы требуем от тебя для тени Карамзина - не Дмит ... у чета! - Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидывать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет. - Ах! каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы!" [Переписка, №292].

Полевой Николай Алексеевич (1796-1846) - писатель, журналист, критик, издатель журнала "Московский телеграф". Пушкин был неудовлетворен журнальной деятельностью Полевого, которого он обвинял в опрометчивости критических суждений, резких нападках на "Историю государства Российского" Карамзина, "невежестве".

"**Запретная Роза**" - одна из племянниц Екатерины Тимашевой, известной красавицы и поэтессы Е.П. Кинчкова В написанном за несколько дней до отъезда своего из Москвы, в альбоме Е.А. Тимашевой стихотворении, ей посвященном, Пушкин упомянул Запретную Розу.

С.А. Соболевскому в Москву: "Мой милый Соболевский - я сно-
ва в моей избе. 8 дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на
перекладных. Дорогою брали тебя немилосердно, но в доказа-
тельство дружбы (сего священного чувства) посыпаю тебе мой
Itineraire от Москвы до Новгорода. Это будет для тебя инструк-
ция. Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь.
Потом [приписано сбоку]: На голос Жил да был петух индейской:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони
Да яшиницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (имянно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащим
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращим
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан Шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок -

Яжельбицы - первая станция после Валдая. В Валдае спроси,
есть ли свежие сельди? если же нет

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай -

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие."

На обороте: "Сергею Александровичу Соболевскому. В Москве, на Молчановке в доме Ренкевичевой."

Почтовый штемпель: "Опочка 1826 Нояб. 10." [Переписка, №291].

Характеризуя взаимоотношения Пушкина и Соболевского, биограф последнего В.И. Сайтov пишет: "Среди многочисленных друзей Пушкина Соболевский занимал далеко не последнее место. ... Пушкин любил и уважал Соболевского, ибо видел в нем не только остроумного, веселого собутыльника, но и человека, отличавшегося независимым образом мыслей, благородством характера, одаренного большим умом, литературным вкусом и тонким артистическим чутьем, которое высоко ценилось как самим Пушкиным, так и другими писателями новой школы. Грибоедов, Баратынский, Дельвиг читали ему свои произведения и дорожили его советами. Соболевский пользовался необычайным доверием Пушкина, который посвящал его во все свои дела, не исключая даже семейных ... Обладая сильным характером и твердой волей, Соболевский умел влиять на Пушкина ... Граф В.А. Соллогуб, рассказывая в своих воспоминаниях историю последней дуэли Пушкина, замечает: "Я твердо убежден, что если бы С.А. Соболевский был тогда в Петербурге, он, по влиянию его на Пушкина, один мог бы удержать его. Прочие были не в силах."

Н.М. Языкову в Дерпт: "Милый Николай Михайлович - Сей час из Москвы, сей час видел Ваше Тригорское - спешу обнять и поздравить Вас. Вы ничего лучше не написали, но напишите много лучшего. Дай Бог Вам здоровья, осторожности, благоденствия и мирного жития! Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, неobjятная. Таким образом "Годунова" тишина. О ценз. уставе речь впереди. Пишите мне. Обнимаю Вас и Вульфа. Получили-ли Вы мои стихи? У меня их нет - пришлите мне их, да кстати и первое послание.

О Москве напишу Вам много. [Переписка, №293].

"Тригорское" - большое стихотворение Языкова, посвященное им П.А. Осиповой; в нем поэт под свежим впечатлением пребывания в Тригорском, вспоминает свою жизнь в деревне, беседы с Пушкиным, общество тригорских обитательниц и т.п. летом 1826 года.

С.П. Шевырев в некрологе Языкова : "Языков живописными стихами нарисовал ландшафт Тригорского. Памятно мне, как Пушкин в 1826 году привез это стихотворение в Москву и с восторгом читал его нам. Чувства свои он выразил в послании к Языкову. Он сказал ему, что Иллюстрация его

... не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой,
Она разычива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском, жаждою свободной
Открытый в наши времена

Пушкин кланялся стиху Языкова." [Письма, с.202].

Шевырев Степан Петрович (1806-1864) - писатель, критик и историк литературы, один из основателей журналов "Московский вестник" и "Московский наблюдатель". Автор воспоминаний о Пушкине.

Вернувшись в "свою избу" 9 ноября из Москвы, где после аудиенции у нового царя круто изменилась его судьба, Пушкин взялся прежде всего за пятую главу "Евгения Онегина", от которой давно отошел. Завершенные к тому времени первые 20 строф были написаны раньше. Но, написав четыре строфы (пробуждение Татьяны после знаменитого сна и ее попытка разгадать свой сон), поэт оторвал себя от любимого детища и занялся вынужденным делом. Еще в Москве он получил письмо от Бенкendorфа: "... его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества." В Михайловском он засел за эту трудную работу. В неделю она была сделана (дата завершающая рукопись: "Михайловское. 15 ноября 1826 года"). И со спокойной совестью поэт вернулся к роману (именины Татьяны). Под последней строфой главы проставлена дата: 22 ноября. [Т.Г. Цявловская, Литературное наследие декабристов, Л-д, 1975, с.202].

10 ноября 1826 года, среда

Н.М.Языков пишет из Дерпта брату: "... Заметил ли ты в 132 № Север^{ской} Пчелы замечание Булгарина об ошибке Пушкина в списке слова филистер? Булгарин, видно, не знает происхождения этого названия всех не студентов, хотя прав в своем замечании: филистер по-русски - не филистер, а филистимлянин!"

Это замечание связано с рецензией Булгарина на 2-ю главу "Евгения Онегина", который писал, что в портрете Ленского "находится маленькая ошибка. Он представлен немецким студентом, которые называются буршами и швермерами, а не филистерами, как называл его поэт. Филистером называется напротив того спокойный гражданин, не принадлежащий к сословию студентов." [Письма, с. 154].

Во 2-й главе "Евгения Онегина" было сказано, что Владимир Ленский был "душой филистер Геттингенской." Впоследствии Пушкин исправил неточность, и стало: "С душою прямо Геттингенской."

13 ноября 1826 года, суббота

В газете "Московские ведомости" № 91 от 13 ноября 1826 года в отделе "Библиография" помещено объявление о продаже книг в лавке Ширяева: "...там же продается на сих днях отпечатанная: **Евгений ОНЕГИН, роман в стихах**, сочинение Александра Пушкина. Глава вторая. М. 1826 г. в тип. Семена. В цветной обертке. 5 р. ассигнац., с пересылкою 6 р." [М. вед., с. 3681].

Газета "Московские ведомости" выходила в то время два раза в неделю, по вторникам и субботам.

15 ноября 1826 года, понедельник

Окончание записки "О народном воспитании", в которой отразились размышления Пушкина о политических уроках декабрьской катастрофы. Вся логика его рассуждений подводила к мысли, что главные причины движения коренились в самом политическом устройстве России преддекабрьского периода. Пушкин указал на две тесно связанные между собой причины: на ошибочную политику царя и на порочную систему воспитания. Он недвусмысленно и прямо говорил, что главная доля вины за все недостатки и пороки общественной и государственной жизни России лежат на Александре I.

В записке "О народном воспитании" в основных чертах выразилась сложившаяся у Пушкина новая политическая концепция, которая была одним из вариантов теории "просвещенной" монархии. "Просвещенный монарх", по представлению сторонников этой теории, - это такой царь, который не страшится "народной свободы". Но свобода во всех случаях означает известное ограничение самовластья. Стало быть, эта теория предполагала, что в обществе

имеется или должна быть сила, способная осуществлять нечто вроде контроля над правительством.

Такой силой, по мнению Пушкина, могло стать дворянство. Дворянство должно осознать свою освободительную миссию. Для этого его необходимо просветить. В конце концов все предложенные Пушкиным меры по улучшению воспитания имеют целью просвещение дворянства.

Пушкин, сочиняя эту записку, вероятно не очень-то верил в ее успех. Спустя год тригорский приятель Пушкина А.Н.Вульф записал в своем "Дневнике": "Говоря о недостатках нашего частного и общественного воспитания, Пушкин сказал: "Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, что хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро. Однако я между прочим сказал, что должно подавить частное воспитание. Несмотря на то, мне вымыли голову". [А.С.Пушкин в воспоминаниях современников, М., Худ. лит., 1974, т.1., с.416].

Вульф Алексей Николаевич (1805-1884) - сын (от первого брака) П.А. Осиповой, воспитанник Дерптского университета, впоследствии помешник с. Тригорское. Близкий приятель Пушкина.

Спустя несколько недель Бенкендорф известил Пушкина: "Милостивый государь Александр Сергеевич! Государь император с удовольствием изволил читать рассуждения Ваши о народном воспитании и поручил мне изъявить Вам высочайшую свою признательность.

Его величество при сем заметить изволил, что принятие Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочтеть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание. Впрочем, рассуждения Ваши заключают в себе много полезных истин.

С отличным уважением честь имею быть
Вашим покорным слугой А.Бенкендорф." [Переписка №308].

В этот же день (15 ноября):

Цензурное разрешение №13 ("Москва. Ноябрь 15 дня 1826 года. Измаил Щедритский") книги "Собрание романсов и песен для

прекрасного пола". Сборник вышел в свет в 1827 году В нем помещены стихотворения Пушкина "Я пережил свои желанья" и "В реке бежит гремучий вал". Оба стихотворения без подписи. [П. в печ., с. 48-49].

16 ноября 1826 года, вторник

В газете "Санкт-Петербургские ведомости" №92 от 16 ноября 1826 года в отделе "О книгах" помещено объявление о продаже у Ильи Глазунова: *Стихотворения Александра Пушкина В сем собрании помещены письма его, разсеянные в разных Журналах и периодических изданиях С.П.Б. 1826 г. 15 р.* [СПб. вед., №91, с. 1066].

16-21 ноября 1826 года.

Именно в эти дни, по мнению Р.В.Иезуитовой, появляется набросок "И я бы мог как [шут вы ...]", являющийся, видимо, началом стихотворного произведения с мыслью о том, что и он, Пушкин, мог быть повешен. На этом же листе возникает повтор этого стиха (правда, уже без сравнения) "И я бы мог". Здесь же два изображения виселицы с пятью повешенными, портреты дяди Василия Львовича Пушкина, отца Сергея Львовича, С.П.Трубецкого, П.С.Пущина, пляшущие человечки, несколько профилей лиц незнакомых.

Поэтический замысел произведения о казни декабристов, возникший в один из дней недели, разделяющей работу над окончанием записки "О народном воспитании" и над пятой главой "Евгения Онегина", не получил дальнейшего развития, и поэт оставляет его.

Как считает Иезуитова, причиной отказа было то, что весь сложный комплекс идей, настроений, мотивов и образов, связанных с фрагментом "И я бы мог" поэт передает "Ариону", после завершения которого дальнейшая работа над ноябрьским замыслом 1826 года потеряла смысл. [П., Иссл. и мат., Т.ХI, с.95].

17 ноября 1826 года, среда

Д.В.Веневитинов пишет М.П.Погодину из Петербурга: "Мне очень жаль, друг мой, что начиная писать к тебе, я должен бранить тебя. Драматические отрывки всегда подавались в Мос[ковский] ценз[урный] комитет <...> Вот причины важные, по которым отсылаю Годунова. Если б я отдал его здесь в Цензуру,

то с него пошли бы списки. На это здесь молодцы. <...> Дельвига по сих пор не мог видеть. Какая-то судьба мешает нам знакомиться. Я к нему, он ко мне. Я к Пушкиным, он от них. Впрочем на него можем надеяться." [Л.Н., с.682].

Письмо Веневитинова является ответом на неправильные действия Погодина, отправившего отрывок из "Бориса Годунова" 7 ноября в Петербург.

18 ноября 1826 года, четверг

А.И.Тургенев пишет брату Николаю Ивановичу: "Пушкин печатает 2-ю главу Онегина, за 800 стихов просит 7000 рублей, дают 5, дадут и больше! Борис Годунов не трагедия, но какая-то историко-драматическая картина, вроде Шекспира. Летопись в лицах. Много прекрасного и чрезвычайного, как уведомляют".

[П. врем., т.1, с.200].

Новости, которые сообщал А.И.Тургенев брату, носили несколько запоздалый характер: вторая глава вот уже месяц была в продаже.

20 ноября 1826 года, суббота

П.А. Вяземский из Москвы пишет А.И. Тургеневу и В.А. Жуковскому: "... Пушкин пошел в часть в другой Журнал за десять тысяч рублей: Погодин и вся университетская молодежь, воспитанная на немецком пиве Шеллинга, будет на будущий год издавать Московский Вестник; хотели они назвать его: Московский Гермес; но цензура не позволила, за тем что есть сенатор Гермес. Оно и дело: равно ни грамотному сенатору, ни безграмотному Журналу быть неловко, следовательно, название было не приличное. Дело не о том; я не пошел в участники в их Журнал по многим причинам: во-первых, я подбил сначала Полевого издавать Журнал, и совестно было бы бросить его, когда другой Журнал подрывает его. Во 2-х, мне кажется, что денежная спекуляция вернее с Телеграфом, ибо, без сомнения, часть львиная принадлежит по всем правам в том Журнале Пушкину, а мне пришлась бы часть рядовая; а теперь, когда мужики оброка не платят, надобно попытаться, не дадут ли дураки, то есть читатели, оброка. В 3-х, с Пушкиным я, разумеется, рад бы всюду, но его здесь не будет, и

надобно будет оставаться в связи с молодежью, управление Журналом может надоест ему. <...>

Вы просите стихов из "Бориса Годунова". Пушкина здесь нет, он поехал в деревню дописывать и увез с собой Трагедию, да к тому же Трагедия его не годится на окрошку. Она важная, сочная штука мяса, как говорят поляки, на английский вкус: ее надобно подать на стол целиком. Тут нет французских стихов, высокочек, которые лезут из толпы грудью вперед. Она картина, где все на месте, где краски сливаются в стройных оттенках, и ничего нет отделяющегося. Разве цитовать Вам речи из роли Маржерета, который говорит *que ces bougres ont du poil au cul* [что у этих пройдох волосы на заднице]. Он же говорит: *quoi <что?>?* а русские отвечают ему: **Ква, ква, хорошо тебе, басурману, квакать на нашего законного царя.** Представь себе Дмитриева при чтении этой трагедии ...". [Пер. Т. с В., 1921, с.32].

В этом же письме Вяземский сообщает о чтении трех произведений - "Бориса Годунова", "Ермака" Хомякова и трагедии "Владимир" "молодого Муравьева", "писанной в формах французских, но в духе германском. Молодо, зелено, но есть живость, огонь и признаки решительного дарования."

Хомяков Алексей Степанович (1804-1860) - писатель, драматург, критик, один из идеологов славянофильства. Знакомство и общение с Пушкиным относится ко времени возвращения поэта из ссылки в Москву.

Муравьев Андрей Николаевич - адресат эпиграммы Пушкина "Лук звенит, стрела трепещет", поэт, писатель, оставил воспоминания о Пушкине.

20 ноября 1826 года, суббота

Объявление в газете "Московские ведомости" №93 от 20 ноября 1826 года: "В следующем 1827 году будет издаваться в Москве новый Журнал, под названием - МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

В издании сего Журнала участвует преимущественно А.С. Пушкин. Ежемесячно будет выходить сего журнала по две книжки. Каждая книжка будет состоять из 4-х и более листов Михаил Погодин, издатель [М. вед., с.3727, 3748].

21 ноября 1826 ГОДА, воскресенье

М.П. Погодин записывает в своем Дневнике: “*Получил письмо от Веневитинова/ <...> Из Год[унова] можно печатать*”. [П и С., вып. XIX-XX, с.82].

22 ноября 1826 года, понедельник

Окончание работы над пятой главой “Онегина”, переписка пятой главы. [П. Иссл. и мат., т.ХI, с.95].

Бенкендорф направляет из Петербурга письмо Пушкину через псковского губернатора фон-Адеркаса, которому писал: “*Милостивый государь Борис Антонович! Покорнейше прошу Ваше превосходительство приказать доставить верным путем включаемое усего письмо известному сочинителю Александру Сергеевичу Пушкину, отправившемуся из Москвы во вверенную Вам губернию. В ожидании ответа Вашего имею честь быть с совершенным почтением Вашего превосходительства покорнейший слуга А.Бенкендорф.*” (Письма, с.208)

В этот же день последовал указ правительствующему Сенату: “*Обращая внимание на похвальные литературные труды бывшего французской службы капитана Фаддея Булгарина, всемилостивейше повелеваем переименовать его в VIII-й класс и причислить на службу по министерству народного просвещения*”.

Этому указу предшествовало уведомление министра народного просвещения Шишкова Бенкендорфом от 28 октября 1826 года о том, что “*Государь император, осведомясь, что бывший французской службы капитан Булгарин, обративший на себя внимание похвальными литературными трудами, желает поступить на службу и посвятить способности свои занятиям общеполезным, высочайше соизволяет на переименование Булгарина в восьмой класс и на причисление его к министерству народного просвещения.*”

В весьма пространственной записке Бенкендорфа о “похвальных литературных трудах” Булгарина говорится: “*<...> Фаддей Булгарин в продолжении десятилетнего своего пребывания в С.-Петербурге снискал уважение отличнейших людей сей столицы за свое поведение изаслужил благосклонность публики своими литературными трудами. <...> С 1825 года Булгарин издает “Северную пчелу”, литературную и политическую газету, коей главнейшая*

цель состоит в утверждении верноподданических чувствований и в направлении к истинной цели, то есть: преданность к престолу, к чистоте нравов." [Лемке, с.244].

Шишков Александр Семенович (1754-1841) - адмирал, министр народного просвещения и глава Цензурного ведомства (1824-1828), президент Российской Академии (1813-1841). Пушкин уважительно относился к личности Шишкова, но отрицательно к его литературной и филологической деятельности.

22-24 ноября 1826 года

Пушкин получает письмо от М.П. Погодина от 15 ноября: "Позволение издавать журнал получено. Подписка открыта. Отрывок из Годунова отправлен в С.-Петербургскую цензуру, но его, может быть, не пропустят (два года тому назад запрещено было помещать отрывки из пьес в журналах), а первый № непременно должен освятить Вами: пришлите что-нибудь поскорее на такой случай. [Переписка, №294].

Первый номер журнала "Московский вестник", вышедший 1 января 1827 года, начинался сценой из "Бориса Годунова" (Пимен и Григорий).

23 ноября 1826 года, вторник

В газете "Санкт-Петербургские ведомости" №94 от 23 ноября 1826 года (с. 1091) в отделе "О книгах" помещено объявление об издании в 1827 году журнала "Московский вестник". В частности говорится, что "В издании сего журнала участвует преимущественно А.С. Пушкин". [СПб вед., с.1091].

25-26 ноября 1826 года

Пушкин получает письмо от В.Ф. и П.А. Вяземских из Москвы от 19 ноября.

В.Ф.Вяземская [подл. по фр.]: "Вот письмо, которое, думается, сильно зайдет Вас, моя же помошь и лень [положат этому] хотят воспользоваться этим, чтобы сказать Вам лишь несколько слов. Прежде всего не безумец ли Вы? Как можно так легко обращаться со своими прекрасными стихами и так сорить деньгами? Количество поясов привело меня в негодование и только качество их может служить Вам извинением, ибо они все прелестны. Все ли еще добрый ангел и демон сопутствуют Вам? думаю, что Вы давно уже от них отделались. Кстати, Вы [ее] так часто меняли

предмет, что я уже не знаю, кто эта другая. Муж уверяет меня, будто я надеюсь, что это я сама. Да сохранит небо [Вас] нас обоих от этого, - прежде всего я никак не хочу путешествовать вместе с Вами, я слишком слаба и слишком стара, чтобы пускаться в дальний путь; я стала бы в полном смысле слова Вашим злым ангелом, но я притязаю на Вашу дружбу, Вы же, кажется, сбросили это ярмо, между тем Вам совершенно необходимо ему подчиняться, дабы без возмущения выслушивать кое-какие истины. Итак до свиданья, мой верный друг, сообщите нам о своих планах."

П.А.Вяземский. "Как доехал? Что няня? Что любовь? Когда возвратишься? Пишишь ли? Вдался ли в запой стихов, или не можешь еще оправиться с московского похмелья? Здесь все по стариому; один только З[а]валиевский не пишет и не поет, а растянувшись лежит больной. Кривцов проездом в своей новый пашалык живет с нами, жалеет, что тебя уже не застал и дружески обнимает. А.Тургенев и Жуковский просят из Дрездена посыпать им с каждой почтой по несколько стихов из Годунова. Пишу им, что твой Борис не французский ражу, что можно подавать в разбивную, а добрая штука мяса английского, которую должно подать за стол целиком.

Прощай, батюшка. Не заживайся, а приезжай, или в Питер, или в Белокаменную. 19 ноября." [Переписка, №295].

Завалиевский Никита Степанович (1797-1864), - знакомый Пушкина по Одессе. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, Пушкин "забавлял Завалиевского и позволял ему всякие с собой фамильярности." Завалиевский почитал свое знакомство лестным для Пушкина."

25-29 ноября 1826 года

Пушкин получает письмо от 22 ноября, направленное Бенкендорфом через псковского губернатора Адеркаса: "Милостивый государь Александр Сергеевич! При отъезде моем из Москвы, не имея времени лично с Вами переговорить, обратился я к Вам письменно с объяснением высочайшего соизволения, дабы Вы в случае каких-либо новых литературных произведений Ваших, до напечатания или распространения оных в рукописях, представили бы предварительно о рассмотрении оных или через посредство мое, или даже и прямо его императорскому величеству. - Не имея от Вас извещения о получении сего моего отзыва, я должен однако

же заключить, что онъ к Вам дошел, ибо Вы сообщали о содержании онаго некоторым особам. Ныне доходят до меня сведения, что Вы изволили читать в некоторых обществах сочиненную мною вновь Трагедию. Сие меня побуждает Вас покорнейше просить об уведомлении меня, справедливо ли таковое известие или нет. Я уверен, впрочем, что Вы слишком благомыслящи, чтобы не чувствовать в полной мере столь великодушного к Вам монаршего снисхождения и не стремиться учинить себя достойным онаго.

С совершенным почтением имею честь быть Ваш покорный слуга А.Бенкендорф." [Переписка, №296].

К сожалению, неизвестно, где Пушкин получил это письмо - в Михайловском или в Пскове. В письме Вяземскому от 9 ноября поэт пишет, что будет "у вас к 1-му"; в таком случае отъезд должен состояться не позже 25-го ноября - впрочем, могли бы быть и задержки.

27 ноября 1826 года, суббота

В газете "Московские ведомости" №95 от 27 ноября 1826 года (с.3816-3817) повторно помещено объявление о издаваемом в 1827 году журнала "Московский вестник", точно повторяющее объявление, помещенное в №93 от 20 ноября 1826 года

28 ноября 1826 года, воскресенье

Получив письмо Пушкина, Языков пишет своему брату Александру: "...Пушкин возвратился в свою деревню; он писал мне раз оттуда и обещает еще написать много о Москве; хочет напечатать Годунова, говоря, что царь освободил его от цензуры" [Письма, с.202].

В тот же день Вяземский пишет А.И. Тургеневу и В.А. Жуковскому в Дрезден: "... Наш Годунов пишет ко мне из деревни, что будет сюда к 1-му декабря: тогда выпрошу отрывочек из трагедии." [Пер. Т. с В., с.52].

29 ноября 1826 году понедельник

Пушкин из Пскова пишет М.П. Погодину: "Милый и почтенный, ради Бога, как можно скорее остановите в Моск. цензуре все, что носит мое имя - такова воля высшего начальства; покамест не могу участвовать и в Вашем журнале - но все переменится и будет мука, а нам хлеб да соль. Некогда пояснить; до свидания скорого.

Жалею, что договор наш не состоялся. Александр Пушкин."

На обороте: "В Москву. В Университетскую книжную лавку, г-ну Ширяеву для доставления как можно скорее господину Погодину." [Переписка, №297].

Это письмо Пушкина с отказом от сотрудничества Погодин получил лишь 14 декабря 1826 года

В тот же день Пушкин пишет Бенкендорфу.

"Милостивый государь Александр Христофорович,

Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал должно-
ли мне было отвечать на письмо, которое удостоился получить
от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно никто живее меня не чувствует милость и великолепие государя императора, так же, как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно не из ослушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя), то поставляю за долг проводить ее Вашему превосходительству в том самом виде, как она была мною читана, дабы Вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше превосходительство, оный мне возвратить.

Мне было совестно беспокоить ничтожными литературными занятиями моими человека государственного среди огромных его забот; я раздал несколько мелких моих сочинений в разные журналы и альманахи по просьбе издателей; прошу от Вашего превосходительства разрешение сей неумышленной вины, если не успею остановить их в цензуре.

С глубочайшим чувством уважения, благодарности и преданности, честь имею быть милостивый государь Вашего превосходительства всепокорнейший слуга Александр Пушкин." [Переписка, №298].

Это письмо служит ответом на письмо Бенкендорфа к поэту от 22 ноября с выговором за чтение "Годунова" до разрешения его

высочайшею цензурою и за то, что Пушкин не ответил на письмо к нему Бенкендорфа от 30 сентября.

Пометы на письме: "№ 2158 и 9-го Декабря 1826". То есть письмо было получено Бенкендорфом 9-го декабря, и судя по докладной записке царю, с этим письмом кроме рукописи "Бориса Годунова" Пушкин высыпает рукопись записки "О народном воспитании".

Бенкендорф представляет письмо Пушкина государю, который, возвращая его, писал (по французски): "Я очарован письмом Пушкина и мне очень любопытно прочесть его сочинение [“Годунова”]; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы она не распространялась" [Письма, с.208].

Ноябрь 1826 года.

Пушкин пишет стихотворение "Няне" ("Подруга дней моих суровых") и рисует профиль Арины Родионовны. [Врем. П.К. №24, с.140-143].

Пушкин получает письмо из Кишинева от 30 октября 1826 года от Н.С. Алексеева:

"Во время, когда я думал писать тебе посторонними путями, любезный Пушкин, через посредство Крупенской, которая бралась доставить письмо к сестре своей Пещуровой, как узнаю, что ты в Москве. Радость овладела мной до такой степени, что я не в состоянии изъяснить тебе и предоставлю тебе судить себе самому, если разлука не уменьшила доверенности твоей к моей дружбе. С какою завистью воображаю я московских моих знакомых, имеющих случай часто тебя видеть; с каким удовольствием хотел бы я быть на их месте и с какою гордостью сказал бы им: мы некогда жили вместе, часто одно думали, одно делали и почти одно любили, иногдассорились, но расстались друзьями, или по крайней мере я так льстил себе. Как бы желал я позавтракать с тобою в одной из московских ресторанцев и за стаканом бургунского пройти трехлетнюю кишиневскую жизнь весьма занимательную для нас разными происшествиями. Я имел многих приятелей, но в обществе с тобою я себя лучше чувствовал, и мы, кажется, оба понимали друг друга. Несмотря на названия: лукавого соперника и черного друга, я могу сказать, что мы были друзья соперники и жили приятно!"

Теперь сцена Кишиневская опустела, и я остался один на месте, чтоб очевидный свидетель всего былого мог со временем передать потомству и мысли, и дела наши. Все переменилось здесь со временем нашей разлуки: Сандулахи вышла замуж, Соловкина умерла, Пульхерия состарилась и в бедности, Калипсо в чахотке; одна Еврейка осталась на своем месте. Но прежних дней уж не дождусь: их нет! Как часто по осущенным берегам Быка хожу я грустный и туманный и проч., вспоминая милого товарища, который умел вместе и сердить, и смешить меня. Самая тадат Вольф сильно действует на мое расположение, и если ты еще не забыл этот предмет, то легко поймешь меня ...!

Место Катакази занял Тимковский, ты его верно знаешь: он один своим умом и любезностью усаждает скучу. Ты, может быть, захочешь узнать, почему я живу здесь так долго; но я ничего тебе сказать не в состоянии: какая-то тягостная лень думою овладела! Счастье по службе ко мне было постоянно: за все поручения, мною выполненные с усердием, полу-Милорд наградил меня благодарностью и несколько раз пожатием руки; чины же и крессы зависели от окружающих, коих нужно было просить, я сохранил свою гордость и не подвинулся ни на шаг. Теперь его черт взял, он отправился в Англию, но я ожидаю способов возвратиться в Москву белокаменную и соединиться с друзьями; но:

Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!

Между прочим я уверен, что ты меня вспомниши: удостоенный некогда целого послания от тебя, я вправе надеяться получить несколько строк, а также, если можно, и чего-нибудь нового из твоего произведения. Я имел первую часть Онегина, но ее кто-то зачитал у меня: о второй слышу и жажду ее прочесть ... Я часто говорю о тебе с Яковым Сабуровым, который вместе со мной в комиссии по делам Варфоломея; он тебя очень любит и помнит. Липранди тебе кланяется, живет по прежнему здесь довольно открыто и, как другой Калиостро, бог знает, откуда берет деньги. Прости, с нетерпением ожидаю удостоверения, что в твоей памяти живет еще Алексеев." [Переписка, №286].

Несомненно, что письмо это Пушкин получил в деревне, так как посланное в Москву письмо не застало бы поэта там и его переправили в Псковскую губернию. Возможно, что Пушкин получает письмо от Пещуровых - жена Опочецкого предводителя дво-

рянства А.Н. Пещурова Елизавета Христофоровна была сестрой Екатерины Христофоровны Крупенской, жены вице-губернатора Бессарабии Матвея Егоровича Крупенского, с которыми Пушкин был хорошо знаком в Кишиневе. А.Н.Пещуров по долгу службы осуществлял надзор над Пушкиным в годы его ссылки, но отношения его с поэтом были неизменно корректны и доброжелательны.

1 декабря 1826 года, среда

В тот день Пушкин пишет несколько писем из Пскова.

Н.С. Алексееву в Кишинев.

"Приди о друг, дай прежних вдохновений,
Минувшего мне жизнию повей! ..

Не смогу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой почерк опрятный и чопорной, кишиневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калико. Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии! Я опять в своих развалинах - в моей темной комнате, перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой чистой избушке, смазанной из молдавского говна. Опять рейн-вейн, опять Chatrap, и Пущин, и Варфеломей, и все ... Как ты умен, что написал ко мне первый! мне бы эта счастливая мысль никогда в голову не пришла, хотя и часто о тебе вспоминаю и жалею, что не могу ни бесить тебя, ни наблюдать твои манёвры вокруг острова. Был я в Москве и думал: авось, Бог милостив, увижу где-нибудь чинно сидящего моего черного друга, или в креслах театральных, или в ресторанции за бутылкой. Нет - так и уехал во Псков - так же и теперь опять еду в Белокаменную. Надежды нет иль очень мало. По крайней мере, пиши же мне почаше, а за новости кишиневские стану тебя потчевать новостями московскими. Буду тебе сводничать старых своих любовниц - я чай дьявольски состарились. Напиши кто? Я готов доныне идти по твоим следам, утешаясь мыслию - что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь.

Прости, отшельник Бессарабской,
Лукавый друг души моей -
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

A.П. 1 дек." [Переписка, №299].

П.А.Вяземскому в Москву: Ангел мой Вяземской, или пряник мой Вяземской, получил я письмо твоей жены и твою приписку, обоих Вас благодарю и еду к Вам и не доеду. Какой! меня доезжают!... изъясню после - В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове вместо того, чтоб писать 7-ю гл^абу. Онегина, я проигрываю в штосс четвертую: не забавно. Отовсюду получил письма и всюду отвечаю - Adieu, couple si etourdi en apparence, Adieu Князь Вертопрахин и Княгина Вертопрахина [Прощайте, парочка, столь ветреная по-видимости, прощайте - фр.] Ты видишь, что у меня не достает уж и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псков

При сем письмо к Алексееву (род моего Сушкива) отдай для дост. Киселеву - вой-вым, как хоиш."

На обороте написано: "Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. (Затем нарисованы: летящий голубь, цветок и пылающее сердце) В Москву, в Чернышевском переулке. В собственном доме." [Переписка, №300].

В.П. Зубкову в Москву (подл. по фр.): "Дорогой Зубков, ты не получил письма от меня, - и вот этому объяснение: я хотел сам прилететь к вам, как бомба, 1 декабря, т.е. сегодня и потому выехал пять-шесть дней тому назад из моей проклятой деревни на перекладной, ввиду отвратительных дорог. Псковские ямищики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать. Взбешенный, я играю и проигрываю. Но довольно об этом: я жду, чтобы как только мне станет немного лучше, пуститься в дальнейший путь на почтовых.

Твои два письма прелестны. Мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т.д. Но раз уж я нахожусь в гостинице во Пскове, вместо того, чтобы быть у ног Софи, то поболтаем, т.е. станем рассуждать.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т.е. познать счастье. Ты мне говоришь, что оно не может быть вечным: хороша новость! Не мое личное счастье меня заботит - могу ли я не быть самым счастливым из людей, находясь близ нее, - я дрожу только при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает - я дрожу при мысли, что не могу сделать ее настолько счастливою, как мне того хотелось бы. Моя жизнь, доселе такая кочующая, такая бур-

ная, мой характер – неровный, ревнивый, подозрительный, буйный и слабый одновременно – вот что дает мне минуты тягостного раздумья.

Следует ли мне связать с судьбой столь печальною, с характером столь несчастным – судьбу столь нежного, столь прекрасного существа?

Боже мой, как она красива! и как смешно было мое поведение по отношению к ней! Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести. Скажи ей, что я благоразумнее, чем выгляжу, а доказательство тому – что тебе в голову придет. Мерзкий этот Панин: два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе, – а я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь! Если она находит, что Панин прав, она должна думать, что я сумасшедший, не правда ли? Объясни же ей, что прав я, что хоть раз увидев ее, нельзя колебаться, что я не претендую увлечь ее собою, что я следовательно, прекрасно сделал, пойдя прямо к развязке, что раз полюбив ее, невозможно любить ее еще больше, как невозможно с течением времени найти, что она еще более прекрасна, потому что более прекрасной быть невозможно.

Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Паниным скверным и жени меня. А.П.

В Москве я расскажу тебе кое-что. Я дорожу моей бирюзой, как она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова. [Переписка, №301].

Зубков Василий Петрович (1799-1862) - воспитанник Муравьевского училища для колонновожатых. Знакомство Пушкина с Зубковым началось в сентябре-октябре 1826 года, по возвращении поэта из ссылки.

Софья Федоровна Пушкина (1806-1862), дальняя родственница Пушкина и своячница Зубкова - отвергла сватовство поэта и вышла замуж в начале 1827 года за Валериана Александровича Панина, впоследствии смотрителя Московского вдовьего дома.

По поводу письма Пушкина к В.П. Зубкову А.Ф. Кони говорит: "Прелесть содержания и языка этого письма бросается в глаза. В нем ярко отразились благородные стороны полной натуры поэта и блеск его искрометного ума. Но оно имеет еще и особое значение для оценки личности Пушкина. Мы находим в нем характеристику Пушкина самого себя, сделанную в выпуклых, несмотря на свою сжатость, чертах .<...> Пушкин дает совершенно определенный отзыв о своем характере, указывая на противоречивые черты в

нем и определяя его как несчастный ... Указания Пушкина ... на свои сомнения о возможности дать счастье любимому существу еще раз подтверждает, что в душе его не было места не только для грубого себялюбия, приносящего по мере сил, в жертву своим вожделениям все, что возможно, не брезгая никаким результатом, но и для более утонченного эгоизма, создающего привычку всегда и при всяких впечатлениях прежде всего думать исключительно о самом себе". [Письма, с.218-219].

С.А. Соболевскому в Москву: "...Вот в чем дело: освобожденный от цензуры, я должен однако же прежде, чем что-нибудь напечатать, предоставить оное выше - хотя бы безделицу. Мне уже (очень мило, очень учитво) вымыли голову. Конечно, я в точности исполню высшую волю и для того писал Погодину дать знать в цензуру, чтоб моего ничего, нигде не пропускали. Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашников, журнальщиков и прочих щепетильных литературников. С Погодиным уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову без задержания малейшего.

Твои догадки - гадки; виды мои гладки. На днях буду у вас, покамест сижу или лежу во Пскове.

Мне пишут, что ты болен - чем ты объелся? Остановлюсь у тебя." [Переписка, №302].

2 декабря 1826 года, четверг

Цензурное разрешение №31 ("Москва. Декабря 2 дня 1826 года. Измаил Щедритский") книги "Собрание романсов и песен для прекрасного пола."

Сборник вышел в 1827 году В нем помещено стихотворение Пушкина "Гляжу я безмолвно на черную шаль" Без подписи. [П. в печ., с.49].

3 декабря 1826 года, пятница

Ф.С. Хомяков пишет брату, известному поэту А.С. Хомякову, советуя ему не торопиться с публикацией трагедии "Ермак", а "переправить" ее, "дать бы лицам тон, характер и язык времени и народа, исключая одного главного лица, которое тогда еще более выставится в свет противоположностью. Веневитинова и Пушкина клевреты не понимают тебя. Я понял; но вижу, что ты не исполнил своего предназначения. Какое-то музыкальное чувство

увлекло тебя подвесь под один тон все речи; но и высокая гармония должна являться в противоположностях." (Борис Годунов, Комментарий Л.М.Лотман и С.А.Фомичева, СПб., 1996, с.230)

7 декабря 1826 года, вторник

Цензурное разрешение журнала "Московский вестник" ч. I "Москва. Декабря 7 дня 1826 года Алексей Мерзляков.")

Первый номер начинался сценою из "Бориса Годунова" (Пимен и Григорий). [П. в печ. , с.40].

В этот же день жандармский полковник И.П.Бибиков сообщал Бенкендорфу (перевод): "Ваше превосходительство, найдете при сем журнал Михаила Погодина за 1826 год, в коем нет никаких либеральных тенденций: он чисто литературный. Тем не менее я самым бдительным образом слежу за редактором и достиг того, что вызнал всех его сотрудников, за коими я также велю следить. <...> Стихотворения Пушкина, которые он ему передавал для напечатания в его журнале, – это отрывки из его трагедии "Борис Годунов", которые он не может сообщить никому другому, потому что по условиям редакции, он не может предавать их гласности ранее напечатания. Из хорошего источника я знаю, однако, что эта трагедия не заключает в себе ничего противоправительственного." [П. под т.н., с.34-35].

В газете "Санкт-Петербургские ведомости" №98 от 7 декабря 1826 года (с. 1138) в отделе "О книгах" помещено объявление о продаже в книжном магазине И.В. Сленина: "Северные цветы, Альманах. На сей 1826 год, собранный Бароном Дельвиゴм, с 6-ю гравюрами" и "Северные цветы... на 1825 год".

Декабрь 1826 года, до 7-го числа

Пушкин несомненно посещает бывшего псковского гражданского губернатора Бориса Антоновича фон Адеркаса, который переводится на ту же должность в Воронежскую губернию (см. 13-16 декабря 1826 года)

Первая половина декабря 1826 года

Пушкин пишет из Пскова **И.Е.Великопольскому в Петербург:**

Милый Иван Ермолаевич.

Если Вы меня позабыли, то напоминаю Вам о своем существовании. Во Пскове думал я Вас застать, поспорить с Вами и сразить штос, но Судьба определила иное. Еду в Москву, коль скоро будут 1827 г. деньги и снег. Снег-то уже падает, да деньги-то с неба не валятся. Прощайте, пишите мне в Москву. Видаете ли вы Дельвига? [Переписка, №305].

Великопольский Иван Ермолаевич (1797-1868) - штабс-капитан расквартированных в Пскове и его окрестностях полков. С начала 1827 года - отставной майор.

9 декабря 1826 года, четверг

А.С.Грибоедов из Тифлиса пишет С.Н.Бегичеву: “*Буду ли я когда-нибудь независим от людей? Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил, и, может статься, наперекор судьбы. Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстью, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина ...*

Лиши яркая заплата

На ветхом рубище певца

<...> Когда будешь в Москве, попроси Чадаева и Каверина, чтобы прислали мне трагедию Пушкина “Борис Годунов”.

[А.С.Грибоедов, Сочинения, М., 1988, с.536, 537].

9-13 декабря 1826 года

Бенкендорф представляет царю рукопись Пушкина “Борис Годунов”, “Замечания на комедию о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве”, “Выписку из комедии о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве” и записку Пушкина “О народном воспитании”, сопроводив это следующей докладной запиской: “*При сем прилагаются заметки на сочинения Пушкина и выписки из этого сочинения. Во всяком случае это пьеса не годится для представления на сцене, но с немногими изменениями ее можно напечатать; если Ваше величество прикажете, я ее ему верну и сообщу замечания, помеченные в выписке, и предупрежу его, чтобы сохранил у себя копию и чтобы знал, что он должен быть настороже. Вследствие разговора, который у меня был, по приказанию Вашего величества, с Пушкиным, он мне только что прислал заметки на общественное воспитание,*

которые при сем прилагаю. Заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу.”

На полях Николай I написал: “заметки оставлю у себя [фр.]”, а относительно записки о воспитании приписал: “Посмотрю, что это такое [фр.]”. [Лемке, с.474-475].

10 декабря 1826 года, пятница

Цензурное разрешение поэмы Пушкина “Цыганы”, вышедшей до 10 мая 1827 года. На второй странице заглавного листа: “Позволено печатать. С.Петербург. Декабрь 10 дня 1826 года. Цензор Надв. Сов. и Кавалер Павел Гаевский”. [П. в печ., с.43].

День рождения Анны Николаевны Вульф, старшей дочери хозяйки Тригорского от первого брака.

12 декабря 1826 года, воскресенье

Д.В. Веневитинов пишет М.П. Погодину из Петербурга в Москву: “...Почти все те, которых я здесь видел, подписываются на наш Журнал и ожидают его с нетерпением. В обществах петербургских наше предприятие не без защитников, и, мне кажется, я могу сказать почти решительно, что общее мнение за нас. Говорю это искренне, а не для того, чтоб тебя обрадовать. Отнимать у Полевого Вадима не годится, и Пушкин верно никогда на это не даст своего согласия; а надобно требовать от него позволения напечатать в 1-м № Вест^ника>, что он ни в каком другом журнале помещать стихов своих не будет, исключая Вадима, которого он уже в таком-то месяце отдал г-ну Полевому и который по причинам, неизвестным автору, еще не напечатан. На это Пушкин верно согласится. Пиши к нему чаще; ты имеешь на то полное право, купленное и твоим знакомством и 10000 рублями. Вообще опоясь твердостью и решительностью, необходимою для издателя Журнала. Искренность не нахальство. <...> Как скоро получишь это письмо, пиши к Пушкину о Вадиме, так как совеститься нечего.” [Л.Н., 16-18, М., 1934, с.93].

Издатель журнала “Московский телеграф” Н.А. Полевой и через П.А. Вяземского, и сам непосредственно просил Пушкин участвовать в своем журнале (см. переписку Пушкина за 1824-1825 годы). Поэт, отказавшись быть постоянным сотрудником “Московского телеграфа” и не желая связывать себя никакими обязательствами

перед Полевым, все-таки поместил в "Московском телеграфе" за 1825-1826 годы шесть небольших стихотворений и две критические заметки. Из приведенного письма Веневитинова видно, что Пушкин дал для "Московского телеграфа" и отрывок из неоконченной поэмы "Вадим", который Полевой почему-то так и не напечатал.

13 декабря 1826 года.

Дата под автографом стихотворения, адресованного И.И.Пущину "Мой первый друг, мой друг бесценный".

Пушкин навещает чету Набоковых. "Собираясь на Рождество в Петербург для свидания с родными, - вспоминает И.И.Пущин, - я предположил съездить и в Псков к сестре Набоковой; муж ее командовал тогда дивизией, которая тогда там стояла, а оттуда уже рукой подать в Михайловское". Генерал И.А.Набоков был женат на родной сестре И.И.Пущина - Екатерине Ивановне. С большой долей вероятности можно предположить, что Пущин во время их короткого свидания с Пушкиным рассказывал поэту о Набоковых. Может быть Пушкин знал сестру своего друга еще будучи в лицее. Как бы то ни было, Пушкин не мог не посетить родственников своего друга. И, возможно, его длительное пребывание в Пскове связано не только с недомоганием, вызванным тем, что "псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть его", но и с тем, что он много времени проводит у Набоковых. Именно там он откладывает свое стихотворение "Мой первый друг, мой друг бесценный" и ставит под окончательным вариантом: "Псков, 13-го декабря 1826 г.". В 1842 году брат И.И. Пущина Михаил "отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина, который хранится у меня <И.Пущина> в числе заветных моих сокровищ". [Пущин. Записки о Пушкине. Письма, М., 1988].

13-14 декабря 1826 года.

Пушкин получает письмо из Петербурга от Бенкендорфа, написанное 9 декабря: "Милостивый Государь Александр Сергеевич!

Получив письмо Ваше вместе с препровожденную при оном драматическою писесою, я поспешаю при этом известить с пресово-куплением, что я оную представлю его императорскому величеству и дам Вам знать о впоследовать имеющим высочайшем отзыве.

Междуд тем прошу Вас сообщать мне на сей же предмет все и мелкие труды блистательного Вашего пера.

Примите уверения отличного моего уважения и совершенной преданности. А.Бенкендорф. [Переписка, №303].

13-16 декабря 1826 года.

В газете “Московские ведомости” №101 от 18 декабря 1826 года (с. 4036) в “Известиях о приехавших в сию столицу и выехавших из оной первых пяти классов особ” напечатано: “С 13-го по 16 декабря. Прибыли <...> из Пскова воронежской гражданский губернатор, господин действительный статский и кавалер фон Адеркас.”

Адеркас Борис Антонович (ум. 1831) - псковский гражданский губернатор с 1816 по 1826. В годы ссылки осуществлял надзор над опальным Пушкиным. Отношения поэта с Адеркасом были неизменно корректны.

14 декабря 1826 года, вторник.

Годовщина восстания на Сенатской площади.

М.П.Погодин получает письмо Пушкина из Пскова от 29 ноября. Письмо шло очень долго, несмотря на приписку Пушкина “для доставления как можно скорее”. В своем дневнике Погодин записал: “Ввечеру громом поразило письмо Пушкина, который, по воле начальства, не может участвовать в журнале ... Написал письмо к Пушкину ...” Это письмо Погодина не сохранилось. [П. и С., вып. XIX-XX, с.82].

В этот же день Веневитинов пишет письмо Погодину “Об Евгении Онегине”. Приведем заключительную часть этого письма: “Вот Вам несколько строк об Онегине, шитых кое-как на живую нитку. Меняйте, мирайте, как хотите, но, ради Бога, не пишите большого разбора книги, уже давно вышедшей в свет; тем более, что лишние похвалы Пушкину в нашем Журнале могут показаться лестью. Вы видите, что я об Вас думаю, не забывайте меня в своих молитвах и собраниях” [Л.Н., с.686].

Эта критическая записка Веневитинова о 2-й главе “Онегина”, вышедшей в свет около 20 октября 1826 года была напечатана Погодиным лишь после смерти Веневитинова, в №4 “Московского вестника” за 1828 год.

В этот же день Бенкендорф извещает Пушкина.

"Милостивый государь Александр Сергеевич!

Я имел счастье представить государю императору комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственноручно написал следующее: "Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман наподобие Валтера Скотта."

Уведомляя Вас о сем высочайшем отзыве и возвращая при сем сочинение Ваше, долгом считал присовокупить, что места, обратившие на себя внимание его величества и требующие некоторого очищения, отмечены в самой рукописи и заключаются также в прилагаемой у сего выписки.

Мне крайне лестно и приятно служить отголоском всемилостивейшего внимания его величества к отличным дарованиям Вашим.

В ожидании Вашего ответа, имею честь быть с искренним почтением Вашим покорным слугою А.Бенкендорф." [Переписка, № 304].

В начале января 1827 года Пушкин сдержанно на это ответит: "... Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное." [Переписка, № 310].

Трагедия Пушкина увидела свет лишь в 1830 году.

14-15 декабря.

Видимо, в эти дни Пушкин выезжает из Пскова в Москву (приедет он 19-го). Путь прежний: из Пскова на Новгород, Тверь и далее Москва.

Едучи обратно в Москву, он пишет стихотворение "Зимняя дорога".

Скучно, грустно ... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжу не наглядясь ...

Л.Краваль пишет: "... В столь очерченной реальной ситуации эта "Нина" тоже, кажется, должна быть реально существующим

лицом <...> Эти наплывы з-з-з-з на имя "Нина" заставляют его быть похожим на "Зина". Так, может быть, это очарование Зины Вульф внесло в его сердце смуту, и теперь ему скучно и грустно возвращаться даже к желанной милой? (Софье Пушкиной - А. Буковский)."

На другой стороне листа со стихотворением "Зимняя дорога" Пушкин записал отрывок "Как счастлив я, когда могу покинуть ..." Это первые следы, первые подступы к драме "Русалка", написанной по канве родового предания тверских Вульфов. Над стихотворением выставлена монограмма из букв Е.В. Т.Г.Цявловская связывает эти инициалы с именем Елизаветы Воронцовой. Однако, по близости во времени и пространстве написания этого стихотворения с посещением Вульфов <...> монограмма, вероятнее всего, означает посвящение Евпраксии Вульф". [М.П. №2, с.218].

16 декабря 1826 года, четверг

Квитанция

без платежа за бумагу

Опочецкое

Декабря 16-го

уездное Казначейство

1826 года

№ кв. 785

№ ст. 1026-й

По приказу его императорского величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное казначейство помещиц Надежды Пушкиной и Мары Ганнибаловой на вторую сего года половину с 88 душ государственной подати 145 руб. 20 коп., на земские повинности 40 руб. 26 коп., на канцелярию 1 руб. 98 коп. 1825 года. Государственной подати 234 руб. 50 коп., пени 28 руб. 6 коп. Итого четыреста пятьдесят рублей.

Уездный казначей Затеплинский.

"...числятся доимки на сих помещицах по 1-е января 1827 года, всех вообще 493 руб 71 1/2 коп." [Лет. ГЛМ, с.287].

18 декабря 1826 года, суббота

В газете "Московские ведомости" №101 от 18 декабря 1826 года (с. 4038) помещено объявление о продаже книг в лавке Ширяева: там же продаётся "Евгений Онегин", Роман в стихах, соч. Александра Пушкина. Глава вторая. М., 1826 год в тип. Семен.; 5 р. ассигнац., с пересылкою 6 р.

Д.В.Веневитинов пишет из Петербурга С.А. Соболевскому в Москву: “Что делает наш журнал? <...> От тебя многое зависит его прочность. Понукай Пушкина, надобно, чтобы в каждом № было его имя, подписанное хотя бы под немногими строчками. Скажу тебе искренно, что здесь от этого журнала многое ожидают. Сам Пушкин писал сюда об нем. Скажи нашим, чтоб они не щадили Булгарина], Воец[кова] и пр. Истинные литераторы за нас. Дельвиг также поможет и Крылов не откажется от участия.”

[Л.Н. с.732].

Середина декабря 1826 года

Пушкин во Пскове получает письмо от Н.М.Языкова, на которое отвечает уже в Москве 21 декабря и в котором, в частности, сообщает, что стихотворение Языкова “Тригорское” напечатано будет во 2 № Моск.[овского] вест.**<ника>**. (Переписка, №306)

Письмо Языкова не сохранилось.

Возможно в это время А.И.Тургенев получает в Дрездене присланную ему вторую главу “Евгения Онегина” с надписью поэта:

Александру Ивановичу Тургеневу
от А.Пушкина
20 октября 1826
Москва

19 декабря 1826 года.

Приезд Пушкина в Москву.

Из записи в дневнике М.П.Погодина: “... - засыпаю, окончив Коцебу, вдруг шум и стук. Приезжаю Салли Ш. [евырев] О. [боленский В.И.] С. [оболевский] которые восклицают, что приехал Пушкин. Я не верю и бьюсь об заклад с ними. - Шевырев смешон.” [П и с., вып. 1920, с.83].

Декабрь 1826 года

В журнале “Отечественные записки”, издаваемом Павлом Свиньиным, в № 80 (с.445) в отделе “Смесь” объявление о выходе в 1827 года журнала “Московский вестник”. В частности сказано, что “В издании сего Журнала участвует преимущественно А.С.Пушкин”.

Расшифровка источников

Врем. П.К. - Временник Пушкинской комиссии., М.-Л.: "Наука".

Лемке - М.К.Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826-1866 гг. По подлинным делам III отделения собственной Е.И.В канцелярии. СПб., 1908.

Л.Н. - Литературное наследство. М.-Л.: Изд. Жургазобъединение, 1934, Т.16-18.

Лет. ГАМ - Летописи Государственного Литературного музея, кн. I Пушкин. Ред. М.А.Цявловского., М.-Л.: Изд-во. Жургазобъединение, 1936.

М.Вед. - "Московские ведомости", газета.

М.П. - Московский Пушкинист: ежегодный сборник, М.: Наследие, 1996.

П.Врем. - Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1936-1941.

П. в печ. - Н.Синявский и М.Цявловский. Пушкин в печати. 1814-1817. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Изд-е 2-е испр. М., 1938.

Переписка - Полное собрание сочинений А.С. Пушкина, т. 13. М.: Изд-во АН СССР, 1937.

Пер. Т. с В. - Архив братьев Тургеневых. Выпуск 6-й. Переписка А.И.Тургенева с П.А.Вяземским. Петроград, 1921. т. I.

П и С - Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1903-1930.

П. Иссл. и мат. - Пушкин. Исследования и материалы. М.-Л. (АН СССР), Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

Письма - Пушкин. Письма, т. II, 1815-1833/Под ред. и с примеч. Б.Л.Модзалевского. Труды Пушкинского Дома Академии Наук. М.-Л., ГИЗ. 1928.

П. под т.н. - Б.Л.Модзалевский, Пушкин под тайным надзором./ СПб Парфенон, 1922.

РА - "Русский архив", журнал.

СПб вед. - Санкт-Петербургские ведомости, газета.

СТЕПАНОВА Т.В.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СВЯТОГОРОСКОГО МОНАСТЫРЯ (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Святогорский Успенский монастырь, известный во всем мире как место, где нашел свой последний приют один из величайших гениев человечества - Александр Сергеевич Пушкин, имеет богатую многовековую историю (основан в 1569 году по приказу Ивана Грозного).

Насыщен событиями и так называемый "советский период" существования монастыря, на котором мы остановимся в данной статье.

1918 год. Идет гражданская война. Во владимирской газете "Голос народа" в номере от 27 марта 1918 года появляется следующий текст телеграммы, свидетельствующий о том, что имя Пушкина продолжает оставаться для России "не пустым для сердца звуком": *"Главнокомандующему войсками Псковского района. В Святогорском монастыре, в зоне, по последнему соглашению России с Германией командованием объявленной нейтральной, находится могила величайшего русского поэта А.С.Пушкина. Нейтральная зона не может быть занята вооруженными людьми как той, так и другой стороны. Ввиду того, что эта могила является святыней русского народа, ходатайству о допущении специальной военной охраны этой могилы.*

Комиссар по военным делам /Подпись/ [1].

Можно предположить, что ходатайство военного комиссара было удовлетворено. Во всяком случае в 1920 году могила поэта охранялась бойцами и командирами Отдельной Башкирской дивизии. В журнале "Смена" за 1936 год в №9 напечатаны воспоминания полковника З.Х. Гареева, свидетельствующие об этом [2].

16 сентября 1921 года Совнарком издает декрет (опубликован в № 227 "Известий ВЦИК"), в силу которого бывшее имение А.С. Пу-

шкина село Михайловское с принадлежащими ему рощами, земельными угодьями и сенокосными лугами, парк бывшего имения Тригорское с местом бывшей усадьбы и подлежащими к нему дополнительным отводом сельскохозяйственных угодий и пахотной земли, необходимых при организации культурно-просветительных учреждений, и могильный холм А.С. Пушкина в Святогорском монастыре с памятником на могиле объявляются заповедным национальным достоянием и передаются в ведение Наркомпроса в целях их охраны и восстановления, как места всероссийского исторического значения, связанные с памятью и творениями великого национального гения.

Отныне "на площадке могильного холма А.С. Пушкина в Святогорском монастыре воспрещается хоронить покойников, ставить памятники, возводить какие-либо новые сооружения на нем. Всякая порча памятника, надписи на нем и пр. преследуются самым строгим образом" [3].

11 ноября 1921 года Псковский губисполком принимает решение об охране пушкинских мест в Опочецком уезде Псковской губернии. В этом решении говорилось: "...Обратиться в Наркомпрос РСФСР с ходатайством об объявлении пушкинского уголка заповедным имением и взять его под охрану как исторический памятник, имеющий значение для всей республики".

Ходатайство местных псковских властей встретило горячую поддержку наркома просвещения А.В. Луначарского, который 2 марта 1922 года и подготовил проект постановления под названием "О национализации усадеб Михайловское и Тригорское, а также места похорон А.С. Пушкина в Святогорском монастыре". Отправляя проект в тот же день в наркомат земледелия, А.В. Луначарский просил срочно дать заключение на него и передать в правительство [4].

17 марта 1922 года (протокол №849) Совет Народных Комиссаров постановил объявить места б. Псковской губернии Опочецкого уезда, связанные с жизнью и творчеством А.С. Пушкина:

Михайловское, Тригорское и могилу поэта в Святых Горах,- Пушкинским Государственным заповедником.

По постановлению Совнаркома территорию заповедника предложено установить Наркомпросу и Наркомзему. Границы заповедника, впервые намеченные в 1922 году, особой местной комиссией (акты от 25.05 и 31.05.1922 г.), были утверждены в Псковской губернии и Наркомземе [5].

Святогорский монастырь прекращает свое существование как культовое учреждение.

Очень интересны воспоминания местной жительницы **Елены Ивановны Ивановой** (1912 г.р.), уроженки д. Кузовиха Загрязьевского сельского совета Пушкиногорского района /записаны мною в августе 1991 года/: "Я была еще ребенком, когда закрывали монастырь. Хорошо помню, как выносили иконы и церковную утварь из собора. Народу собралось много, люди плакали, и мы, дети, тоже плакали.

Много икон разрубили и сожгли. Икону Святителя Николая Угодника на Никольской церкви замазали, а перед войной сбили, так как икона постоянно очищалась от замазки.

Иконы выносили и уничтожали работники райисполкома: Нина (как фамилия - не помню, сейчас она живет в Жуках, и раньше там жила). Она потом ослепла. Бог наказал.

А Осип из Загосок выносил распятье из собора. На самой верхней ступеньке лестницы споткнулся, распятье упало на него. Он встал и сказал распятью: "Не впирайся, все равно пойдешь!" Но и он получил по заслугам - еще до войны повесился.

Помню Пятницкую церковь еще действующей. Там отпевали духовенство. Вокруг Пятницкой церкви было кладбище, примерно до 1938 года. Потом его комсомольцы сравняли и сделали танцплощадку и спортивную площадку, натянули волейбольную сетку.

Когда на Троицу пришли на танцы, вокруг все затемнело, а потом точно на востоке как раздвинулось, и стоит Божья Матерь. Это я видела сама."

После того, как мужской монастырь прекратил свое существование, монастырские постройки начинают выполнять другие функции.

В Успенском соборе уже в 1923 году располагается небольшой музей, в котором экспонируются предметы культа, церковные книги, немногочисленным посетителям позволяет подняться на колокольню и осмотреть монастырские колокола.

В двухэтажном деревянном братском корпусе размещается школа колхозной молодежи (ШКМ). В хозяйственных постройках на внешнем монастырском дворе содержатся коровы, принадлежащие школе.

Вот как описывает Святогорский монастырь посетивший его в 1923-1924 годы Ф.А.Васильев-Ушикуник [6]. "Спустившись по лестнице вниз, мы влево увидим восточные ворота монастыря, поломанные и разрушенные недавно бывшим пожаром, которые называются еще и Пушкиными, так как они обращены в сторону дороги в Михайловское, и через них поэт всегда входил в монастырь.

Поворачиваем от лестницы направо, огибаем церковь под горой и поднимаемся на другую лестницу, каменную, крытую, с мрачными сводами, чтобы по ней подняться на ту же Синичью Гору в церковь. Эта темная глухая лестница, находящаяся с одной стороны в земле, плохо освещенная с другой небольшими окошечками, своею мрачностью, грузностью и древностью невольно переносит в другую эпоху.

Мы не заходим пока в церковь, а через проделанную в стене дверь поднимаемся по узкой и темной каменной лестнице, а потом по деревянным мосткам и лесенкам на колокольню, которая далеко видна подъезжающим к монастырю.

На колокольне целый ряд колоколов с надписями, гласящими о том, кем они пожертвованы монастырю. Разобрать эти надписи, образцы славянской вязи, удается с трудом, но представляет большой интерес. Особенно всех посещающих колокольню интересует колокол Ивана Грозного. Небольшой, но когда-то звонкий колокол (личное воспоминание) ныне выбыл из строя: дал трещину и повешен в углу на восточной стороне колокольни. Но экскурсанты с большим интересом и особенным удовольствием смотрели на этого ветерана.

Бросив последний взор на окрестности, спускаемся вниз к церковному входу. Маленькая церковь с толстыми стенами, темная и таинственная, напоминающая отчасти внутреннего Василия Блаженного в Москве, нужна нам для того, чтобы усилить воздействие прошлого.

В этих же целях желательно осмотреть старинные исторические ценности монастыря, обратившись к настоятелю или другому лицу, кому поручено охранять памятники старины (проживающая в Тоболенце В.Починковская-Тимофеева, старый литератор из Михайловской колонии, состоит членом комиссии по охране памятников старины.)

Здесь имеются любопытные для экскурсантов вещи: Евангелие 1625-26 года, времен Михаила Федоровича, о чем гласит порывевшая витиеватая надпись. Затем Евангелие времен царя Федора Алексеевича печати 1681 года; вышитые золотом и серебром предметы культа, подаренные известным западником допетровских времен Ордын-Нацокиным, старинные иконы, старинные резные из дерева ризы на иконах и др.

Еще и теперь большую роль в экономической жизни псковщины играют небольшие местные ярмарки.

В связи с празднованием 125-летнего юбилея рождения поэта в Святых Горах с 1-го июня организована экскурсбаза для приема экскурсантов при школе II ступени им. А.С.Пушкина, находящейся в монастыре. Она рассчитана на 30 человек и дает за 1 рубль

в течение 3-х дней полное содержание (кроме простынь, подушек и одеял)."

Практика организации приема туристов в летние месяцы в здании школы сохранялась еще несколько лет.

Столетие со дня приезда Пушкина в Михайловскую ссылку превратилось в подлинно народное чествование. Николай Васильевич Измайлова так вспоминает об этом событии: "Первое, что было сделано по приезде - это посещение всеми приехавшими вместе с массою крестьян и школьников могилы поэта и в благоговейном молчании, возложение на памятник венков из полевых ("последних") цветов, заготовленных школьниками. Затем, вечером, проходило торжественное заседание.

Дома культуры в Святых Горах еще не было, и оно было устроено в каком-то большом сарае или даже риге, с построенной для этого случая эстрадой, где стояли стол президиума и кафедра, с тесно поставленными скамейками и еще - с балконом, на котором стояла разместилась молодежь. Импровизированный зал. Освещенный керосиновыми лампами, <зал> был наполнен до отказа. Собралось все население поселка, сошлись крестьяне из окрестных деревень. Особый, почтительный интерес возбуждал председательствовавший А.П. Карпинский, которого крестьяне, узнав, кто он такой, тотчас называли "председателем всех наук". Не помню точно порядка всего заседания. Было много речей и приветствий (я выступал от имени Пушкинского Дома); полу-речи, полу-доклады на тему о Пушкине в Михайловском представили Б.В. Томашевский и М.А. Цялевский; блестящую речь произнес Л.П. Гроссман - как всегда, прекрасный и увлекательный оратор - и вызвал дружные аплодисменты. Затем выступали с чтением своих стихов и отрывков прозы делегаты-писатели - Илья Садофьев, Вячеслав Шишков, Иван Новиков и другие, - и эта часть заседания имела, конечно, наибольший успех.

На другой день все отправились в Михайловское, где продолжались речи о Пушкине" [7].

На территории монастыря несколько лет размещались допризывные части территориальных войск, что причиняло заповеднику и школе массу неудобств и неприятностей. В разное время те части располагались и в здании школы, и в здании б. богадельни, солдатские нары были даже в одном из приделов Успенского собора.

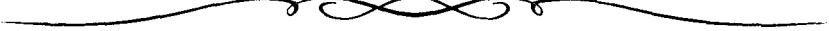
С 31 мая по 3 июня 1925 года в Пушкинском заповеднике находился профессор К.К. Романов с целью осмотра заповедных мест. В своем отчете он фиксирует и состояние Святогорского монастыря, и могилы Пушкина: "Памятник на могиле А.С.Пушкина слегка покосился к востоку. Причину следует, вероятно, искать в оседании горы, на которой он находится. Оседание почвы ясно видно, и часть бутового фундамента памятника обозначилась.

На обелиске нет креста, утраченного, по словам В.В. Тимофеевой, еще до революции: на месте креста виден его слабый облик и два отверстия от штырей для прикрепления. На западной стороне памятника ложная арка из белого мрамора дала две, пока незначительные, но тем не менее опасные в будущем трещины: возле одной по трещине выпала ранее уже сделанная при починке мрамора мраморная вставка, что указывает, вероятно, давность трещины.

Калитка железной решетки, окружающей памятник, была утрачена, в настоящее время поставлена другая калитка, по-видимому, из готовой могильной решетки неподходящего рисунка и с бронзовыми копьями на конце каждой вертикальной штанги.

Бетонная вымостка вокруг могилы поэта и могил Ганнибалов потрескалась и в одном месте сильно всучилась. Ввиду этого вымостка пропускает воду и задерживает ее высыхание. Желательно уничтожить бетонную вымостку.

Близ могилы стоит старый "жальничий" крест, вероятно XVIII века. Могила архимандрита Геннадия (по Строеву 1838-1849) с памятником 1864 года и отдельной решеткой в подпорченном

состоянии. На площадке памятника находятся два тополя, а по склону еще четыре. Эти тополя, разрастаясь, могут быть вредны для сохранности верхней поверхности горы, и их желательно удалить, не заменяя другими деревьями.

У могил Ганнибалов отлетает цементная штукатурка по кирпичу под известковыми плитами.

Бывший собор монастыря (1569 г.) обращен, в его главной части, в церковный музей с вещами большей частью второстепенного значения. Здание прочно и в отличной сохранности в хороших формах псковского зодчества XV и XVI века. Особенно интересно как хороший образчик позднего применения этих форм. Стекла окон в соборе не целы, внутри б. собора, по-видимому, живут голуби, так как слишком сильно загрязнили его в средней части под главой. Южный придел был занят военными частями, и хотя по постановлению военсполкома воинские части больше не должны в нем находиться, но до сих пор ключи придела не сданы воинскими властями.

Северный придел в его части XVIII века отведен под пушкинский музей, где находятся венки и вещи музея. Венки повешены по стенам, маска поэта лежит на аналосе. Рояль прислонен к стенке, в нормальном положении, но у него не хватает передней доски и сломана передняя ножка, необходимо поставить его на временную подставку.

Прочие предметы случайно сложены на столах, в стоящих в беспорядке на полу витринах и в шкафах и для осмотра не приспособлены. Одно окно пробито. Колокольня хорошей сохранности, к ней прикреплен конец радиотелеграфного траса, для прикрепления которого в шпиле колокольни открыто отверстие. Возле этого отверстия на нескольких гранях не хватает 14 примыкающих друг к другу листов железа. Северная стена западной постройки (XIX в.) к колокольне отходит к северу, движение это наблюдалось очевидно уже ранее, о чем свидетельствует контрфорс у ее северо-западного угла. Здание бывши. богадельни, уступленное

заповеднику, до настоящего времени занято допризывающими частями территориальных войск" [8].

30 июня 1926 года в Пушкинский заповедник приезжает нарком просвещения А.В. Луначарский.

В записке по поводу приезда наркома П.М.Устимович, заместитель ученого хранителя книжных собраний Пушкинского Дома пишет: " .... После отдыха нарком поехал со мною в маленькой двухместной коляске в Тригорское, а вслед за нами и вся свита.

Во время этого пути я доложил А.В. все самое необходимое. ... О необходимости ремонта памятника на могиле Пушкина, ремонта собора 1569 г.

А.В. Луначарский, передавая мне жалобу местных властей на поход в печати по поводу непорядков в заповеднике, спросил, не кажутся ли сведения, появившиеся в печати, преувеличенными. Я доложил, что публиковалось несколько месяцев тому назад в печати, и в доказательство прочел несколько строк из акта от 27-30 мая 1926 г., гласящих: "Согласно заявлению заведующего школой крестьянской молодежи и представителя волисполкома на уборку одного мусора и навоза с заповедного холма, оставленных в монастыре главным образом квартиривавшей терцастью, пошло 60 возов.

Моим объяснением нарком удовлетворился. Нарком попросил передать ему записку о нуждах заповедника, что мной и было исполнено" [9].

12 июля 1926 года П.М. Устимович посыпает А.В. Луначарскому записку "Что надо отремонтировать на могиле Пушкина": "Сравнять бетонный настил и выровнять почву. По мнению архитектора К.К.Романова непроницаемый бетонный настил следует заменить камнем или щебнем, так как по условиям климата бетон дает трещины, в которые проникает вода, разрушая почву под бетоном. Памятник поэта, а равно плиты О.А. и М.А. Ганнибал нужно выровнять. На самом памятнике подлежит восстановлению в верхней части утраченный бронзовый крест

(рисунок сохранился) и укреплению снятая со стрежня урна в нише, а равно должен быть произведен ремонт мраморного массива, давшего в одном месте опасную трещину, и ремонт надписей; должна быть исправлена железная ограда у памятника; временную дверцу неподходящего рисунка нужно заменить новою и восстановить недостающие шары - наконечники на ограде.

Кроме того нужно укрепить каменную на извести ограду по границе холма, в нескольких местах грозящую обвалом, снять ряд тополей, окружающих могилу: эти быстрорастущие и неопрятные деревья заглушают ниженаходящиеся и в тени прозябающие деревья благородных пород - дуб, липы и клены. С устранением тополей получит простор главным образом дуб. Сам поэт за несколько месяцев до смерти, в 1836 г. так сказал о дубе, имея в виду кладбище родовое в Святых Горах:

Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя ...

Надобно устранить гнездовья ворон, галок и грачей на близрастущих деревьях. Эти птицы загрязняют могилу и оглушают всю местность безобразным карканьем, внося дисгармонию в мягкий и уютный пейзаж.

Лучше всего достигнуть желаемого путем расстреливания весною гнезд до начала стишки их. В таком случае птицы найдут новые места подальше от памятника. Таких мест сколько угодно в лесу.

Нужно реставрировать (рисунок есть) умышленно разрушенный памятник на могиле б. настоятеля монастыря Геннадия. Он был современником поэта (фигурном с 1827 по 1848 г.) и похоронил Пушкина в 1837 году.

При реставрации следовало бы отметить плитами место погребения матери и отца Пушкина, здесь же погребенных.

Наконец необходимо отремонтировать древний храм 1569 г. на могильном холме. Восточная стена имеет большую зияющую

трещину, грозящую в будущем обвалом . К сожалению, денег у правительства на такой ремонт нет

Местные прихожане ходатайствуют о сдаче им храма в аренду с обязательством взять на себя полный ремонт храма-музея и с условием разрешить прихожанам в этом храме исполнять обряды культа.»

В Тригорском я доложил наркому о сохранившемся фортепиано из Тригорского, хранящемся в соборе в Пушкинских Горах , и о необходимости перевезти его , как подлинную реликвию , в Пушкинский Дом , с чем согласен и заведующий отделом музеев усадеб В.И. Ерлыкалов , так как оставленное фортепиано в Пушкинских Горах грозит ему окончательной гибелью, а хранение его в Михайловском в деревянном доме представляет опасность для этой реликвии в пожарном отношении. Нарком вполне одобрил предложение о вывозе фортепиано в Пушкинский Дом , о чём и передал зав. Заповедником Ф.П. Павлову" [10].

Из вышеупомянутых документов можно сделать вывод, что памятник на могиле архимандрита Геннадия был сознательно разрушен между июнем 1925 года и июлем 1926 года.

В начале 1927 года ставился вопрос о снятии колоколов с колокольни Святогорского монастыря и их дальнейшей ликвидации. Это явствует из письма зав.губмузеем А.К. Янсона заведующему Госзаповедником "Пушкинский уголок "Ф.П. Павлову (март 1927): "Не знаю, вряд ли Главнауке удастся отстоять новые колокола б монастыря, то будьте любезны посмотреть, не повредили ли здание и не затронули исторические колокола, которые И.Н. Ларионов отметил мелом и ярлыками /их описание имеется у начальника милиции/".

Колокола отстоять удалось. В письме А.К. Янсона к Ф.П. Павлову от 6 марта 1927 года за № 110 сообщалось: "В ответ на Ваше отношение от 2/III за №116 /получено сегодня/ сообщаю, что немедленно приняты шаги об отмене ликвидации колоколов б. Святогорского монастыря , т.к. по имеющимся сведениям, все ко-

локала древние. Вместе с этим я обратился в Главнауку и ГубФО. Прошу Вас не отказать уведомить ГубМузей /даже телеграфно/, если вопреки всему этому будет приступлено к снятию колоколов".

5 июня 1927 года в результате сильного ливня на могильном холме произошла катастрофа: на протяжении более чем 20 метров произошел обвал каменной из больших булыжных камней подпорной стены.

Специально созданная комиссия в составе старшего эксперта-архитектора Н.П. Никитина, производителя работ В.А. Таубера и представителей местных учреждений сделала вывод, что причина обвала заключается в отсутствии устройства правильных стоков, отводящих воду с верхней части холма и крыши собора.

Обрушившаяся стена развалилась на отдельные составлявшие ее камни, и, увлекая за собой песок с поверхности откоса, они рассыпались по скату холма до основания и были задержаны внизу нижней каменной стеной, окружающей гору. Оставшаяся наверху у основания собора площадка представляла из себя узкую полоску земли около 2 саженей от стены собора с уклоном в сторону обвала бывшей стены. Мраморный памятник на могиле А.С. Пушкина дал небольшой уклон в восточную сторону.

В акте, составленном комиссией, указано и состояние Успенского собора: "На восточной стороне Успенского собора обнаружено, что цокольная часть стены северного придела разрушена и частично отвалилась на протяжении 2 саженей в длину полукружью: требует перекладки заново в количестве 0,60 куб. саженей.

Самый собор, находящийся в ведении ВИКа, в настоящее время заперт. Со шпиля на колокольне сорвана крыша и обнаженная обрешетка разрушается. Вся остальная крыша на соборе с желобами и водосточными трубами требует ремонта. На колокольне пояски и карнизы вследствие отсутствия железного открытия разрушаются и обваливаются, кирпичная кладка выветривается.

Северо-западный угол пристройки отходит в сторону обвала вместе с контрофорсом, лишенным железного открытия, что является результатом сползания грунта. Вследствие того, что в соборе частично разбиты и отсутствуют стекла в соборе живут голуби". [11].

Северная подпорная стена была восстановлена в том же 1927 году. Были ли проведены реставрационные работы в соборе, и если да, то в каком объеме, установить не удалось.

Чтобы обеспечить наилучшие условия для развития заповедника в **1933 году** он был передан в ведение АН СССР.

До 1936 года территория монастыря и монастырские постройки находились в ведении различных организаций. Так, в левом крыле каменного одноэтажного братского корпуса находилась пекарня, в правом - оборудованы жилые комнаты. В двухэтажном каменном братском корпусе у Анастасьевских ворот располагались типография и редакция, в Никольском соборе и Пятницкой церкви были клубы. В двухэтажной каменной монастырской гостинице размещались: на первом этаже - столовая, на втором - райисполком.

Все это крайне неблагоприятно отражалось на внешнем виде монастырской территории.

В документе "О границах заповедника", подписанном директором Пушкинского заповедника С. Семёновым, говорится: *"Вся территория с каменной стеной, ограждающей могилу, представляет собой одно историческое целое. В настоящий момент территория эта крайне загрязнена сарайами, дворовыми складами, уборными и пр. Необходимо привести ее в полный порядок, сделать газоны, цветник и очистить от мусора пути, ведущие к могиле и пр."* [5].

В **1936 году** территория Пушкинского заповедника была значительно расширена за счет присоединения Петровского, Савкиной горки, городища Воронич. Становится заповедной и вся территория Святогорского монастыря.

С 1930-х годов установилась традиция ежегодно отмечать день рождения А.С. Пушкина народным гулянием.

В столетнюю годовщину со дня смерти А.С.Пушкина в 1937 году на его могиле прошел многолюдный митинг, на котором народ отдавал дань благодарности русскому национальному гению.

Можно предположить, что крупномасштабных работ по улучшению состояния территории монастыря и монастырских построек после передачи их заповеднику не было. Многие учреждения и предприятия продолжали размещаться в монастырских постройках.

В **августе 1940 года** на могильном холме были проведены санитарные мероприятия, состоящие в вырубке мертвых и зараженных деревьев и обрезке мертвых суков больных деревьев. Но работы эти были выполнены неудовлетворительно, о чем свидетельствует заключение профессора Шиперовича, подписанное 26 августа 1940 года [12].

Приближалась Великая Отечественная война. Предшествующие ей события на территории монастыря и годы лихолетья сохранились в воспоминаниях местных жителей.

Уже упомянутая мною ранее **Елена Ивановна Иванова** вспоминает "Живу я в Пушкинских Горах давно. Поселились мы здесь, когда еще не было колхозов. Сразу же сестра поступила работать уборщицей в школу, которая располагалась в монастыре, и мы переселились жить туда. Школа была двухэтажная деревянная. В ней было 8 классов. Два коридора. Жили мы в темной комнате, которая располагалась на 2-м этаже среди классов, где раньше жили монахи. Классы были большие.

Кроме классов еще были комнаты, в которых жили учителя (Надежда Викторовна Алмазова, Першакова, Анна Тимофеевна, ее фамилии не помню и др.).

В братском корпусе была пекарня (в левом крыле). За братским корпусом в монастырских хлевах стояли коровы ШКМ (школьные).

У Анастасьевских ворот стояли еще два здания. В них располагались типография и редакция.

Маленькой девочкой я бывала в Никольской церкви на службе. Был большой хор. В нем пели Карузина, Шамина Анна, Бычкова Ольга Николаевна.

До финской войны сохранялся очень хороший монастырский сад. В нем росли яблони: ранетка, розовка, белый налив, антоновка, груши, вишни, сливы. Ягодных кустов не было. Садовником был Василий Черновский. Во время финской войны сад вымерз.

В начале войны мы выехали в деревню. Школа сгорела сразу же, как только фашисты подходили к поселку. Сожгли ее наши. Когда при наступлении немцев мы хотели собрать вещи и бежать из Пушкинских Гор, то нам наши сказали, что вещи брать не нужно, все сохранят. Не успели мы отойти несколько километров, смотрим, над монастырем зарево пожара. Сразу же вернулись обратно, а школа уже сгорела вместе с нашими вещами.

В школе до самой войны проходили занятия. Учились в ней до 4 класса.

В монастырской сторожке до войны ничего не было, она была закрыта.

В школе в 1935 или 1936 году летом была турбаза. Директором работала Клавдия Александровна (фамилию не помню).

Все ворота, ведущие в монастырь были открыты.

В гостинице в 1929 году был райисполком, он там размещался до постройки нового здания. Во время войны гостиница пустовала.

Во время войны в Казанской церкви служил отец Иосаф. Он拿了 деньги партизанам. Служба в Успенском соборе проходила с 1942 по 1944 год.

Было два святых колодца: один в Гайках - туда в Вознесенье ходил крестный ход, второй на стадионе.

Петрова Мария Федоровна, 1914 года рождения, уроженка д. Железово Зарецкого сельсовета.

"В монастыре до войны была в 1933-1934 году (хотя года помню плохо).

В соборе в одном приделе была библиотека, в другом - солдатские нары. В центре - склад, в котором хранили железо, зерно. В Никольской церкви - клуб.

В монастырской гостинице на втором этаже располагался райисполком, внизу - ресторан до 1934 года.

Во время войны я в поселке не жила - находилась в эвакуации в деревне.

После освобождения поселка в 1944 году начала работать в Святогорском монастыре смотрителем. Работала одна. Убирала все, ухаживала за цветами.

Когда приезжала Чрезвычайная комиссия, то на территории монастыря обнаружили много снарядов и мин, в том числе и в монастырском колодце. Но так как глубина колодца была почти 20 метров, то **снаряды доставать не стали, а колодец вместе с ними засыпали**.

В 1944 году в Успенском соборе в центре был алтарь из горбылей, висели иконы (какие, не помню). В приделах все было вскопано.

В 1949 году начал организовываться музей. Работали сотрудники: Шпинев, Мерцалов.

С 1945 по 1955 год я с семьей жила в монастырской сторожке.

В 1956 году перешла работать в гостиницу заповедника, где и проработала до пенсии."

Петров Илья Иванович, 1912 года рождения, уроженец д. Новово Зарецкого сельсовета: "В 1934 году я занимался в здании монастырской школы. Там проводились занятия для допризывников. В братском корпусе была кухня, где для допризывников готовили еду. Приблизительно в 1934 году с Пятницкой церкви сняли кресты, а в самой церкви сделали клуб. В 1945 году пришел с фронта. В том же 1945 году укреплял надпись в стене сторожки у Ана-

стасьевских ворот. В 1946 году начал работать на реставрации в Свято-Горском монастыре. Народу, имею в виду экскурсантов, в то время было мало."

Григорьева Анна Яковлевна, 1930 года рождения, уроженка д. Горушка Гаринского сельсовета: "Поселились мы в Пушкинских Горах в 1938 г. Жили на Новоржевской улице. Тогда она насчитывала всего два дома. Но началось строительство.

На территории монастыря бывала часто. Анастасьевские и Никольские ворота были без дверей. Слева, сразу же за Анастасьевскими воротами стоял одноэтажный деревянный домик. Затем двухэтажное здание. На первом этаже размещалась типография (в ней работал мой отец), на втором этаже - редакция.

В первый и второй класс ходила в школу, располагавшуюся на территории монастыря.

На втором этаже монастырской гостиницы (1938 г.) были квартиры, жили семьи.

В период оккупации жила в поселке. В первые дни войны началась бомбежка. Бомбили собор, но бомбы в собор не попали, а попала бомба в склад вторсырья.

Все учреждения на территории монастыря закрылись.

В первые годы войны были разрушены здания типографии и домик. Частично разрушена и Никольская церковь.

На территории монастыря фашисты не размещались.

В **1940 году** на месте, где располагался старый монастырский колодец, выкопали новый. Но до воды не добрались, несмотря на то, что выкопали очень глубокий колодец.

Немцы или в 1941-м или в 1942-м году раздавали молитвенники на русском языке и призывали молиться Богу. Открыли церковь (в Успенском соборе, в центральной части, православный священник совершал богослужения). Когда угнали молодежь в Германию, многие спасались от угона тем, что делались певчими в церкви. Их фашисты не трогали. Певчих на хорах было много.

Иконостаса не было, на стенах и столбах висели иконы. Что в это время было в приделах - не знаю.

Во время войны была открыта и Казанская церковь.

До войны на холме было кладбище с оградами. Могила Пушкина и памятник были такими же, как и сейчас, только не было каменных плит вокруг, а была земля и могильные холмы и плиты. Все это сравняли с землей в 1948 году.

Около пруда был еще один колодец со святой водой.

До войны и во время войны крест на соборе был. Купол и колокольня были покрашены в голубой цвет с золотыми звездами.

При отступлении фашисты взорвали колокольню. За дорогой был бункер, от него рыли туннель, куда и заложили бомбы.

17 мая 1947 года я устроилась на работу на реставрацию монастыря. Работала до ликвидации конторы "Ленакадемстроя". Затем перевели меня на работу в монастырскую гостиницу, где проработала до 1952 года."

Малышева Пелагея Максимовна, 1912 года рождения, уроженка д. Поповня Зарецкого сельсовета: "В 1939 году я с семьей переехала в поселок. Жили мы на территории монастыря в братском корпусе в правом крыле, в бывшем складском помещении. Квартиры располагались в два этажа. Жили кроме нас еще две семьи: Григорьева Антонина с семьей и Ефимов Павел.

В Пятницкой церкви был клуб. Церковь сгорела во время войны. (В ней была закрыта молодежь, которую собирались угнать в Германию. Кто-то поджег церковь, вероятно для того, чтобы освободить молодежь.)

Колодец посреди монастырского двора был закрыт.

Дорога, ведущая от Святых ворот в монастырь, была шире, чем сейчас, деревьев было мало. По этой дороге ходили в клуб, размещавшийся в Никольской церкви.

В 1939 году закрыли Казанскую церковь. Священник и монахи Анфиса были посажены в тюрьму."

12 июля 1944 года Пушкинский заповедник был освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

По решению Советского правительства в Пушкинские Горы была направлена Государственная Чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, в состав которой входили писатели Н.С. Тихонов, Л.М. Леонов, известнейшие пушкинисты Д.Д. Благой, Н.К. Гудзий, член-корреспондент АН СССР П.И. Лебедев-Полянский. С 26 июля по 1 августа комиссия провела обследования состояния Пушкинского заповедника.

Вот что члены комиссии увидели в Святогорском монастыре: (из Акта Государственной Чрезвычайной комиссии):

"ОСКВЕРНЕНИЕ МОГИЛЫ ПУШКИНА И РАЗРУШЕНИЕ СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ"

Кощунственное отношение немцев к национальным святыням русского народа ярче всего обнаруживается в надругательстве и осквернении могилы Пушкина. Стремясь охранить Пушкинский заповедник от опасности разрушения, части Красной Армии оставили этот район без боев и отошли к Новоржеву. Несмотря на это, 2-го июля 1941 года немцы подвергли бомбардировке Святогорский монастырь, у стен которого находится могила Пушкина.

В марте 1943 года, задолго до подхода линии фронта к Пушкинским Горам, немцы приступили к систематическому разрушению "охранявшегося" ими Святогорского монастыря. По свидетельству священника И.Д.Дмитриева, немцы дважды подрывали главную церковь монастыря - Успенский собор, построенный в XVI веке по повелению Ивана Грозного. В результате второго взрыва собор, у стен которого находится могила Пушкина, разрушен: колокольня рухнула, а древний двухсотлетний большой колокол разбит на мелкие куски, валяющиеся в обломках кирпича по склонам горы; крест соборного купола сорван; западная часть купола пробита снарядом, крыша приделов обрушилась. Сожжены и полностью уничтоже-

ны Никольская церковь монастыря, трапезная, кельи монахов, монастырская гостиница и другие монастырские сооружения. Ворота монастыря повреждены артиллерийским снарядом, икона с западных ворот сорвана.

При отступлении немцы сожгли почти все здания в районном центре Пушкинские Горы и доверили дикий и бессмысленный разгром Успенского собора. Вокруг него все завалено грудами кирпича, железа, разбитыми досками, иконостас сильно поврежден; все иконы из него вырваны и раскиданы по полу; некоторые простреляны. Так например, прострелен в нескольких местах пульами из ручного оружия с близкого расстояния большой образ апостола Петра на наружных дверях. Всюду валяются обломки церковной утвари; пол усеян листами, вырванными из богослужебных церковных книг и подлинных документов, освещавших историю Святогорского монастыря.

Могила поэта найдена сильно захламленной. Обе лестницы, ведущие к могиле, разрушены; площадка вокруг могилы Пушкина завалена мусором, щебнем, обломками иконных досок, кусками листового железа. Плиты на могилах дедушки и бабушки поэта (Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибал) совершенно засыпаны мусором и землей. Дощечки с надписями сломаны и брошены в груду обломков. Железная решетка вокруг памятника в ряде мест повреждена, согнута и промята, металлические наконечники по углам ее сбиты. Мраморная балюстрада вокруг площадки также повреждена в нескольких местах осколками снарядов и пулями.

Сам памятник отклонился в восточную сторону на 10-12 градусов вследствие оползания холма после бомбардировок и взрывов фугасных бомб, заложенных немцами.

В конце февраля 1944 года из Пушкинского заповедника был выселен и сторож при могиле Пушкина И.Х. Харитонов. Когда через некоторое время ему удалось получить разрешение побывать в Пушкинских Горах, он увидел, что памятник на могиле Пушкина грубо и насухо обшил досками. Установлено, что обшивка памят-

ника произведена немцами с целью скрыть его минирование. Как потом выяснилось, в то время, когда все русские люди были выселены из района Пушкинского заповедника, немцы подготавливали взрыв могилы Пушкина, Святогорского монастыря и самого холма, на котором находится могила поэта.

Под дорогу, проходящую вдоль северной стены монастыря, был заложен фугас, взрывом которого разрушена монастырская стена на протяжении 20 метров.

Второй фугас огромной силы был заложен на дороге с восточной стороны, у подножья могилы Пушкина: немцы прорыли специальный туннель, протяжением в 20 метров, тщательно замаскированный, в который были заложены специальные мины и 10 авиабомб по 120 килограммов каждая. Взорвать его немцы не успели ввиду стремительного наступления Красной Армии.

...На территории монастыря и в близлежащей местности обнаружено и извлечено советскими саперами подразделений Смирнова и Сачкевичуса до трех тысяч мин." [13].

21 апреля 1945 года Президиум Академии наук СССР вынес решение о срочном восстановлении Пушкинского заповедника как одного из крупнейших культурно-исторических памятников СССР.

В мае 1945 года, группа архитекторов, возглавляемая академиком А.В. Щусевым, осмотрела на месте разрушенные памятники и определила очередность их реставрации.

В марте 1946 года в Пушкинских Горах была создана Особая строительная контора "Ленакадемстроя" по восстановлению Пушкинского заповедника.

16-19 апреля 1946 года проходит заседание Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ) с повесткой дня "О ходе работ по восстановлению Пушкинского заповедника" [14]. Ответственность за своевременное выполнение этих работ возлагается по музейной линии на М.М. Калаушину, по хозяйственной линии на заместителя

директора по административно-хозяйственной части ИРЛИ Т.И. Шаргородского.

Постановлениями, принятыми Совещанием руководящих работников АН СССР, Псковским облисполкомом и Пушкиногорским РК ВКП /б/ и райисполкомом, были определены первоочередные работы по восстановлению Святогорского монастыря:

"... Считать первоочередными работами по заповеднику по титульному списку 1946 года следующие объекты:

а) консервация собора Святогорского монастыря и укрепление могильного холма.

... Признать необходимым разобрать и снять все постройки у подножия собора Святогорского монастыря: нижняя Никольская церковь, бывшее здание типографии и др. для создания единого ансамбля монастыря с могилой поэта, отвечающего его историческому облику.

Частично сохранившиеся строения бывших монастырских кельи желательно восстановить и использовать под культурно-просветительные организации района.

Временно на период строительства использовать монастырские кельи для нужд страйконторы "Ленакадемстроя".

Использовать весь строительный материал при разборке для строительно-восстановительных работ по заповеднику.

... Считать необходимым разрешить не позднее 1-го июля вопрос о передаче здания бывш. гостиницы в Пушкинских Горах, находящейся на территории Святогорского монастыря "Ленакадемстрою" как объекта, включенного в титульный список на восстановление в 1946 года" [13, с. 50].

11 мая 1946 года начальником отдела архитектуры при Псковском облисполкоме А.А. Драги, директором Пушкинского заповедника С.С. Гейченко и другими членами комиссии было проведено обследование разрушенного здания б. Никольской церкви и служебных монастырских построек. Комиссия признала восстановление церкви нецелесообразным, мотивируя следующим:

- « **1.** Все части здания сгорели, остался только остов, кирпичная кладка, которая сильно деформирована пожаром и атмосферными влияниями.
- 2.** Здание построено в 1844 году, не является памятником архитектуры и не входит в исторический ансамбль монастыря. Находясь в непосредственной близости от могилы А.С. Пушкина, здание это не может быть приспособлено для каких-либо посторонних нужд.
- 3.** Все вышеуказанное относится и к двум другим монастырским постройкам.
- 4.** На месте зданий, которые должны быть убраны, считаем желательным разбить сквер, который создает необходимое окружение могильного холма. Мнение о разбивке сквера на месте этих зданий было высказано еще членами Архитектурной комиссии под председательством академика Щусева, обследовавшей заповедник в мае 1945 года» [13, с. 35].

Во исполнение рекомендаций комиссии остатки церкви были снесены по решению Пушкиногорского райисполкома от 16 сентября 1946 года. И "в соответствии с указанием вице-президента АН СССР академика И.П. Бардина и академика А.В. Щусева на месте разобранных зданий у подножья холма разбить парк и всю территорию бывш. монастырского двора благоустроить и привести в соответствии с максимальным приближением к виду Пушкинского времени" [13, с. 96].

В 1946 году начинаются реставрационные работы: возводятся леса для восстановления Успенского собора, разбираются разрушенные части колокольни, разбирается разрушенное здание школы, начато восстановление здания монастырской гостиницы.

16 сентября 1946 года исполком Пушкиногорского райсовета принимает решение "О воспрещении движения грузового транспорта мимо монастырских ворот у могилы А.С. Пушкина" [13, с. 94]. Для грузового транспорта определено движение исключительно через Пятницкие ворота.

9 сентября 1946 года инженером "Ленакадемпроекта" Титовым Е.?, директором Пушкинского заповедника Гейченко С.С. и другими членами комиссии было проведено обследование фундаментов Успенского собора. С этой целью было произведено вскрытие фундаментов в четырех местах. При вскрытии в двух шурфах были обнаружены остатки 13 человеческих скелетов и две медные монеты достоинством 2 копейки образца 1798 года, копейка середины XVIII века и монета двухкопеечного достоинства времен царствования Николая I.

Состояние фундаментов собора было признано удовлетворительным [13, с. 81-84, н/ч].

В **1947 году** продолжались восстановительные работы в гостинице, ремонтировалась монастырская ограда, большой объем работ был выполнен по консервации колокольни, так как 16 июля произошел обвал части кладки круглой конструкции верхнего яруса [13, с. 198, н/ч].

Продолжалась разборка каменного здания типографии.

В **ноябре 1947 года** было проведено инженерно-геологическое обследование могильного холма и дано заключение об устойчивости центральной части собора, его южного придела и восточных абсид и неустойчивом положении северного придела. Были даны практические рекомендации по укреплению холма.

В **1948 году** начинается реставрация Успенского собора, завершилась реставрация лестниц, ведущих на могильный холм. 11 октября 1948 года полностью восстановлена монастырская сторожка [13, с. 336, н/ч].

Начинается реставрация братского корпуса.

12 ноября 1948 года уполномоченный по делам Русской Православной Церкви по Псковской области обращается с просьбой к настоятелям церквей: Рождество-Богородицкой церкви г. Ст. Изборска, Велейской, Палкинской, Матвеевской погостов Писковичи о передаче колоколов для Успенского собора.

Президент АН СССР академик С.И. Вавилов 28 мая 1949 года посыпает председателю Псковского облисполкома А.И. Перегуду письмо: "...Святогорский монастырь, где поконится прах А.С. Пушкина, восстановлен "Ленакадемстроем" после разрушения немецкими захватчиками точно в облике Пушкинской эпохи, как историко-культурный памятник. Именно так восстановлена и колокольня монастыря. Восстановление колокольни нельзя считать законченным до подвески колоколов, представляющих собою неотъемлемую архитектурно-композиционную часть.

Все колокола, полученные с вашей помощью из недействующих ныне церквей Псковской области, очень старые /XVII-XVIII вв./. Колокола существовали здесь и до Великой Отечественной войны. Само собой разумеется, что подвеска колоколов преследует только одну цель: сохранение историко-архитектурного ансамбля, и их использование не будет иметь места.

АН СССР считает подвеску колоколов необходимой и просит Вас со своей стороны дать на это согласие" [15, с. 9].

Но, несмотря на это ходатайство, колокола повешены на колокольню Успенского собора не были.

10 июня 1949 года был подписан акт приемки к эксплуатации здания Успенского собора, каменных лестниц, наружного каменного забора и садово-парковых работ территории монастыря [15. с.14 - 18].

Краткое описание проделанных работ

По Успенскому собору вновь сложили 3-й ярус колокольни, венчавшую часть /с орнаментом/ барабана главы храма, вновь восстановили купол над главой, восстановили кладку стен Льтовского придела, восстановили вновь луковицу главы над центральной частью храма и над приделами. Восстановили перекрытия, кровлю, восстановили штукатурку приделом и абсид. Укрепили вершину холма, на котором основан собор. Восстановили двери собора в их первоначальном виде. Восстановили древние каменные лестницы на вершину холма, освободив их от цементной штукатурки. Восста-

новили разрушенные немцами древние монастырские ограды, произвели вновь посадку более 300 шт. деревьев, более 470 шт. кустарников, на территории монастыря сделали проезжие гравийные и пешеходные дорожки, разбили цветники, произвели посев трав на газонах на площади около 4000 кв.м.

Кусты сирени для посадки были привезены из с. Алтун, бывшего имения помещиков Львовых. /На средства князя Львова в 1770 году был построен южный придел Успенского собора - церковь Одигитрии.)

В центре монастырского двора устанавливается бюст А.С. Пушкина работы скульптора И. Гинцбурга.

Огромную помощь в восстановлении Святогорского монастыря оказали местные жители. Они принимали участие в массовых субботниках и воскресниках, во время которых убирали мусор, разбирали разрушенные постройки, сажали деревья и кустарники.

В Успенском соборе разворачивается музейная экспозиция, рассказывающая об истории Святогорского монастыря и о дуэли, смерти и похоронах А.С. Пушкина.

Ответственными за подготовку экспозиции к открытию были назначены сотрудники Пушкинского заповедника:

- а) по теме "Дуэль и смерть Пушкина" - Н.И. Грановская;
- б) по теме "Разрушение и восстановление Пушкинского заповедника" - Е.Г. Звагольская (разрушение), Н.И. Грановская (восстановление) [16].

Первым хранителем монастыря-музея был покойный ныне Василий Яковлевич Шпинев. В 1963 году ему на смену пришел Михаил Ефимович Васильев.

12 июня 1949 года на могиле А.С. Пушкина, в почти полностью восстановленном Святогорском монастыре, открывается памятный митинг, посвященный юбилею 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Эту дату можно считать и днем второго рождения Святогорского монастыря.

8 июня 1950 года было сдано в эксплуатацию здание братского корпуса [15, с. 69].

5 мая 1952 года на ограде Святогорского монастыря-музея была установлена каменная доска с высеченным на ней золотыми буквами текстом: *"17 марта 1922 г. постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР место погребения А.С. Пушкина - Святогорский монастырь, Михайловское и Тригорское объявлены Государственным Пушкинским заповедником."*

В 1953 году Специальной научно-реставрационной мастерской были проведены крупные работы по реставрации надгробного памятника А.С.Пушкина.

Кроме того были выполнены работы:

- а) устройство бетонных лотков;
- б) ремонт бетонного основания балюстрады;
- в) промывка балюстрады с изголовлением и постановкой 8 шт. мраморных вкладышей;
- г) изготовление и установка железных ворот;
- д) устройство каменной лестницы на 12 ступеней с верхней и нижней площадками - спуск на северную площадку от паперти собора;
- е) изготовление зимнего ограждения памятника (деревянный футляр);
- ж) подрезка сухих сучьев на деревьях;
- з) посадка декоративных кустарников [17].

В 1961-1962 годы - реставрация и реконструкция бетонной площадки вокруг собора и перед главным входом в Успенский собор [18].

В 1957 году проводится реставрация мраморной балюстрады вокруг могильного холма [19].

В 1962 году проводится реставрация Святых ворот. Ворота, поставленные в 50-х годах XIX века, были разрушены, а новые восстановлены в облике пушкинского времени в соответствии с литографией 1837 года, изображающей эти ворота. Проект реставрации раз-

работал "Ленакадемпроект". Разметку осуществлял архитектор В.П Смирнов [20].

В 1966 году вокруг Святогорского монастыря была создана охранная зона.

После восстановления братского корпуса в нем разместились детская музыкальная школа и Дом пионеров. В 1973 году они были переведены в другое здание, а помещение братского корпуса стали использовать для проведения различных выставок, которые много лет регулярно устраивались Пушкинским заповедником.

В 1978 году Успенский собор еще более приблизился к облику пушкинского времени: была восстановлена соборная звонница. В 80-м году была полностью завершено ее реконструкция. Из 14 колоколов, в настоящее время висящих на колокольне, 4 принадлежали Святогорскому монастырю. В 1978 году была восстановлена и каменная монастырская ограда от Святых ворот до западного края холма, на котором стоит монастырь [21].

Большие денежные средства вкладывает Пушкинский заповедник в реставрационные работы на территории Святогорского монастыря и в последующие десятилетия.

Так, в начале 80-х годов благоустраивается внутренний монастырский двор /бюст А.С. Пушкина работы И. Гинцбурга переносится в парк, разбитый перед Домом культуры), укладываются новые каменные плиты на площадке вокруг собора, реставрируется каменная подпорная стена в северо-западной части могильного холма. В последующие годы восстанавливается монастырская стена в восточном направлении, реставрируется железная кровля Успенского собора и колокольни.

В августе 1987 года на могильном холме едва не произошла трагедия. Разрушительный ураган, пронесшийся над заповедником, сломал огромное старое дерево, которое только чудом не разрушило памятник на могиле А.С. Пушкина.

В 1991 году была осуществлена реставрация колокольни.

Московской геолого-гидрологической экспедицией проведено геологическое обследование на предмет выяснения устойчивости могильного холма и безопасного состояния могилы А.С. Пушкина и Успенского собора. Состояние было признано удовлетворительным.

Ежегодно осуществлялись косметические ремонты зданий монастырского комплекса. Проводились санитарные вырубки деревьев и кустарников и регулярные обрезки сухих сучьев на деревьях на всей территории монастыря.

Пополнялась и обновлялась музейная экспозиция.

Вновь образованная в Пушкинских Горах церковная община на своем собрании **4 августа 1991 года** приняла решение ходатайствовать о передаче Святогорского монастыря с Успенским собором Русской Православной церкви.

27 октября 1991 года в адрес председателя Псковского областного отделения ВООПиК З.М. Мусийчука и директора музея-заповедника А.С. Пушкина В.С. Бозырева поступило заявление от приходского совета Свято-Успенского прихода в п. Пушкинские Горы за подпись председателя приходского совета Р. Бурченковой, пом. председателя Э. Лобановой и казначея З. Лавровой: ..."*Просим передать в постоянное и безвозмездное пользование для нужд православных верующих Успенский собор б. Святогорского монастыря для совершения в нем богослужения, а также под служебное помещение здание гостиницы /б. дом настоятеля/.*"

Это заявление вместе с сопроводительным письмом В.С. Бозырева пересыпается **31 октября 1991 года** заместителю Министра культуры РСФСР Н.Б. Жуковой для принятия решения по данному письму министерством, в ведении которого находился музей-заповедник.

В феврале 1992 года состоялся Ученый совет музея-заповедника А.С. Пушкина в расширенном составе, где было рассмотрено обращение Псковской епархии о передаче ей всего комплекса б. Святогорского монастыря для устройства в нем действующего мужского монастыря.

17 февраля 1992 года Главе администрации Псковской области Пушкинский заповедник направляет письмо, в котором в частности говорится: "Святогорский монастырь сегодня является единственным местом в составе Пушкинского заповедника, где сохранились подлинные здания, в стенах которых бывал Пушкин. Ведь подлинные здания на усадьбах Михайловского, Тригорского и Петровского были утрачены и восстановлены в послевоенное время.

Поэтому только в монастыре, и нигде в другом месте, может так исторически правдиво, убедительно и неповторимо - т.е. "подлинно", - звучать экспозиция на тему "Святогорский монастырь в пушкинское время. Похороны поэта". Сам рассказ о гибели и похоронах поэта немыслим без этих древних стен, каменной лестницы, по которой несли гроб с телом Пушкина.

Уже в 1922 году могила поэта была включена в состав Пушкинского заповедника, и сегодня она является святыней и национальным духовным достоянием русского народа, местом паломничества представителей разных культур и вероисповеданий. В связи с этим необходимо оставить под юрисдикцией государственной заповедности могилу великого поэта и площадку вокруг нее, чтобы предотвратить возможное возобновление в будущем захоронений близ могилы Пушкина, что практиковалось в пору действующего здесь монастыря.

Ликвидация музея на территории монастыря явится невосполнимой потерей единственного и неповторимого в своем роде пушкинского музея в системе других пушкинских музеев страны и явится ущербным для нашей культуры в период подготовки к великой дате 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина."

20 февраля 1992 года председатель Пушкинской комиссии Российской Академии наук **Д.С. Лихачев** посыпает телеграмму Министру культуры Е.Ю. Сидорову: "В связи с решением о передаче Святогорского монастыря Псковской Епархии просим употребить Ваше влияние, чтобы были сохранены права

Пушкинского заповедника на некрополь и братский корпус, где следует сохранить музейную экспозицию. Нам представляется, что союз духовных и светских властей на общей ниве русской культуры будет ей только во благо."

Первый заместитель председателя правления Советского фонда культуры Г.В. Мясников посыпает телеграмму директору Пушкинского заповедника В.С. Бозыреву: "Советский фонд культуры получает обращение общественности, обеспокоенной судьбой Святогорского монастыря. Мы приветствуем возвращение первоначального смысла храмам, связанным с именем Пушкина, однако, считаем необходимым сохранение за музеем-заповедником Братского корпуса Святогорского монастыря для размещения там новой экспозиции, а также заключение договора с епархией о свободном доступе всех желающих к могиле Пушкина в Святогорском монастыре и о поддержании и реставрации главной святыни заповедника."

Решением Псковской администрации от 28 апреля 1992 года Святогорский монастырь возвращен Православной Церкви. За музеем сохранен некрополь Пушкиных-Ганнибалов.

Наместником действующего монастыря назначается архимандрит Сергий (Виктор Иванович Сосновский).

5 июня 1992 года Святогорский монастырь и Михайловское посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. На могиле А.С. Пушкина Патриарх совершил молитву об упокоении души великого поэта и благословил насельников монастыря и сотрудников музея-заповедника на совместное сотрудничество.

В правой части братского корпуса была развернута музейная экспозиция.

28 декабря 1992 года подписан акт передачи братского корпуса монастырю. Подписали акт директор музея-заповедника В.С. Бозырев и игумен Палладий.

Пушкинский музей на территории Святогорского монастыря прекратил свое существование. Под охраной заповедника остался некрополь Пушкиных-Ганнибалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замечательный документ/Известия. 10 февраля 1937. № 36.
2. Гордин А.М. Пушкинский заповедник. М.-л.: Искусство. 1968. С. 12-13.
3. Проект Постановления об охране Пушкинского уголка в Опочецком уезде Псковской губернии. 1921. ПЗ-КП-4678/18.
4. Базырев В.С. По Пушкинскому заповеднику. М.: Профиздат. 1970. С. 8-9.
5. ПЗ. КП-4678/38. О границах заповедника.
6. Васильев-Ушкуйник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М.: Изд-во т-ва" В.В. Думнов, б-ка бр. Салаевых". 1924. С. 28-71.
7. Измайлов Н.В. Пушкинский Заповедник в 1423-24 годах: тезисы доклада..., посвященного 50-летию Пушкинского заповедника. 17 марта 1972. ПЗ-КП-4678/62.
8. Романов К.К. Осмотр усадьбы Михайловское, усадьбы Тригорское, Святых Гор, прилегающих к ним местностей в границах Пушкинского Заповедника, и территорий исторически или художественно с ними связанных. ПЗ-КП-4678/36.
9. Устимович П.М. Записка о пребывании народного комиссара просвещения А.В. Луначарского в Пушкинском Заповеднике 30 июня 1926. ПЗ-КП-4678/53.
10. Устимович П.М. Что надо ремонтировать на могиле Пушкина. Записка, посланная наркому просвещения А.В. Луначарскому. ПЗ-КП-4678/54.
11. Текст акта от 2 сентября 1927 г. ПЗ. Инв. № 44-архив н/ч.
12. Шиперович. Заключение о произведенных работах по опиловке мертвых ветвей и суков больных деревьев на могильном холме. 26.08.40. ПЗ-КП-4678/58.
13. ПЗ. Инв. № 40 - архив. Акт Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.
14. ПЗ. Инв. № 92 - архив н/ч.
15. ПЗ. Инв. № 46 - архив н/ч.
16. ПЗ. Инв. № 38 - архив н/ч.

17. ПЗ. И nv. № 51 - архив н/ч. с. 38-40.
18. ПЗ. И nv. № 501/32 - архив н/ч. с. 5.
29. ПЗ. И nv. № 502/33 - архив н/ч.
20. ПЗ. И nv. № 486/17 - архив н/ч.
21. Бозырев В.С. Музей-заповедник А.С. Пушкина. Л.: Лениздат. 1979. С. 17-18.

В.Ю. КОЗМИН

ФЛИГЕЛИ с. МИХАЙЛОВСКОГО Историческая справка

Инфраструктура усадьбы с. Михайловского формировалась в течение длительного времени (конец XVIII – начало XX века) На протяжении двух веков усадьба строилась, перестраивалась, приобретала специфические для каждого отрезка времени стилистические штрихи. Истории Михайловского как усадебного комплекса в силу ряда причин уделялось мало внимания. В XIX веке, когда усадебный быт был явлением живым и знакомым, стилистические особенности данного комплекса оставались за скобками интересов исследователей. В это время происходил сбор мифологем (зачастую разрозненных и нелогичных), относящихся к периоду жизни здесь А.С. Пушкина. Типичным примером подобного рода корреспонденции могут служить «Рассказы о Пушкине, записанные К.А. Тимофеевым» [1, с. 428 – 432]. Корреспондент, кучер Петр Парfenov, отвечает на разрозненные вопросы, связанные не с бытом помещика, а с литературным аналогом: «Увидеть барский дом нельзя ли? – сказалось само собою, потому что здесь как-то само собою навертываются стихи из "Онегина" [1, с. 428]. Соответственно Парfenov и отвечает, подстраиваясь под «поэтический вопросник». Очевидно, что в результате подобного общения корреспондент упускает из виду многие конкретные детали реального быта.

Необходимо также учесть литературную обработку текста журналистом перед публикацией, в результате которой ряд специфических деталей, понятий и слов мог быть заменен на более «литературные». Например, прозаическая «бочка» могла быть заменена более поэтичной «ванной». Следовательно, изыскания носили не поисковый, а иллюстративный характер и поддерживали определенный, предварительно сформировавшийся в сознании читающей публики образ Михайловского.

Процесс накопления мемуарного материала происходил на протяжении длительного времени. Только в преддверии 100-летнего юбилея поэта, когда внутри «копилки мифов» возникли противоречия, впервые была поднята проблема внесения исторической

стройности в рассказ о Михайловском. Тогда был поставлен вопрос о точном месте жизни поэта в годы ссылки. «Почему поэт жил во флигеле, если рядом находился господский дом?» Таким был вопрос, обращенный к сыну поэта Г.А. Пушкину [2]. Или «...Это ("домик няни" - В.К.) – крохотный домишко... При виде этого домика сразу возникает вопрос: зачем бы Пушкину жить в этой будке, когда в двух шагах от нее стоял целый барский дом?» [3]. Но вопрос не получил тогда разрешения и остался проблемным по сей день. Таким образом, проблема документальной точности никогда не возникала сама по себе, считалась необязательной и появилась лишь тогда, когда необходимо было скорректировать явные противоречия мифа.

В начале XX века, когда Михайловское стало музейной вотчиной, казалось бы, должны были быть предприняты попытки комментариев исторического аспекта по данной теме. Но проблема по-прежнему не решалась или не ставилась вследствие необязательности. Возможно, именно это стало причиной того поразительного факта, что до сих пор не найдены рабочие материалы и документальные обоснования реконструкций, проводимых в Михайловском архитекторами К.К. Романовым*, А.В. Щуко, А.В. Щусевым, Л.И. Рожновым. Очевидно, узкий профессионализм в данном случае уступил место исключительно литературной модели Михайловского, сформировавшейся ранее в сознании архитекторов. А это и повлияло на то, что миф подавил в профессионалах профессионализм и оставил за скобками архитектурных решений подробный исторический комментарий.*

Идея дома (на период до восстановления 1947 года) как «части пейзажа», высказанная видным пушкинистом Д.П. Якубовичем[4], предполагала минимум исторической фактуры и максимум воображаемого соответствия действительности литературному образу. Не случайно в методической разработке экскурсии по Пушкинскому уголку, составленной Ф.А. Васильевым-Ушкайником в 1924 году, первым и важнейшим «моментом» экскурсии является «молчаливое созерцание в течение 5 – 6 минут. Не нужно торопиться его прервать»[5]. «Молчаливое созерцание» – это мысленное обустройство пейзажа не в соответствии с документом, а в соответствии с

* Характерно, что даже неполный проект К.К. Романова (отсутствует обоснование внутренней планировки), соотнесенный с рисунком И.С. Иванова, был изменен под давлением «духа времени» и в соответствии не с документом, а со степенью и формой почитания поэта в данный исторический отрезок.

поэтическими образами, разумеется, не совпадающими с действительностью.

Устойчивая незаполненность исторической графы в летописи Михайловского наводит на мысль о довлеющей над всеми другими мифотворческой идеей, формировавшей Пушкинский уголок. И в этом смысле Михайловское является не заповедником, где сохраняются материальные объекты, а заповедником особого мифопоэтического мышления, объединяющего в себе память, логику и представления. Данный тип восприятия действительности в большей степени был присущ человеку прошлого, что и отразилось в фольклоре, типе поведения. Характерно в этом смысле высказывание старика, записанное фольклористом В.А. Перетц, иллюстрирующее данный тип мышления: «В старину люди простые были, проще нас, оттого и видели всякие чудеса, а теперь пошел хитрый народ, до всего сам достичь хочет» [6]. В нашем случае вера в чудеса – это вера в возможность жизни поэтических и мемуарных образов в реальном пространстве, вера в возможность соединения здесь разных временных и стилистических слоев, формирующая такое пространство, в котором «легко представить, что сейчас из-за поворота выйдет Пушкин».

Подобная форма восприятия, собственно, и является лицом нации. Поэтому и заповедник предстает в этом смысле зеркалом русской культуры, в котором в значительной мере отражается основной культурологический «костяк» нации в меняющихся со временем и модой одеждах.

Здесь возникла уникальная ситуация, при которой пушкинский миф стал формировать действительность. Писательница В.В. Тимофеева-Починковская, проживавшая в колонии для престарелых литераторов, в своих записках описывает путешествие из Михайловского в Святые Горы следующим образом: «Вон там, за темной чащей леса – его Михайловское. Вон – влево – речка с мельницей... «Вот мельница – она уж развалилась...» Не на Днепре, а здесь, я чувствую (выделено автором – прим. В.К.), бродил пушкинский «князь», вспоминая покинутую им Наташу...» [7]

В 1986 году мельница в д. Бугрово стала музеем. Замечание писательницы за несколько десятилетий, пройдя временной «мифоотбор», получило доступ в мифопространство музея – заповедника и в настоящее время стало одним из тех мифов, на которых держится

музей*. «Я чувствую»,озвучное читательскому восприятию заменяет «я знаю» и становится в заповеднике реальностью. Это и есть основная идея развития заповедника в предшествующие годы*.

Первый (до организации заповедника) этап строился на пушкинском тексте и воспоминаниях его современников. Несмотря на возможные неточности мемуаристов[8] и условность поэтического текста, именно этот блок стал определяющим в восприятии и отношении к Михайловскому, приобретая статус музеиных апокрифов. В это же время закладывались основы для следующего слоя мифов.

С образованием в 1922 году музея-заповедника «Михайловское» методика подхода к решению научных проблем в принципе не изменилась. Спорный литературный факт провоцировал исторические изыскания, но не наоборот. Например, в статье «Из истории Пушкинского заповедника» тогдашний директор В.З. Голубев попытался опровергнуть убедительными документальными свидетельствами достаточно «свежий» миф о связи пушкинского стихотворения «К Языкову» и с. Петровского. В статье автор пришел к выводу, что стихотворение и усадьба никак не связаны и «стихи Пушкина в послании «К Языкову» ... имеют в основе более сложные впечатления поэта, чем до сих пор»[9]. Но логика и давление мифа привели к тому, что с воссозданием Петровского текст стихотворения прочно обосновался здесь, поддерживая основную тему экспозиции. А доказательства историка были забыты за ненадобностью. То есть произошло то, что и должно было произойти в соответствии со сложившимися здесь десятилетиями законами обустройства мифопространства – «Пушкинский заповедник».

В связи с этим вся послевоенная деятельность заповедника под руководством С.С. Гейченко представляется не результатом индивидуального метода, а талантливым развитием сложившийся ранее, в значительной мере объективной, системы воспроизведения действительности через миф. Заслуга С.С. Гейченко в том, что он систематизировал разрозненные мифы и объединил их в темы и уже под темы создал комплекс усадеб – миров: «Дом поэта», «Дом Лариных», «Дом Ганнибалов», «Дом мельника».

---

* Заметим, что факт существования мельницы в д. Бугрово в пушкинское время, воспринимавшийся первоначально как абсолютный миф, впоследствии был подтвержден документально. Это поразительный пример движения мифа к документу.

При этом прозаическая (а точнее, внелитературная) действительность (хозяйственные и административные постройки) не получившая отражения в творчестве поэта, никак не отразилась и в воссозданных усадьбах. С позиции экспозиционеров-пушкинистов эти постройки были “немыми” и, следовательно, лишними для раскрытия основных тем.

Образование музейной структуры внесло определенные коррективы в методику музеиного конструирования. “Пушкинский уголок”, в большой степени аппелирующий к многозначительным пейзажам “пустотам”, заполняемым читательским воображением, стал преображаться в музей-заповедник, несущий кроме сенсорной, еще и информационную нагрузку. Необходимость формирования объемного экспозиционного и экскурсионного текстов повлекло за собой ряд следствий:

1. Значительный массив литературоведческих и исторических материалов вводился в музейный оборот. Новые сюжеты создавали второй мифологический слой Михайловского. В отличие от первого, “апокрифического”, второй слой базировался на более поздних (историко-документальных) и более косвенных (поэтических) источниках. Например, ветряная мельница вблизи Михайловского не упоминалась ни в мемуаристике, ни в прежнем поэтическом активе. Но частое употребление стихотворения “Вновь я посетил...” в экскурсионной практике стимулировало введение этого знакового макета в условное пространство наряду с ранее обозначенными на местности мифологемами “Три сосны” и “Холм лесистый”. Экспонирование литографии Александрова с изображением усадьбы в 1837 году повлекло за собой последовательное восстановление флигелей.

2. В послевоенное время на первых порах обильный фактический материал и отсутствие музейных площадей спровоцировали выставочный характер распределения материала. Подобный способ является как бы стартовой площадкой для последующего, более сюжетного распределения экспонатов и тем. Желание рассказать (уже не отводилось времени на молчание) как можно больше не совпадало с проблемой отсутствия объектов показа. Поэтому, например, в восстановленном в 1947 году “домике няни” полностью отсутствовали канонические мифологемы “Банька” и “Светелка Арины

---

* Среди статей, появлявшихся в газетах начала XX века, одна так называлась «Где холм лесистый?»

Родионовны". А сам домик представлял собой выставочно-информационное помещение. Дальнейшее развитие музея показало, что это явление было временное, вынужденное (см. протоколы научных совещаний 1949 года). С появлением новых площадей "выставочность" постепенно ликвидировалась, уступая место воссозданию и конструированию мифопространств.

Узел проблем, созревших к данному времени, отчетливо проявляется в докладной записке "О восстановлении центральной части усадьбы Пушкина в Михайловском и Святогорского монастыря." (1947), составленной С.С. Гейченко и А.М. Гординым. В качестве опорных документов для восстановления центральной части усадьбы в Михайловском предлагались: литография по рисунку землемера Иванова 1837 года. Опись с. Михайловского 1838, года письма, стихи самого Пушкина, Языкова, воспоминания о Пушкине и др. Но желанию восстановить усадьбу в "пушкинском виде" (т.е. по литографии 1837 года – прим. В.К.) воспрепятствовали ряд проблем, обозначенных авторами "записки": "Сомнение вызывает необходимость восстановления хозяйственных строений в восточной стороне центральной части усадьбы, показанных на литографии.

Восстановление их, конечно, значительно приблизило бы общий облик усадьбы к пушкинскому его виду. Но, во-первых, сколько-нибудь конкретными материалами для правильного их восстановления мы не располагаем; во-вторых, сами по себе здания эти исторической ценности не имеют, в-третьих, восстановление их потребует вырубки старых насаждений и фруктовых деревьев, прокладывания подъездных путей и пр.; в-четвертых, использование этих зданий в музейных или бытовых нуждах будет весьма затруднено."^[10]

Документ чрезвычайно интересен, так как здесь появляются главные противоречия и проблемы, вставшие перед музейщиками на новом этапе, а также намечены варианты возможных решений. Обращает на себя внимание второй пункт "сомнений", казалось бы, противоречащий желанию придать усадьбе пушкинский (а точнее, литографический – прим. В.К.) вид. Почему флигели не представляют исторической ценности? Да потому, что историческая (документальная) специфика построек для авторов ценности не представляла, что для сложившийся структуры восприятия Михайловского вполне закономерно. В отличие от «Домика няни», другие фли-

гели не имели еще своей привлекательной пушкинской легенды – мифа. Даже вяз, посаженный в послепушкинское время, и здание «колонии», построенное в XX веке, не «вписывавшиеся в литографию», имели на тот момент более обширный текстовый материал, связанный с жизнью этих объектов на территории усадьбы. А потому и их историческая, а точнее текстовая ценность была выше молчаливой графики флигелей.

В результате восстановление флигелей № 2,3,4 было отложено на более поздний период. В период с 1947 года (постановка проблемы) до 1955 года (строительство флигеля №2) шел процесс создания текста, предваряющего строительство, как необходимое условие – пропуск в сложившееся «наговоренное» мифопространство Михайловского. Перед музеевиками всталая задача сотворения нового мифа. В 1950-х годах были проведены археологические исследования фундаментов [11], что позволило сформировать археологическую часть мифа. Впоследствии материалы археологических раскопок были представлены в экспозициях флигелей. Прояснению типологии построек, позволившей бы дать более точное функциональное определение флигелям, было удалено меньше внимания. Данная проблема требовала и требует серьезных исследований, включающих изучение общей (идеальной, изложенной в различного рода изданиях и руководствах), местной (учитывающей местные традиции) и индивидуальной (зависящей от частных пожеланий владельца) типологии. Очевидно, что данная проблема должна решаться научным коллективом Музея-заповедника в будущем. Судя по отдельным документам, данная работа проводилась, но недостаточно. Типологический аспект представлен минимально. Например, о кухне – людской: «При жизни родителей Пушкина в этом флигельке находилась кухня и людская, то есть, помещение для прислути из числа дворовых людей, проживавших в избах, расположенных на территории усадьбы» [12]. О доме управляющего: «В доме этом при Пушкине две комнаты занимал управляющий имением, в третьей помещалась вотчинная (усадебная) контора» [13]. О доме приказчика (в экспликации): «В этом доме жил приказчик Михайловского М.И. Калашников, с семьей которого Пушкин сдружился в годы ссылки».

С другой стороны, ограниченность историко-типологического обоснования компенсировалась обоснованием иного литературно-художественного свойства. Впрочем, данная диспропорция может трактоваться как продолжение и развитие принципов подачи и

отбора материала, сформировавшихся ранее. Легенды флигелей формируются не как исторические воспроизведения, а как тематические блоки: «Быт дворни», «Псковская губерния и Пушкин», «Калашников и его семья». Более того, флигели номинируются, формируя микромир вокруг хозяев. Наряду с «Домиком няни», «Домом поэта» появляются «Дом управляющего» (Розы Григорьевны), «Дом приказчика» (М.И. Калашникова). Т.е. обезличенная история и типология получают выражение через образ и судьбы индивидуальностей. А это уже является специфическим, отличающимся от методов подачи материала в других музеях, художественным способом подачи материала.

В «Исторической записке...» авторы замечают: «...созданный еще в конце 19 и в 20 вв. статичный, много раз «опоэтизованный» облик А.С. Пушкина стал тормозом для широкого изучения исторических процессов, выявления новых документальных источников о Михайловском.» [14]. С позиций существовавшей длительное время методики формирования музея-заповедника «опоэтизованный» (кстати, почему это слово закавычено авторами записи? – В.К.) образ поэта вовсе не тормозил изучение исторических процессов. Историки, например, Н.А. Малеванов, публиковали свои архивные изыскания. Они заняли свое законное место в ряду научной литературы, но не были востребованы в музейном конструировании, так как для сюжетной экспозиции они были сырьими необработанными фактами. Те сведения, которые представлены в публикациях, не связывались в отдельные, интересные для посетителей рассказы, и потому оказались невостребованы. В последних публикациях Н. Новикова уже содержатся попытки завязать сюжетные ходы вокруг конкретных лиц (например, связанные с Осиповой-Бульф или Ариной Родионовной), но этого явно недостаточно для того, чтобы исторические факты вошли в художественную ткань музея в виде живых персонажей.

Следовательно, возможна не критика авторов, создавших опоэтизованный метод, а критика самого метода. И уже если историко-документальный принцип возобладает, то возможно его применение. Правда, оппонентами здесь могут стать миллионы читателей Пушкина, воспринимающих Михайловское как отражение их художественного восприятия, сформированного в течение длительного диалога «читатель – Михайловское».

Вот принципы формирования музейного комплекса в Михайловском в предшествующий период:

1. Основным текстом Михайловского является сформировавшийся в течение длительного времени пушкинский миф, базирующийся на поэтическом словаре Пушкина, мемуаристике и историко-документальном материале.

2. «Допуском» в музейную структуру новых исторических фактов и вещественных объектов является предварительная художественная обработка и популяризация соответствующих сопроводительных текстов.

3. Подача экспозиционного текста осуществляется в форме художественного текста (с историческим, предметным комментарием в сносках). Текст является основой сюжета: Пушкин, няня, Калашников, Роза Григорьевна, кухарка, в структуре музейного пространства обозначенные через принадлежность к той или иной постройке (мир частного человека с обозначением профессиональной принадлежности). Основой сюжета становится жизнь частных людей, художественно обобщающая исторические факты.

Другую группу героев Михайловского составляют персонажи произведений А.С. Пушкина. Жизнь частных людей и поэтических образов в пространстве Михайловского является основным содержанием музея.

Комментарий к «Исторической записке...»

«Историческая записка...» [14] – первый, по существу, большой труд, систематизирующий тему. Комментарий филолога здесь представляется уместным, так как в текст Михайловского активно входят новые тексты: литография и «Опись». Оба документа никогда прежде не становились опорными в предыдущих преобразованиях, и авторы «Записки...» досконально выявили ряд несоответствий облика усадьбы этим документам. Однако, акцент на исторической подлинности, обозначенный в «Записке...», и его реализация в процессе реконструкции выявил проблемы, имеющие, на наш взгляд, значение для реэкспозиции флигелей.

1. Принципом реставрации авторы «Записки...» делают максимальное приближение к исторической правде. Однако, при этом ими не соблюдается хронологическая последовательность преобразований, происходивших на усадьбе. Это в первую очередь относится к литографии Александрова по рисунку Иванова, выполненного в 1837 году, и «Описи Михайловского» от 19 мая 1838 года. За год в облике флигелей произошли изменения. Но авторы искусственно «синтезируют» оба разновременных документа. Это – литография. Логичным выглядит поворот баньки в соответствии с изображением

на литографии. Но почему «обшивка» баньки тесом производится в соответствии с позднейшей описью? Почему и литография и описание фиксируют соломенные кровли на флигелях № 2, 3, но они унифицируются с другими, тесовыми? Эти нюансы принципиально значимы, так как материал покрытия кровли может характеризовать функциональное назначение и время постройки флигелей (солома – более дешевый и архаичный материал, по сравнению с тесом). Подобная унификация строений вызывает ощущения разового единовременного строительства усадебного комплекса с использованием одних материалов и одних технологий строительства. (Возможно, таким образом можно было бы реконструировать появившееся на пустом месте Генварское, несущее в своей планировке первоначальный проект и не испытавшее на себе деформаций благоустройств и архитектурных переосмыслений). Но факты свидетельствуют о том, что усадьба Михайловское формировалась постепенно: крестьянская деревня перерастала в сельцо, постройки видоизменялись внешне и функционально. То есть эта внешняя пестрота на самом деле свидетельство об эволюции усадьбы, что является исторической правдой и предметом научных и просветительских программ музея-заповедника. Не только сличение литографии и «Описи», но и внимательное вчитывание в документ расширяют архитектурный диапазон усадебного комплекса. Например, опочецкий исправник Васюков – составитель «Описи», наряду с точными единицами измерения (саженями) использует приблизительные, но, однако, градирующие величину окон флигелей. Во флигели №1 – просто «окна», во флигелях №№2,3 – «окна небольшие», во флигеле №4 – «окна малые». А различная величина окон свидетельствует или о различной функциональной принадлежности флигелей или о разных периодах их строительства. Или, в описании дома Васюков отмечает наличие в нем «печей голандских кирпичных белых», а в описании флигеля №1 фиксирует просто «голландскую печь». Если пропуск во втором случае буквы «д» можно считать ошибкой, то различие в описании облицовки печей должно быть значимым хотя бы потому, что изразцы в XIX веке стоили достаточно дорого. Для экспозиционного же решения различие между печами в господском доме и печью в бане еще важно.

На наш взгляд, стилистически единым комплексом выглядят дом и флигели №1 и №2 (форма крыши, симметрия флигелей по отношению к дому). Флигели №3 и №4 имеют иную форму и постанов-

вку, что может свидетельствовать об ином времени их создания или принципиально ином функциональном наполнении. Эволюционный штрих в реконструкции флигелей выявляет возможные пути развития комплекса. Так, исходя из того, что флигели №1 и №2 появились одновременно, можно предположить, что оба они были покрыты соломой, впоследствии флигель №1 был перекрыт и обширен («опись» 1838 года об этом свидетельствует) более дорогим тесом. А, следовательно, домик няни в пушкинское время мог быть покрыт соломой и пушкинское «то по кровле обветшалой вдруг соломой зашуршит» могло быть вполне соотносимо с ним.

Фрагмент эволюции усадебного комплекса с. Михайловского, отраженный в наиболее известных и достоверных документах (литографии и «Описи»), дает возможность обозначить пути гипотетической реконструкции усадьбы на пушкинское время (1824 – 1826 годы). Необходимо максимально использовать возможность архаизировать ее облик, так как это позволит в будущем разрешить ряд противоречий и несоответствий в комментариях. Во-первых, в мемуаристике. Как бы то ни было, но дом, изображенный на литографии – это дом, ставший после ремонта 1829 года домом, похожим на «дачу на Черной речке». Во-вторых, в обращении к поэтическому тексту. «Господский замок» воспринимается Онегиным, современником Пушкина, как сооружение, построенное «во вкусе умной старены», то есть с архитектурными особенностями, присущими доонегинскому (допушкинскому) времени. В-третьих, в соотношении между номенклатурой поэтизмом и предметным миром. «Ветхая лачужка», (в стихотворении «Зимний вечер») и «хижина» (в воспоминаниях А.Н. Вульфа) в большей степени могли бы соответствовать реконструированному на 1824 – 1826 годы дому, нежели нынешняя «дача».

2. «Историческая записка» формирует ряд новых мифов. Но если ранний слой мифов формировалась поэтическая заданность, новые являются следствием неполноты знаний. Так, необычное расположение баньки по отношению к господскому дому объясняется следующим образом: «...Его (О.А. Ганнибала – прим. В.К.) болезнью можно объяснить неординарный факт возведения в центральной части усадьбы флигеля-бани». Это – абсолютная гипотеза, не поддерживаемая ни одним документом. В то же время гипотеза в условиях дальнейшего активного функционирования музеиного объекта претендует на вхождение в мифотекст Михайловского. Но, во-первых, версия уводит в допушкинское время, во-вторых, коменти-

рует тему «Болезнь Ганнибала» далекую от основной. К тому же есть уже тема «Болезнь Пушкина (аневризм)», имеющая большие основания для популяризации.

В условиях недостаточности документальных свидетельств, всегда возникает возможность создания нескольких гипотез. В нашем случае возникает необходимость создания такой гипотезы, которая в большей степени могла бы быть приближена к основной теме, основному периоду и имела бы больший текстовый материал.

Предлагаем следующую версию относительно появления бани вблизи дома.

Первоначально, при О.А. Ганнибale, флигель использовался в качестве складского помещения (наподобие белорусских лямусов), в котором хранились предметы помещичьего быта, не задействованные в домашнем обиходе, появление перегородки в помещении может означать позднейшее выделения в нем жилой комнаты (с этим периодом соотносимо пушкинское стихотворение «С перегородкою каморки...»). Переоборудование в баню связанно с тем, что прежняя баня, находившаяся на задворках усадьбы, о которой Сергей Львович Пушкин писал в 1828 году, «разваливается», в 1829 – развалилась. В том же году Сергей Львович предпринимает попытку ремонта дома и служб, но вместо того, чтобы построить новую баню, он переоборудует под нее половину флигеля №1. Поэтому М.А. Фок и утверждала, что этот флигель «никогда» (имеется в виду период жизни Пушкина с няней в Михайловском) баней не был. (Более подробная распись данной гипотезы возможна при наличии более обширного фактического материала). Здесь мы пытаемся ввести событие в хронологию пушкинского времеnи и ищем возможности развязать узел противоречий, образовавшийся в мемуаристике.

3. В результате реставрации 1998 года на территории Михайловского формируется новый тематический блок, связанный с жизнедеятельностью усадьбы в период с 1866 по 1899 год. на данный момент этот чрезвычайно интересный раздел в жизни Михайловского представлен в принципиально отличном от «старого» блока виде. Здесь присутствует значительная историческая достоверность в сочетании с минимумом мемуарного и популяризаторского текста. Очевидно, художественное «наращение» будет осуществляться

ляться в течение последующего периода^{*}. Пока же мы констатируем хронологическую и стилистическую разнородность представленных в экспозиции хозяйственных блоков – пушкинского и постпушкинского (относящегося к деятельности Г.А. Пушкина). В целом блоки достаточно разобщены и могут быть представлены как разнородные тематические миры. Важно, чтобы граница между ними была обозначена достаточно ясно, иначе возникает двусмысленность. Например, в пушкинское время неподалеку от господского дома находился погребок, в который, по словам Петра Парфенова, Пушкин «жарил из пистолета». Погребок был восстановлен в 1960-х годах, позже по неизвестным мне причинам убран. В настоящее время восстановлен только погреб Г.А. Пушкина. Вот и получается при цитировании, что Пушкин стрелял в погреб Г.А. Пушкина. (Не будет же экскурсовод в своем рассказе о Михайловском делать экскурс в подробности экспозиционно-реставрационной «кухни».)

4. Очевидно, что именно два документа (литография и «Опись»), обозначенные самими реставраторами как главные, станут предметом пристального внимания будущих обычных посетителей музея. Если сверка с литографией в целом вопросов не вызовет, то обращение к языку «Описи», составленной в первой половине XIX века, для неспециалиста может показаться «китайской грамотой». Например, о флигеле №1: «... Комнат 1, ... Под одной Свячью бanya с Голланской печью и в ней посредственной величины Котел...» Можно предположить целый ряд вопросов, потребующих пояснения и связанных, например, с исторической фонетикой или ошибкой в прочтении – «свячью» – «связью», терминологией – почему в описи «баня», а в наличии «мыльня» (к слову, даже в «Исторической записке» существуют разнотечения: то просто «флигель-баня» (С.43), то флигель, сохранявший «функции бани с мыльней и чистой комнатой» (С.71), а в наличии – мыльня с чистой комнатой), с типологией русского жилища и т.д. Комментарий в данном случае оказывается настолько объемным и познавательным, что может быть изложен в экспозиционных площадях. (Об этом смотри в разделе «Предложения по реэкспозиции флигеля №1 »).

* Примером начала художественного освоения архитектурных памятников может служить запись рассказа повара Г.А. Пушкина Ивана Федорова о погребе в Михайловском, сделанная М.Е. Васильева 15 мая 1969 года.

История музеефикации флигелей с. Михайловского

Впервые задача восстановления флигелей в с. Михайловском была поставлена в 1947 году в вышеуказанном документе. В том же году был построен флигель №1, в 1955 году флигель №2, в 1962 году флигели №3 и №4.

Флигель №1 («Домик няни»). Флигель был восстановлен таким, «каким его видели экскурсанты до Великой Отечественной войны»[15] (а не таким каким его видел А.С. Пушкин – прим. В.К.) – обозначено как принципи в книге С.С. Гейченко о «домике няни» в Михайловском. В первой комнате была представлена предполагаемая обстановка няниной светелки, во второй находилась выставка, повествующая о роли няни в жизни и творчестве А.С. Пушкина. Позднее вторая комната получила бытовое оформление «бани». В этом виде «домик» просуществовал до 1998 года. Наряду с предметами, дающими представление о материальной культуре псковского крестьянства XIX века, авторы экспозиции использовали метод соответствия предмета поэтическим и графическим образам, в частности, самовар в экспозицию был подобран аналогичный тому, что был изображен поэтом в рукописи повести «Гробовщик». По сути, «Домик няни» является в значительной степени условным пространством, в котором были представлены мифологемы «Баня» и «Светелка няни». Функционально (через предметы быта) темы не пересекались (смежность светелки с баней не отражалась через наличие в комнате няни «банных» атрибутов и наоборот). Структурно самодостаточность каждой мифологемы подчеркивалась сенями, разделяющими смысловые пространства.

Флигель №2. Был восстановлен в 1955 году. Первое название восстановленного под экспозицию флигеля – **«пушкинский флигель (кухня)»**. В сопроводительной литературе было: «Господская кухня – средоточие крепостничества... Сюда стекались продукты крепостного труда, здесь сидели крепостные, ожидая поручений господина [16]. Данная фраза предполагала более широкое наполнение флигеля, нежели только кухня. Научный сотрудник Теплов предложил обозначить флигель как людская. Таким образом, появилось название **кухня и людская**, следующий комментарий – **кухня-людская**. Утвердили же на данном совещании для **«флигелька-кухни»** две темы: «в первой комнате в этнографическом плане – людскую, во второй комнате – экспозицию о Пушкине в Псковском крае. Поиск точного названия флигеля и разножанровый характер экспозиции (этнографическая и литературная) легко

объяснимы задачами, которые ставили перед собой создатели. Фактически, на первом этапе освоения под одной крышей **флигеля – кухни – людской** были представлены: помещичья кухня, людская (по «Описи» 1838 года в хозяйственной части Михайловского находилась «две людских избы»), в значительной мере – крестьянский быт, материалы по истории усадьбы Михайловское и тема пребывания поэта в Псковской губернии. Здесь – начало формирования получивших в дальнейшем экспозиционное развитие тем «Мир дворни» и «Мир крестьянина». С появлением **конторы управляющего** тема дворни с. Михайловского «перешла» во флигель №3. Крестьянский мир получил освещение в музее «Мельница в д. Бугрово», а тема «Пушкин в Псковском крае» экспонируется в НКЦ. Сохранившееся же название флигеля **кухня-людская** по-прежнему отражает ситуацию поиска названия большой и разноплановой экспозиции 1955 года, а экспозиция представляет собой набор предметов барской кухни, быта дворни и предметов крестьянского быта.

Представляется не слишком логичным (и гигиеничным) совмещение дворни вообще (скотники, молочники и т. д.) с помещичьей кухней. К сожалению, автор не имеет материалов по типологии помещичьих флигелей начала XIX века. В более поздний период в Михайловском обозначена «кухня, в прилегающей к кухне людской сделаны четыре рамы» [17]. Из данной фразы можно понять, что в это время кухня и людская были смежными помещениями и не имели прямого сообщения. В том же плане 1899 года отмечен также «курятник и людская». Возможно под словом «людская» в первом случае подразумевается «людская для дворни, обслуживающей кухню», во втором «людская для дворни, обслуживающей курятник». Следовательно «кухонный колорит» должен присутствовать и в первой половине.

Метод соответствия экспонатов поэтическим и графическим образам получил в экспозиции флигеля №2 еще большее развитие: «В людской комнате – «красный угол» с киотом и образами, лавки, столы, полати с полотняной завесью, сундуки, ткацкий стан, веретено, самопрялка, сукала, светец для лучины и прочие предметы сельского быта, названия которых вошли в поэтический словарь Пушкина» [12].

Отметим, что экспонаты были представлены в выставочном варианте, то есть без выявления технологических процессов, характерных для кухни.

Предложения по реэкспозиции флигеля №1

Предлагаем «чистую половину» флигеля оформить как «светелку няни» с повторением в целом прежней экспозиции. Для главной идеи рассказа важно суждение выдающегося русского этнографа С.В. Максимова: «...указ 1861 г. разогнал барскую дворню, в том числе доброхотных сказочниц – старушек – нянек, воспитавших от двух до трех поколений и убаюкивавших детей дворянского сословия обязательно русскими крестьянскими сказками» [18]. Замечание исследователя нам представляется важным, так как фиксирует временные рамки существования того культурного слоя, к которому принадлежала Арина Родионовна. Тема сказок должна быть поддержана лубочными картинками: «О Еруслане Лазаревиче», «О Бове – королевиче» и т.д.. Интересной представляется идея экспозиционной демонстрации народных гаданий, высказанная М.А.Бесарабовой. Тема апеллирует к содержанию 10 строфы, 5 главы романа «Евгений Онегин»:

Татьяна, по совету няни
Сбирайся ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;...

Отражение в экспозиции домика няни на усадьбе в Михайловском событий 5 главы позволяет ввести их как сквозной сюжет, проигрывающий в мифопространстве заповедника: в Михайловском – сцена гадания в бане, в Тригорском – скамья Онегина, где произошло роковое свидание, в Бугрове – избушка – антимир сна и мельница – место развязки. В целом представляется перспективным разработка подобных сквозных сюжетов на основе пушкинского текста, связывающих музеи заповедника в единое пушкинское действие.

В бане (мыльне) предлагаем устроить временную (1 год) выставку, комментирующую суть и причины реконструкции флигеля. Именно здесь в самой мифологизированной постройке на усадьбе, значительно изменившейся в результате активного вхождения в текст михайловского документа (литографии), можно эффективно отразить степень и смысл реконструкции. Выставка устраивается силами музея-заповедника. (блок материалов, аргументировавших облик флигеля, восстановленного в 1949 году – Этюд В. Максимова, фотографии и т.д.) и сотрудниками «Псковреставрация» (материалы, аргументирующие новое лицо «домика» - литография, материалы по типологии и т.д.) Для нас очевидно, что подобный ход может

способствовать плавному врастанию «нового» в традиционный текст Михайловского.

Предложения по резкспозиции флигеля №2

Со времени открытия для музейного осмотра флигеля №2 прошел достаточно длительный срок. За это время весьма общий материал первой экспозиции распределился по тематическим, более акцентированным экспозициям во флигеле №3 и «Доме мельника» в Бугрово. Тема «господской кухни» получила художественное (мифотворческое) выражение в рассказе С.С. Гейченко «Поварная Михайловского» [19]. Очевидно, созрели условия для того, чтобы во флигеле более полно отразились особенности господской «кухни». В соответствии с сюжетом Михайловского, сформированном наподобие литературного произведения и предполагающим персонификацию построек через конкретные исторические лица, «кухне» также необходим свой «герой». В указанном выше рассказе автор отводит эту роль Арине Родионовне Яковлевой: «Обязанности хозяйки, экономки и поварихи взяла на себя старая няня Арина Родионовна – мастерица на все руки» [19].

Однако, в настоящий момент в контексте музеиного комплекса нам представляется более логичным отражение образа няни как, главным образом, сказительницы из народа в «Доме няни», а в «кухню» «поселить» другое историческое лицо, в большей степени характеризующее «поварскую» часть михайловской темы.

В письме Н.И. Павлищева (29 августа 1837 года) старосте с. Михайловского Петру Павлову указан список дворовых, которых следует обложить оброком. Среди прочих отмечено: «...С Неонилы, кухарки (курсив мой – В.К.), с дочерью Ольгой – 5. 5...»[20, с. 154]. В ревизской сказке 1816 года с. Михайловского под пунктом №5 значатся: «Иван Максимов – 32, жена Ненила – 31, дочь Ольга – 5» [20, с. 268]. В описи с. Михайловского 1838 года отмечены: «Неонила Анафриевна – 53, дети: Александр – 21, Ольга – 27» [21, с. 259]. В описи дворовых людей Михайловского лишь один, сын кухарки, носит имя Александр. Поэтому, вероятно, именно он подразумевается в письме Н.И. Павлищева – Пушкину (21 августа 1836 года): «...За повара Алексашку, что в Пскове, он (В.Л. Пушкин – прим. В.К.) не платил ни гроша: теперь надо заплатить слишком 750 рублей. Старик молчит ...» [21, с. 264]. Логично, что учится поварскому искусству в Псков был послан человек из семьи кухарки, с детства перенимавший у матери профессиональные навыки. Сохранился «Счет за мальчика (поваренка – прим. В.К.) Его высокородию мило стиво-

му государю Александру Сергеевичу» (20 сентября 1836 года) [21, с. 259] от повара псковского губернатора А.Н. Пещурова Евстигнея Александрова, в котором сумма долга возросла уже до 851 рублей. Обращение «мальчик» по отношению к 19-летнему Александру не должно смущать читателя, так как речь идет о крепостном, подмастерье. Возможно, о нем же (с несколько измененной фамилией) идет речь в донесении от 12 января 1841 года опекунов: графа Виельгорского и Н. Атрешикова о переводе в Болдино «Александра Арбенева с матерью Ненилой» [22].

Таким образом, по документам выявляется семейный клан в Михайловском, занимавшийся поварским ремеслом и обслуживавшим господскую кухню. В жилой половине флигеля-кухни в годы ссылки могли проживать Иван Максимов, жена Неонила Анафриева, дочь Ольга и сын Александр, будущий повар.

Жилую половину предлагаем обозначить как место жизни выявленной нами семьи, со смешанным (дворянским и крестьянским) интерьером. Среди мебели должны присутствовать отмеченные в «Описи»: «шкаф простого дерева» или «стол простого дерева, крашеный красною краскою», изготовленные дворовыми людьми по образцам городской мебели из местного материала.

У печи – деревянные полати, закрытые пологом. На столе муляж «Поваренной книги» В. Левшина, вводящий в текст экскурсии ссылки на данного автора в романе «Евгений Онегин». «Школы Левшина птенцы» – это тот слой деятельных и хозяйственных помещиков, который в романе указан лишь через упоминание о В. Левшине, – «авторе многих трудов по части хозяйственной». Представителем этого слоя по праву может считаться Г.А. Пушкин. Таким образом можно перебросить смысловой мостик от Пушкина и его «поэтического хозяйства» к реконструированным хозяйственным объектам на территории усадьбы, относящимся к рабочей деятельности Г.А. Пушкина.

Здесь же, на столе, – рукописные рецепты русской (псковской) кухни. (Рецепты местной кухни требуют выявления). На стене – лубок «Славный обедало, веселый подпевало» из фондов музея-заповедника. В «красном углу» 1-2 иконы. В южном простенке – изображения сельских помещичьих кухонь (Требуется выявление в ГИМе, Москва.) Остальные экспонаты – из прежней экспозиции.

В помещении кухни – прежние экспонаты, но связанные в технологические процессы. Например, приготовление яблочных пиро-

гов – «ручные жернова – мешки с мукой – квашня – противники (формы) – открытая заслонка печи». «Банки под крыжовенное варенье» – необходимо выяснение и приобретение соответствующих пушкинскому времени.

В суднице представлена посуда, соответствующая «Описи» 1838 года: «чаша суповая фаянсовая», «салатник фаянсовый», «поднос», комментирующий способ сообщения между кухней и господским домом и т.д. по тексту. (Требует выявления и приобретения).

При входе обязательно материалы последних археологических раскопов на месте кухни.

Предложения по реэкспозиции флигеля №3

Флигель №3 (**контора управляющего**) в настоящее время отводится под административное здание. Однако он по-прежнему остается в структуре михайловского сюжета и поэтому требует своей легенды. Нам представляется, что «контора управляющего» может быть «нагружена» дополнительным текстом, имеющим важное значение для характеристики эволюции усадебного комплекса с. Михайловского.

В «Исторической записке» авторы справедливо отмечают: «Первоначальная заданность территориальной схемы легла в основу дальнейшего развития усадьбы во все периоды ее существования и, таким образом, представляет самостоятельную архитектурно-планировочную ценность, восходящую к середине 18 века» (с. 31). Однако, в нынешнем облике усадьбы выявленная авторами «ценность» никак не отражается. Поэтому предлагаем обозначить флигель №3 как «постройку или фрагмент постройки» в конце XVIII века являвшейся первым домом О.А. Ганибала. Ее местоположение соответствует месту дома, отмеченного на плане Михайловского 1786 года. По этому поводу существует изящный, художественно обработанный для ввода в экспозиционный сюжет, текст. В 1959 году С.С. Гейченко прочитал в Ирли доклад об истории флигеля №3. В докладе излагалась версия о том, что флигель – это перестроенный первый дом О.А. Ганибала, отмеченный на плане 1786 года. Последние исторические данные не опровергают данную гипотезу. К сожалению, доклад не получил соответствующего резонанса и реализации. Видимо потому, что ход доказательств С.С. Гейченко «перетягивал» во флигель ряд мифологем из «домика няни». В предстоящей реэкспозиции резонным представляется обозначение флигеля №3 как **первого дома О.А. Ганибала** с использованием системы доказательств, приведенной в докладе Гейченко. Необходима соотве-

тствующая экспликация, а также внесение в облик постройки элементов архаики: соломенная кровля (как в «Описи» 1838 года), почерневшие от времени бревна, примитивная отделка дверных косяков, оконных рам и т.д., чтобы сооружение визуально воспринималось как самая старая постройка в усадебном комплексе.

С данной постройкой могут быть соотнесены стихотворение «К Языкову» (В стихотворении автором подчеркнуто место написания стихотворения «Михайловское»). Работа Пушкина над романом «Арап Петра Великого» в 1827 году. Факультативно – роман Ю.Н. Тынянова «Пушкин», в котором действие развивается со временем жизни в Михайловском О.А. Ганнибала, а помещичий дом «покрыт соломой». Учитывая, что Тынянов родом из Пскова и мог быть знаком с некоторыми особенностями местной архитектуры, его версию Михайловского можно принять за историческую справку, облеченную в художественную форму.

Учитывая, что дом превратился в пушкинское время во флигель и, следовательно, мог быть местом пребывания Арины Родионовны, сюда же может быть отнесено стихотворение «Зимний вечер», в котором присутствует шум соломенной кровли.

Дом Ганнибала – это начало формирования усадьбы Михайловское. Таким образом возможно предметное отражение трех основных периодов формирования усадебного комплекса: период О.А. Ганнибала (начало), период А.С. Пушкина (развитие) и период Г.А. Пушкина (завершение). Последующая история усадьбы (четвертый период) – это уже период памяти об усадьбе и поэте, что получает отражение в антиусадебном (здесь отсутствует функциональная усадебная целесообразность) здании колонии престарелых литераторов. Здание, которое в контексте эволюционного процесса может быть обозначено как **«Храм Славы Пушкину в Михайловском»**. Однако подобная трактовка данного сооружения, явно контрастирующего с остальными постройками, возможна лишь в том случае, если главка над зданием будет подана не просто как характеристика архитектурного наследия А.В. Щуко, а как архитектурная реплика автора к куполам в русском храмовом зодчестве, символизирующую степень и форму почтения к А.С. Пушкину. В этом случае возможна визуальная и смысловая перекличка данного сооружения с Анастасьевскими воротами Святогорского монастыря.

Следовательно, центральная часть усадьбы может быть представлена:

1. *Как рассказ о поэте и частных лицах Арине Родионовне Яковлевой, Неонине Анафриевой, О.А. Ганнибale, Калашникове и его семье, Тимофеевой-Починковской) в форме художественного рассказа.*

2. *Как рассказ о поэтапном формировании усадьбы с. Михайловское и перерастании ее в пушкинское мифопространство в форме документальной повести.*

ЛИТЕРАТУРА

1. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1904. С. 428 – 432
2. *Половцев А. Поездка в Михайловское в августе 1899 года.*// Московские ведомости, 1899, №146.
3. Еще раз о пушкинских местах.//Исторический вестник, 1909. Кн. II. С. 590.
4. *Якубович Д.П. Доклад на заседании Пушкинской комиссии ИРЛИ АН 13 ноября 1935г.*
5. *Васильев-Ушкуйник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии.* М. 1924. С. 59.
6. *Перетц В.Н. Деревня Будогоща и ее предания.*//Живая старина. 1847, №1. С. 48.
7. *Тимофеева-Починковская В.В. Шесть лет в Михайловском.* Рукопись. С. 64.
8. *Лобanova Э.Ф. Михайловская библиотека Пушкина.* М., 1996. С. 15.
9. *Временник Пушкинской комиссии.* Т. 6. М.-Л., 1941. С. 392.
10. ПЗ, н.а, Д. 40, С.162. Докладная записка «О восстановлении Центральной части усадьбы. Пушкин в Михайловском и Святогорском монастыре.»
11. ПЗ, н.а, Д. 814.
12. *Гейченко С.С. с. Михайловское. Пушкинский флигелек. Памятка для экскурсанта.* 1961. С. 2.
13. *Бозырев В.С. По Пушкинскому заповеднику.* Путеводитель. М., 1965. С. 60.
14. Историческая записка. Пушкинский заповедник: Историко-архитектурный и мемориальный комплекс села Михайловского. Историко-библиографические и архивные изыскания. Т. 1. Кн. 1. Псков, 1997. С. 10.

-
15. Гейченко С.С. «Домик няни» в Михайловском. Псков, 1958. С. 10.
  16. ПЗ. н\а, Д. 142, пр №10
  17. Никифоров В.Г. К выкупу в казну сельца Михайловмкое., 1899 г. (рукопись).
  18. Максимов С.В. Заметки по поводу издания народных сказок// Живая старина, 1897, №1. С. 49.
  19. Гейченко С.С. Лукоморье. Л., 1981.
  20. Щеголев П. Пушкин и мужики. М., 1928.
  21. Последний год жизни Пушкина. Сост. В.В. Кунин
  22. Летописи. Архив опеки Пушкина. М., 1939, Кн. 5., С. 307

ИВАНОВА Л.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЕЕВ-УСАДЕБ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Культура усадьбы, прежде всего дворянской, на протяжении не менее четырех столетий питала русскую культуру. В XVI-XVII веках в ней, как в одном из основных мест поселения (наряду с городом и селом), вырабатывались нормы отношений вотчинника и помещика с крестьянским населением, накапливался опыт ведения хозяйства на земле - главном жизненном поприще русского общества тех времен. Начиная с середины XVIII веке, по мере того, как дворянская усадьба все больше становится местом длительного или постоянного пребывания дворянина, она играет роль носителя дворянской культуры, превращается в культурный центр, продолжая оставаться и административно-хозяйственным.

Мир русской усадьбы - многоплановый, многофункциональный и одновременно окрашенный характерными чертами личности владельца, традициями семьи и рода, формировал своеобразную культуру. Об этом своеобразии учёные стали говорить уже в конце XIX века. Не случайно к этому же времени относятся первые попытки запечатлеть жизнь и быт усадьбы в своего рода музейных формах.

Правда, усадьбы крупных вельмож XVIII века, носившие представительский характер (Кусково Шереметьевых, Марфино Салтыковых, например), уже тогда в определенные дни были открыты для посещения публикой. Вовлечение окрестных крестьян в специально организуемые народные гуляния во время приезда в усадьбу почетных гостей также придавали облику усадеб зрелищные, музейные черты. Желания хозяина усадьбы с гордостью показать ее возможно большему числу зрителей - благо это позволяли сделать, в отличие от городского дома, масштабы усадебного пространства, - было вполне естественно. Так формировалась открытость русской усадьбы уже в XVIII веке.

Если в конце XVIII века владелец мог представить в своей усадьбе, в основном, результаты личного вкуса и труда, то к концу

следующего столетия во многих усадьбах накопились интересные и богатые следы истории, жизни и творческой деятельности нескольких поколений рода - портретные галереи, библиотеки, архивы, коллекции. Это, естественно, повышало значимость усадьбы во мнении образованной части русского общества. Но, заметим по-путно, не в глазах окружающих усадьбу крестьян, и этот социальный и культурный разрыв, имея тенденцию к углублению по мере обнищания деревни и нерешенности крестьянского вопроса в масштабах России, сыграл роковую роль в судьбах усадеб в ходе трех революций XX века.

Итак, историко-культурный потенциал, накопленный в ряде дворянских усадеб, на практике как бы подводил к музеефикации усадеб. И она реально состоялась там, где были собраны ценные и обширные художественные коллекции, с одной стороны, или там, где история усадьбы была связана с пребыванием важных исторических лиц.

Начнем с последних, отмеченных знаком мемориальности, усадеб. Едва ли не первыми тут стали усадьбы, связанные с пребыванием в них А.С.Пушкина. Таково подмосковное Остафьево (названное Пушкиным "Русским Парнасом"), открытое С.Д.Шереметьевым для публичных посещений в 1899 году. Несколько годами раньше, в 1895 году, усилиями его жены Е.П.Шереметьевой в подмосковном Михайловском начал жить естественно-исторический музей подмосковной флоры и фауны, а для специалистов стал доступен богатый усадебный родовой архив. Музейные показы были организованы в Талашкине и Фленове, в Клину, в "Пушкинских комнатах" Полотняного Завода и Яропольца; в воронежской Павловке в 1915 году С.М.Волконский создал музей декабристов.

Большую роль в популяризации русской усадьбы как памятника культуры и искусства сыграли публикации журналов "Старые годы" (1907-1916 гг., СПб.) и "Столица и усадьба" (1913-1917 гг., СПб.). Они рассказали о 241 усадьбе, притом, в основном, по материалам и иллюстрациям самих владельцев [1]. Специалисты и любители усадеб получили тогда возможность посетить некоторые из этих имений.

Однако все-таки это единичные примеры, и до 1917 года не был ни обобщен опыт первых усадебных музеиных показов, ни поставлен этот вопрос в научной плане. Это суждено было сделать именно революции. Программное положение коммунистов о необходимости

открыть все сокровища культуры для народа воодушевило многих энтузиастов, причастных к делу народного просвещения, и подняло волну основания на местах историко-бытовых и художественный музеев, в том числе в усадьбах. Этот созидательный фактор социалистической революции всегда отмечался историками. В тени оставалось другое: очевидная для творческой интеллигенции реальная угроза гибели в огне революции памятников истории и культуры, усадеб особенно. В идее создания музеев-усадеб появлялась возможность и сохранить усадьбы, и сделать их доступными народу. Воодушевляла национализация и открытие в качестве музеев бывших императорских дворцов и усадеб под Петроградом. Именно петроградским специалистам было поручено наметить первый список особо ценных усадеб России и дать предложения по их национализации.

Однако, обследование Музейным отделом Наркомпроса первых намеченных 50 усадеб выявило трудности вывоза их ценностей только в Москву или Петроград. В то же время вывозы из усадеб в Рязанской, Тамбовской, Орловской и других губерниях показали возможности организации на местах небольших историко-бытовых музеев. Так с разных сторон стала поддерживаться идея создания повсеместно музеев для народа. Газета "Правда" 28 декабря 1918 года писала, что задача Наркомпроса - "покрыть обновленную Россия сетью новых живых музеев, вскрыть перед русским народом то, что веками от него скрывалось."

В составленный зимой 1917-1918 годов историко-художественной комиссией Петрограда список ценных, могущих стать музеями, усадеб, вошли Михайловское - Тригорское -Петровское на Псковщине и Полотняный Завод в Калужской губернии, связанные с именем А.С.Пушкина, новгородские усадьбы Выбуты и Марьино, а также семь "подмосковных" [2]. Это оказалось "попаданием в десятку" - все названные усадьбы действительно стали музеями, хотя некоторые лишь на короткий срок.

3 января 1919 года газета "Правда" сообщила о создании при Московском губсовете Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы, которая постановила, что особо интересные в историко-художественном или бытовом планах усадьбы принимаются на специальный учет, в них сохраняются в неприкосновенности обстановка и уклад прошлого, а затем организуются бытовые музеи. По телеграфу было направлено распоряжение всем совдепам незамедлительно составлять точные описи всех памятников, находя-

шихся на бывших поместичьих усадьбах. 18 и 19 января 1919 года газеты "Беднота" и "Коммунар" уже информировали, что Всероссийская коллегия по делам музеев предполагает взять в свое ведение Архангельское, Останкино, Кусково, Остафьево, Ольгово и Никольское-Урюпино с тем, чтобы открыть там музеи. При этом особо подчеркивалось, что усадебные парки будут охраняться и содержаться в неприкосновенности. Такое решение требовало известного мужества - далеко не единодушным было среди коммунистов отношение к культурному наследию прошлого. Та же "Правда" поместила 7 февраля 1919 года заметку с многозначительным названием "Несвоевременное искусство". Все комиссариаты, особенно Наркомпрос, утверждал автор, охватила "музейная болезнь". Он полагал, что Совнарком должен осудить эту "непростительную расточительность", этот "своего рода саботаж".

Нарком просвещения А.В.Луначарский "принял вызов" и предложил открыть в Подмосковье пять музеев-усадеб. 1 мая 1919 года распахнули двери дворцы-музеи в усадьбах Архангельское и Останкино, а год спустя - летом 1920 года - еще в Кускове и Остафьеве. Кроме них, в Московской губернии с осени 1919 года на волне энтузиазма и усилиями музейных работников организуются музеи-усадьбы в Яропольце Гончаровых, Введенском, Дубровицах и Лотошино; в 1920 году - в Михайловском, Ольгове, Муранове, Покровском-Стрешневе, Абрамцеве, в Клину.

Начиная с середины 1920-х годов вопрос о музеях-усадьбах довольно широко обсуждался в профессиональной музейной среде; еще ощущимее перемены сказывались в музейной практике: музеи то возникали, то закрывались. Однако, главной была тенденция к их сокращению. Если в целом за период 1918-1921 годов, в Подмосковье возникло 19 музеев-усадеб, а в других губерниях - 14, к 1925 году насчитывалось 43 историко-бытовых и историко-культурных музеев-ансамблей (в основном, усадебных), то в 1939 году их осталось лишь 15 [3].

Причин непродолжительности жизни усадебных музеев было немало. О некоторых рассказал активный деятель в этой области историк К.В.Сивков в статье "Что такое музей-усадьба?", вышедшей в 1927 году: "До революции, - полагал он, - утверждился взгляд на усадьбы как на художественно-бытовые дворянские гнезда. После 1917 года общественности было ясно, что их надо сохранять, но какие именно и почему, - это решалось без общего плана, без теоретического обоснования и часто без учета мнения музейных работни-

ков. Чаще решали привходящие моменты: отсутствие средств, отношение к усадьбе населения, ее удаленность от городских центров. И очень часто усадьбы, имевшие большое бытовое и художественное значение, ликвидировались и теперь уже безнадежно погибли" [4]. Здесь имелись в виду "чисто дворянские усадьбы", в которых и сложилась своеобразная усадебная культура. Не были превращены в музеи ни одна купеческая усадьбы, ни одна усадьба разночинцев-интеллигентов. *"В настоящее время число музеев-усадеб очень невелико, - приходил к неутешительному выводу К.В.Сивков, - и никто не может сказать, что не наступит момент, когда это число будет равно нулю"* [4].

К.В.Сивкову принадлежит одно из немногих в те годы определений музея-усадьбы: "Музей-усадьба есть такой сложный художественно-бытовой комплекс прошлого, который позволяет наглядно представить жизнь не только двух социальных слоев населения России XVIII и XIX вв. - дворян-помещиков и их слуг-крепостных, дворовых и крестьян, но и помещиков-купцов, помещиков из разночинной интеллигенции и их наемных служащих" [4]. Он конкретизировал состав этого "комплекса": дом, парк, службы и хозяйствственные постройки, приусадебные фабрики и заводы, пруд, озеро, река, наконец, церковь. По содержанию музеи классифицировались им так: художественно-бытовые (Кусково), художественные (Останкино, Алупка), бытовые по преимуществу (Никольское-Урюпино, Мураново), мемориально-бытовые (Ясная Поляна, Абрамцево).

Почти одновременно с К.В.Сивковым по проблемам музеев-усадеб высказались ряд теоретиков и практиков музейного дела - М.Д.Приселков, В.М.Крамкова, Ф.И.Шмит. За их общим социологическим, модным в те годы, спором о характере историко-бытовых музеев вставали важные практические вопросы, в частности, выявлялись разные подходы и оценки музеев-усадеб со стороны музейных работников и посетителей. В то время, как музееведы стремились к "чистоте стиля" и предлагали убирать из усадеб жилые комнаты, посетители хотели видеть именно быт [3]. На этой почве рождались утверждения, что бытовой музей - "музей второго сорта" (М.Д.Приселков), что они "остаются полуобработанными" (В.М.Крамков) [5]. Ф.И.Шмит, пользовавшийся большим авторитетом, исходя из убеждения, что музейные вещи принадлежат не музею, а государству и должны находиться там, где лучше используются в просветительских целях, объективно выступал против уса-

дебных музеев. Если в глухом углу была любимая усадьбы богатого помещика, получившего в наследство картинные коллекции, фарфор, мебель XVIII века, французскую библиотеку и это "каким-то чудом" уцелело и стало общенародной собственностью, значит ли это, что в данной усадьбе должны "устроить волостной публичный музей и в нем сохранить и Буше с Фрагонаром, и саксонский фарфор, и французские книжки? Конечно, нет", - полагал он и продолжал мысль так: "Мадонне Рафаэля не место в Тагиле, картинам Мурильо не место в Ахтырке" [6].

В условиях такой теоретической разноголосицы разворачивалась и без того трудно реализуемая практическая музейная работа. Не следует забывать, что в обстановке острой классовой борьбы объективный показ усадебного быта дворянства, усадебной дворянской культуры сам по себе не поощрялся сверху и был чрезвычайно затруднен. Как и во всем, связанном с усадьбами, многое зависело от энтузиазма и самоотверженности тех людей, которые занимались непосредственно созданием в них музеев.

Кратковременное существование музеев-усадеб оставило нам мало свидетельств о их реальной жизни. Нет до сих пор полного и точного списка таких музеев, мало где сохранились их архивы, а музейные вещи оказались распыленными по многим адресам и обезличенными. Есть надежда, что изучение местной периодики 1920-х годов даст какие-либо сведения о музеях.

Повезло подмосковным музеям. Конкретную картину состояния музеев-усадеб запечатлела научно-популярная литература. В 1925 году вышли 6 выпусков серии "Подмосковные музеи" под редакцией И.Лазаревского и В.Згуры, составленные и редактированные членами Общества изучения русской усадьбы. Они посвящены 12 усадьбам. Каждый автор проводит читателя по всем залам музея, с любовью освещая не только их художественные раритеты, но и историю, и структуру усадьбы. Очерки выявляют своеобразие каждой усадьбы: великолепие Кускова и Архангельского и "домашний быт и интимность" Никольского-Урюпина (автор С.Торопов); Покровское-Стрешнево и Ольгово представлены как "бытовая повесть" двух столетий жизни бояр Стрешневых и графов Апраксиных (А.Греч, Ю.Анисимов); своеобразие Останкина подчеркнуто очерком о его театре (Г.Жидков, В.Сахновский); "очарование жилого уюта, не покинувшее усадьбу", отмечал А.Греч, говоря о музее в Остафьеве; домом двух поэтов - Е.Баратынского и Ф.Тютчева - рисовалось Мураново (Н.Тютчев); "скромно прошла путь своей художественной жи-

зни" усадьбы Суханово (В.Згура); сочетанием красоты природной с прекрасными художественными памятниками отмечены Дубровицы, а Кузьминки - это "своеобразный музей монументальных памятников" (А.Греч); В.Згура видел в Царицыно "музей архитектурных руин" и "психологии XVIII века"; бывшая "ключом на протяжении многих десятилетий" культурная жизнь Абрамцева представлялась особенностью этой усадьбы-музея (М.Урениус). Даже в столь краткой передаче ощущается искренний восторг авторов перед многоцветием культуры русской усадьбы, представленным ныне в музейных формах.

История каждого из музеев-усадеб послереволюционной поры заслуживает внимания и изучения, ибо полна порой самых противоречивых явлений, отражавших трудное время. Некоторые особенности этих музеев настолько типичны, что заслуживает особого упоминания. За радостными впечатлениями от открытия после революции музеев от советских исследователей ускользнул поразительный факт: в подавляющем большинстве случаев музеи были организованы после того, как из данной усадьбы вывезли наиболее значимые художественные ценности, то есть после нарушения целостности усадьбы. Так, из 19 подмосковных музеев вывозов избежали только Кусково и Останкино, Мураново и Абрамцево, последними владельцами которых были слишком известные в культурных кругах люди - С.Д. и П.С.Шереметьевы, внук поэта Н.И.Тютчев, А.С.Мамонтова.

Формирование этих музеев шло быстрее и успешнее - и в этом еще одна характерная черта организации музеев-усадеб, которую не хотели учитывать советские органы власти, изгнавшие из усадеб их хозяев. Теперь можно и нужно отметить особую созидательную роль в превращении усадеб в музеи бывших владельцев, если обстоятельства допускали такую возможность. Приведем лишь один пример.

Александра Саввишина Мамонтова, назначенная хранителем принадлежавшего ее семье Абрамцева, создавала музейную экспозицию с помощью родных и знакомых. Ей помогали также члены Комитета по охране Троице-Сергиевой Лавры П.А.Флоренский, Ю.А.Олсуфьев, В.Д.Поленов, А.М.Васнецов, М.В.Нестеров, которые раньше были тесно связаны с Мамонтовским кружком. Некоторое время до ареста работал тут и видный общественный и религиозный деятель Александр Дмитриевич Самарин. Музей быстро набрал силу (открылся 11 августа 1920 года) и отличался "живым ду-

хом". Однако, его расцвет был прерван на два десятилетия - А.С.Мамонтову отстранили от заведования и отправили в ссылку. Последовала смена директоров-чиновников, приведшая к размещению в усадьбе дома отдыха. И только после Отечественной войны, с приходом В.С.Мамонтова, возродился этот замечательный музей.

В процессе организации музеев-усадеб была сделана попытка объединить под одной крышей несколько усадебных коллекций. Так, в Дубровицах (откуда вывезли в Москву более 100 фамильных портретов Голицыных, отчего многие комнаты, лишившись главного своего укарнения, казались оголенными) появились в 1921 году две комнаты (гостиная и спальня), обставленные вещами из гончаровской Лопасни. Музей в Лотошине Мещерских (осень 1919 года) не спасла передача ему вещей из усадеб Быково и Коренево, так как еще в конце 1918 года из него вывезли "родное" - фамильную библиотеку, архив и портреты и миниатюры, а местный агрономический отдел увез 42 картины и "книг без счета".

Типичным, к сожалению, стал скоро наступивший конец многих музеев: из-за недостатка средств, получаемых от Наркомпроса, а затем, осенью 1925 года, исключения из госбюджета и передачи на местное финансирование, что было равносильно закрытию музеев. Так случилось с Михайловским, Лотошинским, Дубровицами, Б.Вяземами, Сухановым, Введенским (1924), Отрадой (1925), Ольговым (1927), Покровским-Стрешневым (1927), Абрамцевым, Никольским-Урюпинским (1929), Остафьевым (в ведении МОНО с 1928, закрыт в 1930).

Последовало новое массовое перераспределение усадебных коллекций в Музейный фонд, приведшее к утрате былого лица усадеб.

В Подмосковье после революции открылось наибольшее число музеев-усадеб. Но и в других регионах шел аналогичный процесс. Если за период 1918-1921 годов под Москвой возникло 19 музеев, то в других губерниях - 14. В Новгородской губернии образовались три усадебных музея: в Грузине (имение А.А.Аракчеева), Марьине (Строгановых-Голицыных) и Выбутах (Васильчиковых). Музеи в Грузине и Марьине представляли собой усадьбы дворцовового типа с ценными архитектурными памятниками (работы Демирцова, Стасова, Семёнова в Грузине). Выбуты были скорее музеем дворянского быта. Анкетные данные работников этих музеев показывают, что во главе их стояли школьные работники с небольшим стажем (1-2 года) работы, штаты музеев были минимальными: заведующий, смотритель

и сторож. Заметим на этом примере, что идея музеефикации усадеб столкнулась, наряду с другими трудностями, с недостатком на местах квалификационных специалистов.

Как показывают документы, содержание (финансирование) подобных музеев занимало весьма скромное место в расходах на музейное дело в губернии: в Новгородской губернии - около 2,5% в смете на 1921 год [7].. Это опровергает возобладавшее позднее официальное мнение (когда усадебные музеи стали ликвидировать), что музеи-усадьбы содержать дорого.

Очень многое в работе музеев зависело от их руководителей, а также от организации охранительного и музейного дела в губернии. Тот же новгородский губмузей, созданный 1 июня 1918 года и представленный только его заведующим - членом Общества изучения русской усадьбы Н.Г.Порфиридовым, кроме организации трех усадебных музеев, поставил на учет еще 25 усадеб, осуществив из некоторых вывозы ценностей. Музеи-усадьбы имели от 300 до 400 экспонатов, хорошо посещались - на уровне уездных музеев.

Говоря о музеях-усадьбах в 1920-х годах, нельзя не отметить местные художественные, краеведческие и бытовые музеи, ибо они вырастали в основном на усадебных сокровищах и, следовательно, отражали быт и культуру русской усадьбы.

Расскажем об одном таком музее - Рыльском художественном музее в Курской губернии. Вывозы из окрестных усадеб, начавшиеся в январе 1919 года, позволили сформировать в городе фонды музея истории местного края. В 1924 году в музее уже было 2760 экспонатов и 2600 книг, в том числе - из усадьбы Марьино Барятинских (25%), из других усадеб уезда (25%), из Государственного Музейного фонда (50%). Благодаря усадебным вещам, музей приобрел характер художественного - тут были картины западных мастеров, мраморы, бронза и посуда из Марьина, оригиналы полотен Шишкина, Орловского, Кретковского из усадьбы Вязмитиновых Мареево. Музей в небольшом городе стал заметным культурным явлением. Инициативная и деятельная С.К.Репина - директор Музея находила поддержку в Москве, консультировалась у известных специалистов. И даже умудрилась получить новое пополнение в музей из Марьина, ставшего одной из правительственный здравниц, - об этом говорит "Список отобранных вещей в Доме отдыха ВЦИК №1 для Рыльского окружного музея": в нем 46 предметов - картины, вазы, люстры, мебель, подушка Шамиля [8].

И таких уездных музеев возникло немало. Во Владимирской губернии, например, было в начале 1920-х годов 7 уездных музеев. Владимирский городской музей за счет усадебных ценностей пополнялся так быстро, что его сотрудники едва справлялись с их записью. В 1920 году из имений Трегубова, Оболенского (Жерихово), Леонтьева (Фетинино) и Храповицкого (Муромцево) привезли 938 предметов, в 1921 году из Андреевского Воронцовых - 502, в 1922 году из усадеб и храмов - 375. 1 мая 1923 года открылась Художественная галерея, составленная целиком из усадебных поступлений: в трех комнатах - портретная галерея из Андреевского (168 портретов работы Антропова, Боровиковского, Левицкого, Тропинина). Четыре комнаты заняли 114 полотен русских художников и 145 гравюр. "Китайская комната" была обставлена 205 предметами [9].

Так уцелевшие усадебные ценности вливались в общую сокровищницу русской культуры.

Общий обзор организации после революции музеев-усадеб позволяет сделать некоторые выводы, которые может уточнить детальное изучение всех сохранившихся материалов в архивах и периодике.

Самая форма музея-усадьбы стала логическим завершением, с одной стороны, процесса развития наиболее интересных в историко-культурном плане усадеб еще до революции. Осознаваемая образованной частью общества значимость усадебной культуры, опасения утраты этой части отечественного культурного наследия подвигнули на организацию музеев-усадеб после революции, опираясь на провозглашенные (но, увы, реально не подкрепленные) Советской властью призывы сделать все культурное достояние доступным народу. С учетом огромных трудностей лет революции и гражданской войны было создано немало музеев-усадеб. И, несмотря на недолгое существование многих из них, они оказались наиболее удачной формой сохранения и использования усадебных богатств. Неразработанность исторической и искусствоведческой науки, уделявшей и до и после революции сравнительно мало внимания русской усадьбе, помешала обоснованно поддержать музейную форму усадебной культуры. Сильно было классовое и политическое неприятие дворянской культуры со стороны советских и партийных органов власти. Все это вместе взятое помешало сохраниться большей части первых музеев-усадеб.

Однако, их опыт оказался весьма полезным. Выжили, сохранили и развили традиции подмосковные музеи-усадьбы, усадьбы "Пушкинского уголка", Ясная Поляна, передав их в послевоенные, в основном, годы многим мемориальным музеям-усадьбам - Тарханам, Щелыково, Болдино. Кончанскому, Спасскому-Лутовинову и другим.

Музеи-усадьбы послереволюционных лет обязаны были прежде всего своим рождением и существованием самоотверженной работе музейных работников и творческой интеллигенции. Найти и назвать их имена, как и имена владельцев усадеб, помогавших усадьбе занять новое место в новом обществе и таким образом сохранить традиции отечественной культуры, - наша общая задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская усадьба на страницах журналов "Старые годы" (1907-1916 гг. СПб.) и "Столица и усадьба". (1913-1917 гг., СПб).
  2. Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917-1920 гг. М., 1989. С. 68.
  3. Музеи и власть. Т. 1. М., 1991. С. 145.
  4. Архив Института российской истории. ф. 25 (К.В. Сивкова). Он. 1. д. 10. л. 2.
  5. Приселков М.Д. Историко-бытовые музеи. Л. 1926. С. 4.
  6. Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 103, 109.
  7. ОГИ ГИМ. ф. 54. д. 858. л. 31.
  8. ОГИ ГИМ. ф. 54. д. 784. л. 3-80.
  9. Материалы по изучению Владимирской губернии//Труды Владимирского гос. областного музея. Вып. 2. Владимир. 1926. С. 79, 81.
-

Н.Г. ЖИРКЕВИЧ-ПОДЛЕССКИХ

ЗАБЫТЫЕ УГОЛКИ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ
Усадьба Иваньково

В середине сентября 1894 года по старым трактам псковской земли двигался открытый тарантас, запряженный тройкой. Баронесса Екатерина Кирилловна Остен-Сакен¹, светская дама, мать двух сыновей, известная в придворных кругах поэтессы, ехала в свою усадьбу к именинам матери Софии Александровны Зыбиной². Дорога шла мимо Михайловского, Тригорского и неспешным движением и многоцветьем осенней поры навевала мысли о жизни, материальной и женской судьбе, той поре, о которой поэт сказал "цветы последние милей счастливых первенцев полей...", и о самом поэте.

*"...К моему настроению, уже без того поэтическому, - писала Екатерина Кирилловна своему юношескому адресату Александру Владимировичу Жиркевичу³, - неожиданно присоединился ямщик наш, у которого оказался дивный тенор. Мне вспомнились "Певцы" Тургенева; потом и я для него запела кое-какие чисто русские мотивы Глинки, Чайковского... Ямщик изумлен был, и мы оба **всесело** наслаждались, уверяю вас. Это было под вечер..., при ослепительном закате солнца в Тригорское озеро, на противоположном берегу которого золотом горели кресты Святогорского монастыря, где **там** могила... Дух Пушкина, жизнью близкой, страстной, несомненной покоялся кругом, он живее охватывал мою душу в эти минуты, чем если бы я присутствовала на **идеальном** представлении его Бориса Годунова или Дон Жуана.*

В милом, изящном селе нашем, в гостиной, где посреди рощи целой фикусов, пальм и роз в цвету в кадках, в пьянящем дыхании туберозы, мы много писали музыки и стихов с моей гениальной матерью..." (из письма Е.К. Остен-Сакен к А.В. Жиркевичу от 19 октября 1894 года).

Несколько лет тому назад в моих руках оказалось 127 писем⁴ и записок забытой поэтессы Екатерины Кирилловны Остен-Сакен (1846-1923), урожденной Зыбиной, к моему деду Александру Владимировичу Жиркевичу. Начиная работу с ними, я не предполагала, что жизнь Екатерины Кирилловны и ее семьи войдет в мою

жизнь, станет сочувственно волновать своими бедами и заботами, а чтение писем Екатерины Кирилловны станет любимым занятием. Но... "бывают странные сближенья".

Написанные великолепным литературным языком, письма эти говорят о разносторонних интересах умной и образованной женщины. Она делится впечатлениями от прочитанных книг и просмотренных спектаклей, размышляет о роли искусства, о духовном содержании жизни. И, конечно, круг семейных отношений, мир чувств женщины - жены и матери - все это на страницах писем сохранено в естественном переплетении.

"История проходит через дом человека, - писал выдающийся учёный-филолог Ю.М. Лотман, - через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а "самостояние человека" превращают его в историческую личность".

В 70-90 годах прошлого столетия имя баронессы Е.К.Остен-Сакен было хорошо известно в музыкальных и литературных кругах Петербурга. Ее стихи печатались в столичных журналах "Вестник Европы", "Русский вестник", "Нива", в детских журналах. Ею изданы две книжки стихов, переведена пьеса французского автора А. Териз, которая под названием "Пришел желанный" шла в Александринском театре (1899 год) с Комиссаржевской в главной роли.

Яркие музыкальные и артистические дарования и, вероятно, большое личное обаяние привлекали внимание выдающихся людей русской культуры к личности Е.К. Остен Сакен. В юные годы она была дружна с Тютчевым⁵, в дальнейшем с Апухтиным⁶, была знакома с поэтом Полонским, музыкантами А. Рубинштейном, Ц.Кюи⁷, с поэтом К.Р. (великий князь Константин Романов) и др.

Усадьба Иваньково, в которую ехала Екатерина Кирилловна, находилась всего в нескольких часах езды от пушкинских мест, около старинного поселка Локня. Это было небольшое, но уютное поместье, "милое сельцо Иваньково" с двухэтажным домом с ионическими колоннами, окруженный садом, полным цветущей сирени, и лировыми аллеями, переходящими в хвойный парк; большой пруд, многочисленные хозяйствственные постройки... Возвращаясь из усадьбы или по дороге в нее, мать и дочь не забывали поклониться праху поэта в Святогорском монастыре.

"... Вообразите, в первый раз за много лет, - писала Екатерина Кирилловна, - я нашла около двадцати венков полузасохших, кинутых в беспорядке на эту могилу; на одном из них я сорвала цвет-

ток и присоединила к другим травкам. Кто положил эти венки?... Я стала расспрашивать ямщика; он сказал: "какие-то господа из Питера приезжали в Михайловское, слышно они венки клали...". Вечер был чудный, сирень в полном цвету и соловей пел над озером, что около Тригорского, села Осиповой, куда Александр Сергеевич часто приезжал по соседству и по любви впоследствии..." (из письма Е.К.Остен-Сакен от 22 июня 1892 года).

В другом письме Екатерина Кирилловна писала: «Поручения вашего на могиле Святогорского монастыря не могла исполнить, "зане осенняя выюга запрет положила", как выражаются наши славянофилы. Дождь со снегом свирепствовали в ту пору, как мы приехали в Св. Горск; невозможно было и думать о посещении могилы. Впрочем, благое ваше намерение поратовать о прахе Пушкина было уже приведено в исполнение: я не раз читала в разных листках и газетах, при описании подробном могилы, воззвание к совести Русской, для нового, более приличного великому человеку памятника. Все остается втуне, по-видимому. Боюсь только, что вы на меня сердитесь за неисполнение обещанного осмотра. Право же, невозможно было. Мы только лошадей переменили и согревались чаем на станции после 20-ти верст почтового перегона...» (из письма 1892 года, ноябрь).

Описание усадьбы Иваньково занимает в письмах баронессы Остен-Сакен особое место. С любовью повествует она о патриархальной усадебной жизни, с годами все более и более привязываясь к родовому гнезду. Сохранились снимки усадьбы, и можно представить все, о чем повествует в своих письмах Екатерина Кирилловна.

Вот несколько отрывков из писем Е.К.Остен-Сакен.

26 мая 1894 года, Иваньково

... Более двух недель я живу уже здесь с Левой⁸, и, приехав, тотчас была обрадована письмом вашим, милый Александр Владимирович. Поистине живу очарованием майских дней, в каком-то чаду здравого наслаждения.../ Полная дичь гористой местности, окружающей культурный сад и хвойный парк, где в кустах бузины соловьи заливаются, дом, полный воспоминаний, где трехлетним ребенком, большой девочкой, страстно погруженной в уроки музыки, в изучение смысла и красоты жизни, девушкой, искушенной чарами большого света, двора и артистических успехов, - невестой, женой и, наконец, матерью - я все в этом доме пережи-

ваю воспоминанием, и смысл жизни совершенно ясно представляется мне **только здесь**.

...Лева мой успел соорудить на большом пруду бриг, по всем правилам морским уснащенный, с тремя парусами, рулем и юмандой, состоящей из 4-х мальчишек в матросском платье, набранных их окрестных деревень. Русский военный флаг, наш герб и громкое название "Зыбы" украшают это сооружение, весьма красиво плывущее на темном фоне елей, под голубым небом - прямо против моих окон. Лева счастлив, весь в веснушках, загорел, - занимается только 2 часа в день со мной: английским, немецким, французским и музыкой. Так прогуляем до сентября..».

19 августа 1895 года, Иваньково

Я все более и более с годами привязываюсь к Иванькову. Этот большой, старый дом, набожно охраняемый в величайшем порядке, - один стоит среди развалин всех окружающих усадеб. Несмотря на то, что за последние шесть лет брат мой много ввел сюда парижского, модного, ненужного - характер старины не утратился; можно проследить вкус поколений с 24 года, когда дом был построен. Теперь усиленно толкуют о железной дороге, имеющей захватить наш край, и это будет через четыре года... С ужасом думаю об этом ... А теперь?... Лева ходит с ружьем, пропадает один от обеда до вечерней зари, приносит домой дупелей и уток, грызет яблочки-коробовки без перерыва, - а по вечерам заливаются слезами над эпилогом "Дворянского гнезда"; мать играет в сумерки e-moll'ное скерцо Шопена или я с нею пою ее романсы, забытые романсы Глинки; пишем нашу оперу! В работах наших, рукodelьях наших тоже есть творчество, следовательно - наслаждение; узоры составляет мне мать, а я вышиваю их; занимаюсь с Тимошкой - 13-летним мальчиком, которого беру себе на службу, - заставляя его иметь такие афоризмы: слуга служит барину, барин - Царю, Царь и все - Богу! Живется хорошо...<...>

24 июня 1896 года, Иваньково

"... Мы на три месяца водворены посреди деревенского благодушия и изобилия плодов земных (теперь земляника, начиная от полевого "мужичка - красного колпачка" - до чудовищных сортов адовых, культурных форм). Три месяца покоя, созерцания и благодарственных псалмов! Муж⁹ пьет Карлсбад и шагает в серой блузке по садам и окрестным полям. Макс, живя отдельно, с инструментом, пишет целыми днями в этом обществе старого Вир-

та, на клавишиах которого, в далеком прошлом, и Лист, и Гензельт, и Рубинштейн, и столько поющих душ изливало свои вдохновения!...

Макс¹⁰, сам поющая душа, мало и худо приспособленная к гражданскому действу жизни, запоем пишет и наслаждается, при открытых окнах в яблочные сады, где пчелы в ульях жужжат ему упорно-усыпительный мотив свой, мотив о труде настойчивом, сулящем, в будущем столько сладкого, душистого меда!...

Я теперь многою шью тонкого белья, умудряясь в метках, гладью, и находя в этой работе большое наслаждение, даже некоторое творчество... По вечерам музенируем вместе все с новым великолепным инструментом, только что приобретенным в П-ге. - Ждем Леву в половине июля из плавания; он берет отпуск и проживет здесь до сентября, если удастся..."

20 мая 1907 года, Иваньково

"... Я в настоящее время загнана жизнью в свое великое затишье, в Иваньково... и с каждым годом приезда сюда мне все яснее представляется, что нет разумных причин более расставаться с единственным уголком, оставшимся неприкосновенным, посреди всего остального, текущей жизнью поруганного, забытого, забитого, осмеянного, оскверненного!..."

Глубокий трагизм лежит в основе моей привязанности к этому клочку земли: и Россия, умирающая, здесь для меня сосредоточена, и семья моя, кровная, здесь погребенная, и все идеалы искусства, ныне отвергнутые, - все здесь еще дышит вокруг меня и зовет к себе и поддерживает во мне силы "претерпеть до конца", предвкушая блаженство открытой настежь для души, всепримиряющей вечности! - Я не думаю, чтобы строжайший отшельник более меня, в настоящее время, принадлежал этой вечности... Люди, злобы дня, заботы, радости их - представляются мне ненужным, утомительным мельканьем, заслоняющим Настоящую Жизнь, значение ее и великие цели!..."

27 мая 1907 года, Иваньково

"... Что вы скажите про ужасы, обступившие жизнь на святой Руси? Да, вы правы: слава Богу, что нет в живых наших стариков!... Я же настолько сливалась душою со старшим поколением, так искренно жила их верованиями, их идеалами, что скорблю над родиной так же глубоко и страстно, как и они бы скорбели... Ничего не осталось в Жизни из того, чем она манила и ласкала..."

Не молодость ушла, а ушла сама жизнь... Все кругом чужда, непонятно, омерзительно и мертв - главное - мертв.

Только здесь, в моем Иванькове, былое сливается с настоящим для меня... Душа расширяет свой полет в каком-то мистическом восторге, вне времени и вне пространства... Весенное торжество поет и блещет по-прежнему, море сирени в полном цвету, соловьи заливаются, каждое дерево говорит о былом, о незыблемом, о вечном! Приезжайте в Иваньково! Я теперь совсем одна, брожу в цветущем раю. Муж на несколько дней приедет к Троице... Только в июле воспользуется каникулами, не хочет брать отпуск в первый год своей новой службы в Гл. Суде. До свидания. Е.Остен-Сакен".

3 ноября 1909 года, станция Локня Моск.-Виндавс. ж.д.

"... Вы спрашиваете о Леве? Он на днях только вернулся из Ялты к жене. У них третий ребенок родился в сентябре, мальчик, Алексей, названный в честь дедушки Бирилева¹¹. Посреди морских мытарств "Штандарта" Леве удалось с нами здесь провести весь июль. Вся его семья была в Иванькове, и он так мало, так редко его посещает! Можете себе представить, насколько моя привязанность к родному гнезду от этого усиливается. Могу сказать, что всю свою заботу кладу на сохранение и улучшение моей усадьбы. Нынче осенью приготовила сюрприз для Левы (и даже муж ничего об этом не знает) - возобновила, т.е. вырыла снова запущенный еще при деде проточный пруд в саду, на свой страх и счет. Зато какая прелесть это озерко! (20 саж. ширины и более 40 саж. длины). Его заполняет вечно журжащий ручей, с плотины падает водопадом саженным. Кругом старые, могучие клены, дубы, березы, вязы и пирамидоидальный тополь, посаженный еще моею матерью ...".

11 июня 1911 года, Иваньково

"... Лева, Иваньково - вот единственны, могучие связи мои с дальним миром... Лева теперь здесь; он временно приезжает ко мне, не имея возможности получить отпуск. Я передала ему полную доверенность на Иваньково, он его обожает вместе со мною и с любовью приступает к хозяйству, столь мало обеспеченному теперь, среди всеобщей анархии... Он полон сил и надежд; будущее - впереди, для него, дай Бог "перемелится - мука будет". Для себя, лично, я ничего, даже в близком будущем определить не могу ...".

Если ехать по Великолукскому шоссе в сторону Руцкинских Гор, недалеко от старинного поселка и железнодорожной станции

Локня, в трех-четырех верстах от нее раскинулась деревня Иваньково... Лишь в памяти немногих старожил сохранились воспоминания о бывшей здесь некогда усадьбе Иваньково и ее последних владельцах... Рассказы эти обросли легендами, вымыслами, а письма иваньковских жителей полны противоречий и недосказанности, и трудно разобраться, где здесь правда, а где вымысел. Лишь старое иваньковское кладбище с могилой последнего иваньковского священника, цветущий зеленью пруд, да остов Ахтыро-Богородской церкви с кое-где видными фресками напоминают о прошедшей жизни...

Бесконечное сочувствие этим людям, в полной мере разделившим трагическую судьбу своих современников, и безвозвратно ушедшему прошлому переполняло душу, пока в поисках примет ушедшего времени мы находились на иваньковской земле... "Послушная мечта шептала страстно о временах иных, стране совсем иной..." и о несбывшейся надежде, встрече с тем "милым сельцом Иваньково", которое так любила Екатерина Кирилловна и в которое всегда стремилась мыслями и душой...

Туда, туда на пустоши родные,
Где жизнь текла отрадным детским сном,
Туда, туда деревья вековые
Меня зовут... В бессилии своем
К тебе, о глуши, я руки простираю,
На зов любовью отвечаю.

Ты знаешь край, где темные узоры
Густых лесов заткали кругозор.
Где Пушкин спит... Над ним Святые Горы,
Мечту певца лелея с ранних пор,
Хранят и прах его, и дух его священный -
Залог любви и песни вдохновенной.

Из стихотворения Е.К.Остен-Сакен "Туда"

Комментарии

1. **Остен-Сакен Екатерина Кирилловна**, баронесса, ур. Зыбина (9/21.12.1846-1923), поэтесса, писательница. Под полной фамилией печаталась в журналах "Русский вестник" (1893, № 12), "Вестник Европы" (1899, июнь; 1900, февраль), "Нива" (1899, № 11, № 14), "Задушевное слово", детский журнал (1885, № 22 и 25). Наиболее полно ее творчество представлено в стихотворном сборнике "Напевы и Настроения" (СПб., 1902) и в "Поэме детства" (П-г, изд. "Сириус", 1915). Под псевдонимом Philomele печаталась в сбо-

рнике "Между нами" (Вильна, 1876), в котором авторы, исключительно женщины поднимали современные вопросы искусства, музыки, социальные проблемы. Перевела французскую драму А. Териэ "Жан-Мари" под названием "Пришел желанный" в 1899 году, пьеса шла в Александринском и Михайловском театрах с В.Ф. Комиссаржевской в главной роли, музыка к спектаклю Ц.Кюи. Более подробно о бар. Е.К.Остен-Сакен см. в биографическом словаре "Русские писатели 1800-1917 гг.", М., "Большая Российская Энциклопедия", т. 4 (находится в работе, предположительный выход в 1999 году). Похоронена в Иванькове.

2. **Зыбина Софья Александровна**, ур. Алединская (?-1897), известная в свое время музыкантша и сочинительница романсов, славилась своим пением, особенно в дуэтах с дочерью. В настоящее время найдено тридцать восемь романсов С.А.Зыбиной, из них шесть на стихи А.С.Пушкина. В альбоме С.А.Зыбиной (Рукописный отдел Пушкинского дома, Р1, Оп. 42, № 10) находится автограф М.И.Глинки - романс, который он написал под впечатлением ее исполнения Молитвы из оперы "Жизнь за Царя" с оркестром под его руководством. Похоронена в Иванькове.

3. **Жиркевич Александр Владимирович** (1857-1927), военный юрист, литератор, коллекционер, общественный деятель, автор двух поэтических сборников, книги рассказов, целого ряда воспоминаний о встречах с выдающимися людьми русской культуры, опубликованных в "Историческом вестнике", "Русской старине" и других журналах. Подробнее об А.В. Жиркевиче см. в биографическом словаре "Русские писатели 1800-1917 гг.", М.: "Большая Российская Энциклопедия", 1992, т. 2.

4. 127 писем бар. Е.К.Остен-Сакен к А.В.Жиркевичу хранятся в его фонде (ААЖ) в Государственном музее Л.Н.Толстого в Москве.

5. В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилось пять писем Ф.И.Тютчева к Е.К.Зыбиной (бар. Е.К.Остен-Сакен), ранее находились в альбоме Остен-Сакен (Рукописный отдел ПД. Р1. Оп. 42, № 20). Сохранилась запись баронессы к последнему письму Тютчева: "Последнее письмо Ф.И.Тютчева, писанное в параличе". Из пяти писем Тютчева к Е.К. Зыбиной опубликовано лишь одно, от 28 апреля 1869 года (см. Ф.И.Тютчев. Стихотворения. Письма. М.: "Современник", 1978, с. 387. Там же хранится автограф стихотворения, который Тютчев посвятил Е.К.Зыбиной "Тут целый мир, живой, разнообразный..." Впервые опубликовано в кн. Ф.И.Тютчев в своих письмах к Е.К.Богдановой и С.П.Фролову. Л., 1926. С. 12).

6. А.Н.Апухтин посвятил С.А. и Е.К.Зыбиным стихотворение "Два голо-са". Впервые опубликовано в книге Апухтин А.Н. Стихотворения, СПб., 1886.

7. В альбоме бар. Е.К.Остен-Сакен (ПД. Рукописный отдел. Р1. Оп. 42, № 20) находится целый ряд неопубликованных писем А.Г.Рубинштейна, Ц.А.Кюи.

8. **Лев Остен-Сакен** (1879-?), младший сын Е.К.Остен-Сакен. Окончил Морской кадетский корпус. Был музыкально одарен, занимался одно время у знаменитого виолончелиста И.И.Зейферта. Проходя службу на яхте "Полярная Звезда", принадлежащей Николаю II, принимал участие в музыкальных вечерах царской семьи. В 1907 году состоял адъютантом гвардейского экипажа при Нилове. В 1916 году служил в Гельсингфорсе (Хельсинки) в Телеграфном ведомстве Морского гвардейского штаба и одновременно заведывал Музыкальной школой Балтийского флота. Расстрелян в 20-30 годах.

9. **Остен-Сакен Иоанн Альфонс Эрнест Рудольфович**, барон, генерал от инfanterии. В 1894-1906 годы Председатель Санкт-Петербургского военно-окружного суда; 1906-1908 годы - постоянный член Главного военного Суда; 1908-1911 гг. - Главный военный прокурор России и Начальник Главного военно-судного управления. Похоронен в Иванькове.

10. **Остен-Сакен Максимилиан** (?-1900), старший сын Е.К.Остен-Сакен. Из всей семьи обладал самыми значительными музыкальными способностями, но в возрасте, примерно, 23 лет, умер от скоротечной чахотки. В 1895 году во время его занятий в Петербургском университете и одновременно в Консерватории, в последней готовились к исполнению его Первой симфонии.

"Его творения: квартеты, сюиты, романсы, - писала Екатерина Кирилловна, - уже теперь приводят в изумление музыкальный мир. Макс живет этим; каждый вечер участвует в артистических квартетах у Римского-Корсакова, в Консерватории и т.д." (из письма от 7 декабря 1897 года). Известный музыкальный деятель М.П. Беляев в 1902 году собирал его произведения для посмертного издания, но, вероятно, из-за смерти самого издателя замысел осуществлен не был.

11. **Бирилев Алексей Алексеевич** (1844-1915) – адмирал, член Государственного совета, в 1904 году – главный комендант Кронштадта.

Н.В. ЛУКИНА

Пушкинское наследие и усадьба XIX века (Кузнецово Зубовых)

*Без неприметного следа
Мне было б грустно жизнь оставить.
Живу, пишу не для похвал...*

А. С. Пушкин

Поэтический мир русской усадьбы вошел в жизнь Александра Сергеевича Пушкина еще в детстве (1804-1811), в имении бабушки Марии Алексеевны Ганнибал Захарово в Подмосковье [1].

Позднее поэт неоднократно (1818, 1819, 1827, 1835 и 1836 годы) окунался в этот мир, посещая имение родителей Михайловское на Псковщине. Там же прошли и годы ссылки (1824-1826). Ближайшие усадьбы его родственников и друзей - Петровское, Воскресенское, Тригорское, Голубово - были для поэта как бы вторым домом [2].

Шесть раз гостил А.С. Пушкин в Тверской губернии (1828, 1829, 1830 и 1833 годы), в поместьях Вульфов и их знакомых: Малинниках, Павловском, Бернове, Митино, Грузинах и других [3].

Трижды (1830, 1833 и 1834 годы), в осеннее, любимое им время, посещал А.С. Пушкин имение отца Болдино [4].

Бывал поэт и в усадьбах Гончаровых - Полотняном Заводе (1830, 1834 годы) и в Яропольце (1833), а также навещал многих своих друзей в их поместьях [5].

Поэтому неудивительно, что А.С. Пушкин был прекрасным знатоком русской усадьбы и уклада усадебной жизни начала XIX века. В его произведениях можно найти немало детальных описаний русских имений и стиля жизни русских помещиков, прежде всего, конечно, в романе «Евгений Онегин», повестях «Дубровский», «Романе в письмах» и других.

Попробуем проиллюстрировать некоторые фрагменты текстов поэта об усадьбах примерами об устройстве и жизни в имении Зубовых Кузнецово Кадникового уезда Вологодской губернии, раздвинув при этом временные рамки до конца XIX века.

Имение Кузнецово на левом берегу р. Пельшмы, находилось в 12 км к югу от города Кадникова под Вологдой. Оно принадлежало Юлию Михайловичу Зубову (28.05.1839-11.05.1922) и досталось ему в наследство от его крестной матери, Елизаветы Алексеевны Бартеневой, воспитывавшей его с 4-летнего возраста. Дом в Кузнецово, вероятно, был пост-

роен еще при жизни Е.А.Бартеневой, а Юлий Михайлович поселился в нем после женитьбы на княжне Софье Петровне Ухтомской в 1863 г. Супруги воспитывали 11 детей.

У А.С.Пушкина прежде всего находим описание **местоположения господского дома** в усадьбе:

"Господский дом уединенный
Горой от ветра огражденный,
Стоял над речкою..." [6, с. 145].

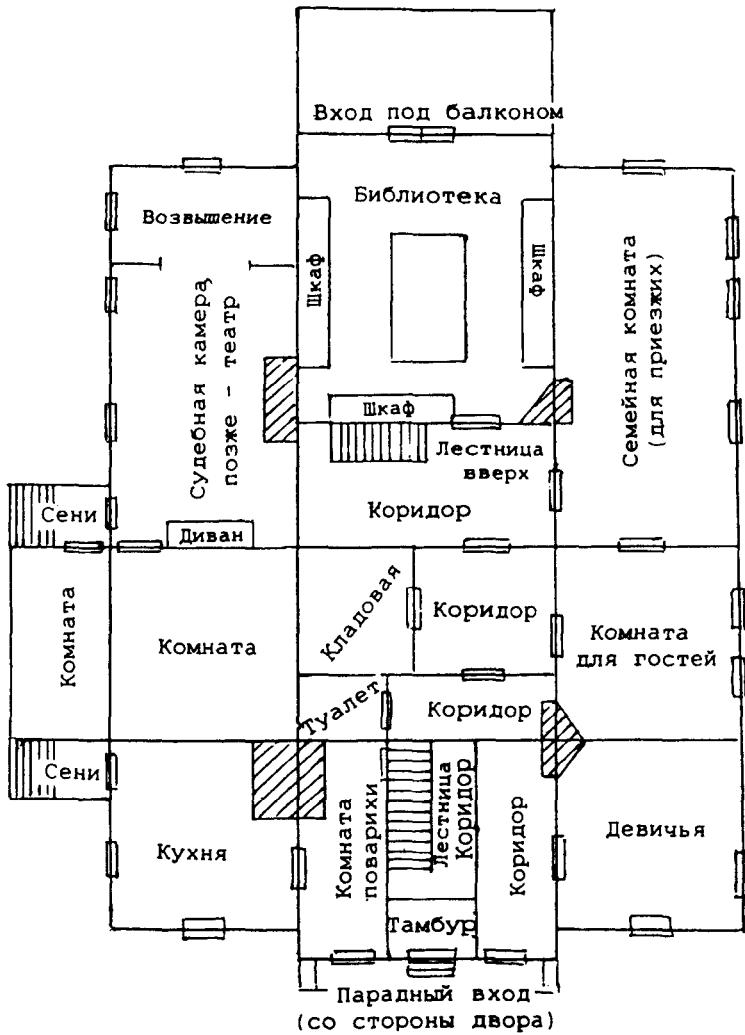
«на одном из них» (имеется в виду холмов) «над густою зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня»; «...поднялись они на гору, и Владимир увидел березовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красною кровлею» [6, с. 557]; «старинный дом на горе, сад, озеро, кругом сосновые леса» [6, с. 649].

Действительно, для помещичьего дома в дворянских имениях выбиралось всегда самое высокое и красивое место, часто на берегу реки или озера. Там же, где рельеф местности был плоский, использовался даже самый пологий склон, на бровке которого ставился дом. У подножья склона выкапывался пруд или несколько прудов, что усиливало контрастность рельефа. Так была устроена усадьба Кузнецово.

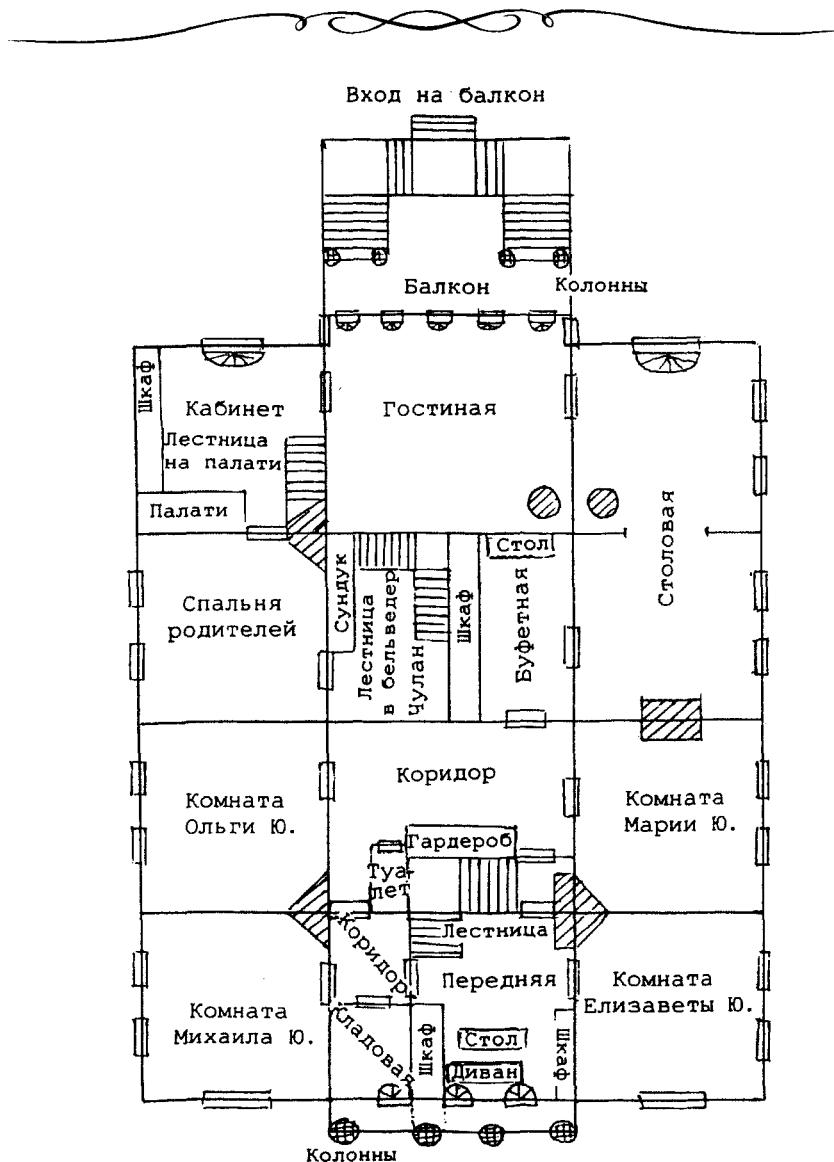
Встречаем мы у А.С. Пушкина и **описания архитектуры домов** помещичьих усадеб. В имении Арбатово князя Верейского каменный господский дом был выстроен во «вкусе английских замков». Для среднепоместного дворянства замки были нетипичны, однако дома строились большими и добротными. В «Евгении Онегине» читаем:

"Почтенный замок был построен,
Как замки строится должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины." [6, с. 145].

Таким был и кузнецовский дом; в плане он занимал площадь порядка 500 кв.м (20x 25м). Дом был двухэтажным, высотой вместе с бельведером около 10 м, с портиками и колоннами, как большинство господских домов начала прошлого века. Первый этаж был внутри высотой примерно 3 м второй -около 3,5 м . В доме было 16 просторных комнат, кухня и множество подсобных помещений, в общей сложности площадью в 1000 кв. м. 30 двух- и четырехстворчатых окон освещали второй этаж; 18, меньших по размеру, - первый. Два главных входа вели в дом со стороны двора и со стороны сада. Отдельные входы были в кухню, девичью и судебную камеру (хозяин был мировым судьей).

План первого этажа дома Зубовых (Кузнецово)

План второго этажа дома Зубовых (Кузнецова)

А.С. Пушкин упоминает про балконы: "Она любила на балконе//Предупреждать зари восход" [6, с. 149] или "Наталья Павловна к балкону//Бежит..." [6, с. 96].

Дом в Кузнецово имел огромный балкон, обращенный в сад. Часть балкона находилась под крышей портика, часть была открытой. Балкон украшали четыре колонны, к которым крепились шторы, вниз спускались две симметрично расположенные лестницы. На балкон выходили двери и окна самой большой комнаты второго этажа - высокой и светлой гостиной.

У А.С. Пушкина читаем:

*"Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах
И печи в пестрых изразцах"* [6, с. 149].

Действительно, картины и портреты царей, предков и родных были типичным украшением апартаментов усадеб. Вспомним, как Дубровский смотрит на один из таких портретов: «И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил ее облокоченную на перила, в белом утреннем платье с одною розою в волосах» [6, с. 560]. В богатых поместьях, таких, например, как князя Верейского, устраивались целые «галереи картин» [6, с. 574].

В Кузнецово картины украшали стены даже самых скромных комнат: одна из дочерей владельца усадьбы Елизавета Юльевна Зубова, была профессиональной художницей. Во второй половине XIX века к картинам добавились вставленные в рамки фотографические портреты родных.

Рядом с гостиной обычно находились столовая и чайная, к которым примыкала буфетная комната. В столовой стол накрывали, когда принимали почетных гостей, а так обычно пили чай и кушали в чайной, где муж «в халате ел и пил». Здесь же:

*"Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чем"* [66, с. 150].

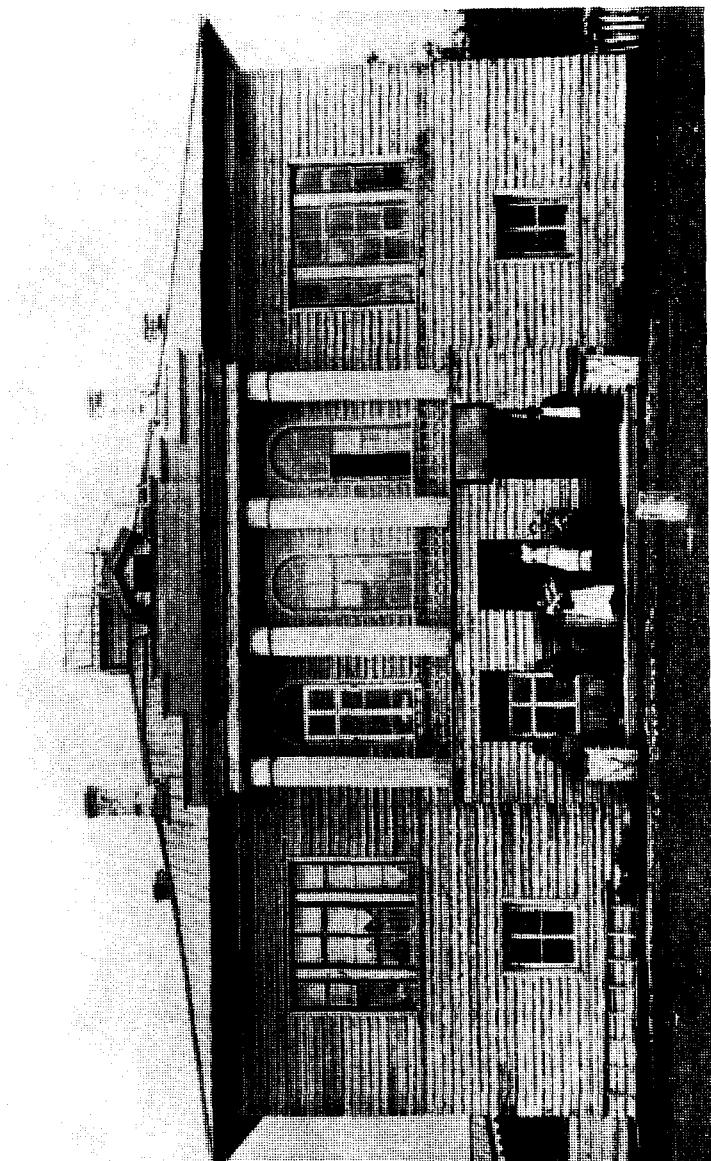
Во втором этаже дома в Кузнецово по обе стороны от гостиной размещались большая столовая с примыкавшей к ней буфетной и кабинет. Остальную площадь занимали личные комнаты родителей и детей. На первом этаже находились огромная библиотека и судебная камера, а также несколько жилых комнат для гостей, девичья и кухня.

Кроме главного господского дома, существовали флигели. У Пушкина читаем: «...в одном из флигелей его дома жили 16 горничных»;

Вид дома Зубовых (Кузнецово) со стороны сада

Фасад дома Зубовых в Кузнецово

«...гости...останавливались в господском доме и во флигелях...» [6, с. 549 и 565]. Иногда флигели соединялись с главным домом галереями, иногда стояли отдельно.

В Кузнецово в отдельно расположеннем флигеле находилась людская.

А.С. Пушкин уделил внимание **описанию самих имений**. Непосредственно перед домом мог расстилаться «густо-зеленый луг» или «двор, ... украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая». Поэт указывает на «старинный сад с его стрижеными липами, четырехугольным прудом и правильными аллеями», «просторный парк», окружающий «дом со всех сторон» [6, с. 574, 557, 573, 574].

В Кузнецово возле самого дома были разбиты цветники, а далее размещались сад, ягодники, оранжереи, огород. Все это окружал парк, имевший в плане четырехугольную форму, площадью около 1 гектара. В парке преобладали березы, но были специально посаженные кленовая и липовая аллеи, несколько дубов и другие деревья. В парке были устроены «горки с винтовыми тропинками на верхние площадки» [7]. По периметру парка рос густой непролазный кустарник, а вход в парк украшала красивая калитка. Въездные ворота находились с другой стороны, через них въезжали во двор к парадному подъезду.

Излюбленным украшением сада и парка были беседки. Читаем у Пушкина: «пиши кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами» [6, с. 574].. В Кузнецовском парке было круглое озеро с островом посередине, на который был перекинут выгнутый ажурный мостик, как в Михайловском и Голубове.

Подобная картина прекрасно нарисована А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине»:

*Татьяна «...мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью...»* [6, с. 156-157].

Находим у А.С. Пушкина и описание **семейных кладбищ помещиков**: «При выходе из рощи увидели ... деревянную церковь и кладбище, осененное старыми липами. Там покоилось тело ... матери» [6, с. 558].

*«И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник ...»* [6, с. 150].

Зубовых хоронили в километре от усадьбы, на старинном кладбище возле церкви Св. Троицы на краю села Поповское. Там была погребена

Е.А.Бартенева, захоронение которой Юлий Михайлович Зубов украсил красивым памятником (до наших дней не сохранился). Могила самого Юлия Михайловича, умершего в 1922 году, в настоящее время восстановлена потомками.

Дворянская усадьба - это, конечно, не только дом, сад, парк, родовое кладбище и т.п. Это прежде всего **традиции, уклад и образ жизни**.

«Звание помещика, - писал А.С. Пушкин в «Романе в письмах», есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши. Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении.» [6. с. 652].

Ведение хозяйства в усадьбе для большинства дворян было повседневным, часто довольно тяжким, трудом. Недаром Ларина и (или) Прасковья Александровна Осипова-Вульф «хозяйством занялась».

сама "... езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы..."

И даже Евгений Онегин задумал в деревне

"Порядок новый учредить.
В своей глупи мудрец пустынныи,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил."

В своем кабинете "почивал он, кофей кушал,/ Приказчика доклады слушал".

Поэтому у помещиков "вечный разговор":

"О сенокосе, о вине...";
"Про дождь, про лен,
Про скотный двор..." [6, с. 146, 149, 151, 178].

И в Кузнецово хозяйству уделялось основное внимание - ведь жили благодаря "натуральному продукту". Имелся большой, типичный для севера двухэтажный скотный двор и недалеко специальный дом для скотниц. Существовала своя маслобойня. Конюшня, каретник и кузница располагались отдельно. Для поения и купания коров и лошадей был выкопан специальный пруд. Имелись птичники, курятник и т.п. На прилежащих землях выращивали лен, рожь, овес и другие культуры для своего пропитания, зимнего корма скоту, а также на продажу.

Ведь нужда в деньгах была очень большой - за все приходилось платить.

Главной заботой было, конечно, **воспитание и образование детей**. В богатых семьях занимались кормилицы, няньки, дядьки, гувернеры, учителя. При воспитании Евгения Онегина

*«Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил;
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогий,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя...».*

В результате «Он по-французски совершенно

*Мог изъясняться и писал,
Легко мазурку танцевал...» [6, с. 150, 164].*

В небогатой семье Зубовых были, конечно, и кормилицы, и няни, но воспитанием и образованием детей, помимо гимназии и реального училища, занималась в основном сама Софья Петровна. Она свободно владела тремя языками, игрой на фортепиано и терпеливо передавала свои знания постепенно подрастающим детям. Позднее практически все они получили высшее образование, хотя семья еле-еле сводила концы с концами: приходилось брать кредиты, продавать землю, лес и т.п., так как обучение стоило очень дорого.

Большую часть времени в имениях занимало **чтение**. Практически в каждой усадьбе была неплохая библиотека, о чем мы узнаем прежде всего из произведений А.С. Пушкина. «Огромная библиотека, составленная большею частию из сочинений французских писателей XVIII века, была отдана в ее полное распоряжение» [6, с. 563]; «...девушка лет семнадцати .целый день в саду или в поле с книгой в руках... У нее... целый шкаф, наполненный старинными романами... Я читаю очень много, чтение дало мне повод к размышлению» [6, с. 649].

*«Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все...»;
«... с каким она вниманьем
Читает сладостный роман...» [6, с. 149, 152].*

Библиотека в Кузнецово была огромной - имела тысячи томов классической литературы, книг по искусству, описаний разных стран и путешествий, научных трудов по некоторым областям знаний, периодических изданий, в том числе детских журналов, которые сохраня-

лись, переплетались в толстые тома и читались новыми подрастающими поколениями.

Многие помещики занимались **наукой, изобретательством, сочинительством**. Юлий Михайлович Зубов был чрезвычайно разносторонним и одаренным человеком. В молодости побывав с актерской труппой в разных странах и на островах Океании и закончив естественный факультет Санкт-Петербургского университета, он на всю жизнь полюбил путешествия и посетил многие уголки мира, собирая разнообразные коллекции. Будучи на службе в качестве сначала земского начальника, члена многочисленных комиссий, затем мирового посредника, судьи и предводителя уездного дворянства, он находил время для изобретения ветровода [8], увлечения воздухоплаванием^{*}, написания научных статей о Вологодской железной дороге [9] и соединении водным путем Петербурга и Архангельска с Семипалатинском и другими сибирскими городами [10], о метрической системе, образовании, культуре [11]. Он сочинял стихи и даже драмы. Его поэма «На юг!!» была издана в 1890 году в Санкт-Петербурге [12], а драма «Царство света» готовилась к постановке в построенному Ю.М.Зубовым в городе Кадниково личном зимнем театре, о чем имеются документы в семейном архиве Зубовых.

Конечно, в поместьях соблюдались все религиозные обряды и праздники, спрашивали именины и другие семейные торжества. По А.С.Пушкину:

*«Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на маслянице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели...»* [6, с. 150].

Праздник именин Татьяны Лариной превосходно описан А.С.Пушкиным в поэме «Евгений Онегин»: там и съезд многочисленных семейств, и обильное застолье, и поздравительные куплеты, и бал, и различные развлечения.

Досуг сельского дворянства соответствовал достатку и вкусам хозяев, и в каждой усадьбе, как видно из произведений А.С.Пушкина, был различным. Мужчины увлекались псовой охотой, верховой ездой, карточной игрой.

* В статье С. Маркова «Первый аэроплан» (сборник «Сполохи. Были и легенды» Архангельск, 1990. С. 42–43) упоминается брошюра Ю.М. Зубова, посвященная авиации, и значок, подаренный Зубову в Париже французским авиационным конструктором, пионером авиации Блеррио.

Круговые качели в усадьбе Кузнецово

«Столы зеленые раскрыты:
Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист, доныне знаменитый...» [6, с. 168].

Женщины

«Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод.» [6, с. 156].

В Кузнецово круглые качели были в виде «гигантских шагов» – прикрепленных к врачающемуся на столбе колесу веревочных петель, в которые садились и, отталкиваясь от земли, кружились. Молодые девушки наряжались в крестьянские сарафаны, пели песни, водили хороводы, играли с дворовыми в разные игры. У А.С. Пушкина в «Барышне - крестьянке» описана, например, игра в горелки.

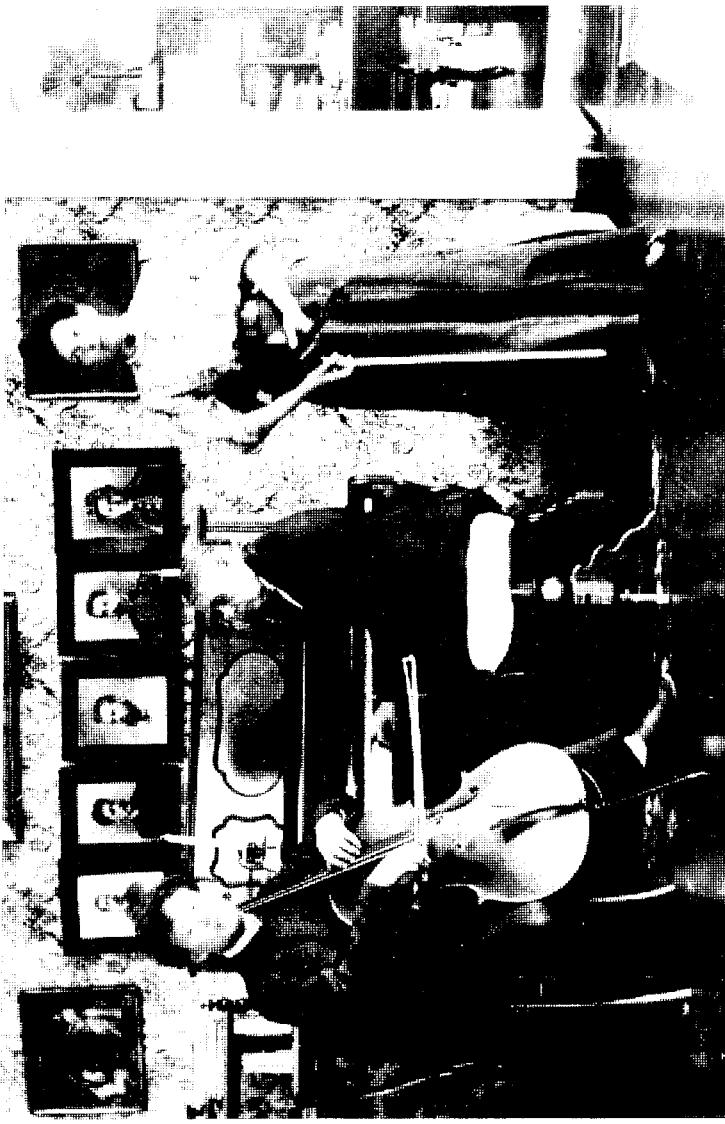
Юлий Михайлович Зубов писал в одном из писем, что если бы хоть несколько помещичьих семейств составили кружок, то не было бы ни малейшей надобности в картах и тому подобных играх, так как кроме беседы, то серьезной, то шутливой, то страстной, приятно заниматься музыкой, живописью и поэзией. Именно так, по его мнению, должно вести светскую жизнь, и такая жизнь текла в Кузнецово.

Музенирование представляло собой одно из любимых занятий в усадьбах. Почти каждая дворянская девушка «имела прекрасный голос и большие музыкальные способности» [6, с. 564]; многие играли на фортепиано и других инструментах, исполняя куплеты и романсы. Модной была гитара:

«Потом приносят и гитару,
И запищут она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!..» [6, с. 147].

В Кузнецово музенирование чаще всего принимало форму домашних дuetов, трио, квартетов или сольных концертов. Брат хозяина, профессиональный певец итальянской школы, Михаил Михайлович Зубов владел виолончелью; ему аккомпанировала Софья Петровна. Иногда присоединялись соседи или знакомые. Дочь Нина училась в консерватории игре на скрипке. Сын Миша стал пианистом и композитором. Остальные дети также были музыкально грамотны: владели мандолиной, гитарой, имели неплохие голоса, любили романсы. Так что составлялись прекрасные музыкальные семейные ансамбли.

Увлечение музыкой принимало и серьезные формы. Михаил Михайлович Зубов с 1892 по 1901 годы написал четыре оперы на сюжеты А.С. Пушкина: «Цыганы», «Граф Нулин», «Бахчисарайский фонтан» и

Музыкальный вечер в доме Зубовых (Кузнецово)

«Барышня-крестьянка» [13]. Михаил Юрьевич создал много фортепьянных произведений и оставил после себя около 50 романсов.

Вся жизнь помещиков была тесно связана с крестьянами. Около усадеб «разбросаны были **деревенские избы** с их огородами и колодезями» [6, с. 557].

Судя по фотографиям из архива Зубовых, порядок и чистота в деревнях вокруг имения Кузнецово были необыкновенными. Дома и дворовые постройки - в порядке, крыты тесом или дранкой; дворы от грязи застелены досками и т.д.

Не все владельцы имений обращались со своими крестьянами так жестоко, как пушкинский Троекуров. Многие **помещики заботились о крестьянах**: на свои средства создавали школы, учили детей и даже взрослых грамоте и различным ремеслам, раздавали книги для чтения и т.д.

Старший сын Ю.М.Зубова, Владимир Юрьевич, на свои средства обучал живописи талантливого крестьянского мальчика Александра Федоровича Пахомова, впоследствии окончившего Петербургскую Академию художеств и ставшего известным художником.

В имении Кузнецово для крестьянских детей организовали школу, преподавание вели дочери Зубовы. Они же устраивали детскую елку и другие праздники, готовили подарки. Мария Юрьевна создала даже детский крестьянский театр, для которого сама писала пьесы для инсценировок, придумывала декорации и костюмы. Сцену и зрительный зал обустроили в усадебном доме, в большом помещении судебной камеры, в котором было возвышение. И школа, и театр, конечно, очень одобрялись крестьянами.

Как видим, жизнь в усадьбах не была скучной, и ее насыщенность и духовность целиком зависели от хозяев имений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкинское Захарово. Гос. истор.-лит. музей-заповедник А.С.Пушкина Вяземы - Захарово. 1995. С. 32.
2. Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л.: Лениздат, 1989. С. 446.
3. Черейский Л.А. Пушкин и Тверской край. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 143.
4. Обитель дальняя трудов. Болдино. М.: Сов. Россия, 1981. С. 159.
5. Пантелейев В.М., Сидоренко А.И. Полотняный Завод Тула, Приокское кн. изд-во, 1970. С. 175.
6. А. Пушкин. Золотой том. Собрание сочинений. Изд. дом в Москве "ИМИДЖ", 1993. С. 145.

7. Лукина Н.В. Новый документ об имении Вревских Голубово //Усадьба в русской культуре XIX - начала XX веков (материалы научной конференции 22 - 24 ноября 1994 г. Пушкинские Горы). М., 1996. С. 15.

8. Акт об испытании 9 июля 1871 г. в с. Кузнецово воздушного двигателя - ветровода, изобретенного Ю.М.Зубовым. Текст акта с описанием устройства ветровода любезно предоставил автору вологодский краевед А.В.Мухин, у которого хранится подлинник документа.

9. Записка члена бывшей Вологодской комиссии по вопросу о железной дороге Ю.М. Зубова // Вологодские губернские ведомости. 1869, № 29.

10. Поездка по Вологодской губернии. Путевые впечатления Ю.М.Зубова. Вологда. Изд. Вологодского о-ва изучения Северного края. 1911. С. 28.

11. Статьи "Единство счета (с таблицей) и "Область знаний" (с таблицей) 1903 г. и "Культура" 1917 г.//Семейный архив Зубовых.

12. На юг!! Соч. И. Волгина (псевдоним Ю.М. Зубова). С.-Петербург, Тип. А.С. Суворина, 1890. С. 102.

13. Пушкин в музыке: Справочник. М.: "Советский композитор", 1974, С. 175, 178, 180.

**Об авторах сборника
«Михайловская Пушкиниана», выпуск 5**

Буковский Александр Владимирович

зав. сектором экскурсионно-туристического отдела

Иванова Людмила Васильевна

доктор исторических наук, председатель общества
изучения русской усадьбы

Жиркевич-Подлесских Наталья Григорьевна

внучка В.Н. Жиркевич, профессиональный
музыкант-педагог, внештатный сотрудник
Заповедника.

Козьмин Вячеслав Юрьевич

зав. отделом этнографии, заведующий музеем
«Мельница в Бугрово»

Лукина Нина Владимировна

научный сотрудник, работник высшей школы,
потомственная Зубова, фамилия которых связана с
владельцами Голубова.

Степанова Татьяна Валентиновна

заведующая отделом научного архива Заповедника.

Содержание

Буковский А.В.

А.С. Пушкин. Псковская хроника
(ноябрь–декабрь 1826 года) **3**

Степанова Т.В.

Материалы к истории Святогорского
монастыря (советский период) **42**

Козьмин В.Ю.

Флигели Михайловского.
Историческая справка **75**

Иванова Л.В.

Организация музеев–усадеб после октября
1917 года **97**

Жиркевич–Подлесских Н.Г.

Забытые уголки русской провинции.
Усадьба Иваньково **108**

Лукина Н.В.

Пушкинское наследие и усадьба XIX века
(Кузнецово Зубовых) **117**

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Сборник статей научных сотрудников

Музея-заповедника А.С. Пушкина

Выпуск 5

Редактор Егорова Е.Б.

Компьютерная верстка Игнатова Е.А.

Изд. № 7 Подписано в печать 10.08.99

Объем 8.5 уч.-изд. л.. Тираж 1000 экз. Заказ №47.

Международный центр научной и технической информации

125252, Москва, ул. Куусинена, 21б

